Джеральд Даррелл

Говорящий свёрток

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МИФЛАНДИЯ
ДОЛИНА ФЕНИКСОВ
РУДНИКИ ГРИФОНОВ
ЛУГА ЕДИНОРОГОВ
КРИСТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ХОЛМЫ ЛУННЫХ ТЕЛЬЦОВ

ОБОРОТНЕВЫЙ ОСТРОВ

ОСТРОВ ЗОЛОТОГО ГУСЯ

ПОЮЩЕЕ МОРЕ

ЗАМОК ВАСИЛИСКОВ

ГЕРЦОГСТВО ГОРНОСТАЙСКОЕ

МИФЛАНДИЯ
ДОЛИНА ФЕНИКСОВ
РУДНИКИ ГРИФОНОВ
ОБОРОТНЕВЫЙ ОСТРОВ
ОСТРОВ ЗОЛОТОГО ГУСЯ
ЛУГА ЕДИНОРОГОВ
ПОЮЩЕЕ МОРЕ
ЗАМОК ВАСИЛИСКОВ
КРИСТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ХОЛМЫ ЛУННЫХ ТЕЛЬЦОВ
ГЕРЦОГСТВО ГОРНОСТАЙСКОЕ

GERALD DURRELL
TNE TALKING PARCEI

J. B. Zippincott Company.
Philadelphia and New York
1975

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Джеральд Даррелл

Говорящий сверток

Сказочная повесть

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

И(Англ.)
Д 20

*Эта книга посвящается
моей крестнице
Дейрдре Александре Плэтт*

Дорогая Дейрдре!

Вот обещанная книга, — надеюсь, что она тебе понравится.

При следующей нашей встрече бесполезно спрашивать меня, все ли в книге правда, — я поклялся соблюдать тайну. Но вот тебе несколько намеков.

Например, могу тебя заверить, что индийский кузен Попугая — существо абсолютно реальное и не только разъезжал в роллс-ройсах, но и в самом деле имел международный паспорт. Если тебе когда-нибудь доведется побывать в Греции, ты найдешь мадам Гортензию на ее помосте, точь-в-точь как я описал, и сможешь проехаться по долине до самого входа в Мифландию. И наконец, если ты заглянешь в книгу Эдуарда Топсела под названием «История четвероногих», ты прочтешь там, что горностаи действительно были средством против василисков.

А раз так, то как ты можешь сомневаться в остальном?

Любящий тебя крестный
Джерри

Рисунки М. Беломлинского

70803—171
Д————————392—81
М101(03)—81

Оглавление

1

Говорящий сверток

Когда самолет, которым Саймон и Питер летели в гости к кузине Пенелопе на летние каникулы, приземлился в Афинах и дверца самолета открылась, их, точно из печки, обдало волной жара, и они зажмурились от ослепительного солнца. После серенькой сырой погоды, к которой они привыкли у себя в Англии, это было великолепно. Мальчики потягивались и щурили глаза, словно кошки перед очагом, и, как зачарованные, прислушивались к звучавшей вокруг них трескучей и взрывчатой греческой речи.

В первый момент дядя Генри, встречавший их в аэропорту, несколько их напугал: большой, грузный, с хищным носом и седой шапкой волос, он походил на громадного орла, к тому же он, как крыльями, все время размахивал громадными ручищами. Непонятно, откуда у такого отца могла взяться такая хорошенькая дочь — тоненькая, с большущими зелеными глазами и рыжеватыми кудрями.

— Ага, — со свирепым видом приветствовал их дядя Генри, — прилетели? Славно, славно. Рад вас видеть. Вы уже куда менее отвратительны, чем в прошлый раз, когда я вас видел сразу после вашего рождения. Вы были похожи на белых мышей, на розовых мерзких мышат.

— Папочка, — вмешалась Пенелопа, — не груби.

— Кто грубит? Я и не думаю грубить, просто рассказываю, какие они были.

— Это ваш багаж? — кивнула Пенелопа.

— Да, — ответил Питер, — два чемодана и шлюп.

— Шлюп? — удивился дядя Генри. — Какой еще шлюп?

— Надувная лодка, — пояснил Саймон. — Папа нам подарил.

— Ну какие же вы молодцы, что догадались захватить ее с собой! — восхитился дядя Генри. — Ай да умницы!

Мальчики просияли от удовольствия и решили, что дядя Генри, пожалуй, не так уж плох.

Погрузив в багажник дядиной большой открытой машины свои вещи, они покатили под палящим солнцем по дороге мимо серебристых оливковых деревьев и темно-зеленых кипарисов, торчавших на фоне синего неба, точно копья.

Вилла дяди Генри оказалась большим неуклюжим домом, встроенным в склон горы прямо над синим морем. Широкие веранды были затенены от солнца виноградными лозами, склонявшимися под тяжестью гроздьев винограда. Таких крупных виноградин мальчикам никогда не приходилось видеть. Стены дома были побелены, огромные зеленые ставни хозяева держали полуприкрытыми, и от этого в комнатах сохранялась прохлада, а освещение было неярким и зеленоватым, как в аквариуме. Мальчикам отвели громадную комнату с кафельным полом и дверью, выходившей на увитую виноградом веранду.

— Вот здорово, — с одобрением произнес Питер, — значит, каждое утро до завтрака можно будет срывать целую кисть.

— В саду есть еще апельсины, мандарины, инжир, — перечисляла Пенелопа, — дыни, абрикосы, персики...

Она сидела на одной из постелей и наблюдала, как мальчики распаковывают вещи.

— Мне как-то не верится, что мы уже здесь, — заметил Саймон.

— Мне тоже, — подтвердил Питер. — Правда, жара такая, что, наверное, мы все-таки в Греции.

Пенелопа засмеялась.

— Это разве жара!

— Выкупаться надо, вот что, — решил Питер.

— Именно это я и хотела вам предложить — после второго завтрака, — сказала Пенелопа. — Прямо под нами большущий пляж, там замечательно купаться.

— Спустим на воду шлюп, — добавил Саймон.

— Замечательно, — заключил Питер. — И поплывем навстречу приключениям.

Позавтракав, все трое надели купальные костюмы, взяли сложенную лодку и насос и спустились по каменистому склону, где упоительно пахло тимьяном и миртом, вниз, на широкий ослепительно белый пляж, протянувшийся в обе стороны, насколько хватал взгляд. Синяя гладь была неподвижна, как в озере, и прозрачна, как стекло.

Надувать лодку было так жарко, что дети то и дело прерывали это занятие и бежали окунаться. Наконец лодка закачалась на мелко-

водье, точно пухлое синее облако. Ребята забрались в нее, прихватив с собой необходимые для путешествия предметы, на которых настаивала Пенелопа: большой пляжный зонт и сумку с несколькими бутылками лимонада. Саймон и Питер сели на весла, Пенелопа — на руль, и они двинулись вдоль берега.

Солнце палило нещадно, с берега из оливковых рощ доносилось слабое стрекотание цикад, похожее на звуки цитры. Проплыв с четверть мили, мальчики бросили весла и вытерли струившийся по лицам пот.

— Ну и жарища! — воскликнул Питер.

— Да уж, — согласился Саймон, — я прямо испекся.

— А может, дальше не поплывем? — предложила Пенелопа. — Для первого дня хватит, сейчас действительно жарко. Почему бы нам не устроить привал?

Саймон бросил взгляд через плечо: метрах в двухстах от них в море выдавалась длинная и плоская песчаная отмель, образуя маленький заливчик.

— Давайте здесь? — предложил он. — Здесь и бросим якорь.

Они заплыли в залив, поставили лодку на якорь в неподвижной воде, вылезли на берег, укрепили зонт, который отбрасывал тень величиной с шляпку гриба, и Пенелопа откупорила три бутылки лимонада. Так они лежали, потягивая лимонад, а потом, замученные жарой и утомленные греблей, мальчики уснули, положив головы на руки.

Пенелопа же, допив лимонад и немножко подремав, решила взобраться на верхушку песчаной дюны. Ступать босиком по раскаленному песку было больно, но она все-таки добралась до гребня. Пляж, казалось, простирался до самого горизонта, но вдали воздух так трепетал от жаркого марева, что разглядеть ничего было нельзя. Пенелопа собиралась уже вернуться под желанную тень зонта, как вдруг заметила в воде какой-то предмет. Он приближался к берегу, подгоняемый легкой рябью от неизвестно откуда взявшегося ветерка. Сперва она приняла этот предмет за полено. Но постепенно его вытолкнуло на песок, и она разглядела, что это большой пакет из оберточной бумаги, перевязанный лиловым шнурком. Только она хотела сбежать с дюны и рассмотреть находку... как сверток вдруг заговорил.

— Эй, там! — произнес он скрипучим голосом. — Эй, там! Земля по правому борту! И давно пора, клянусь Юпитером. Это бесконечное «бултых-бултых, бултых-бултых» губительно отражается на моих внутренностях.

Пенелопа, не веря своим ушам, уставилась на сверток. Обыкновенный большой пакет, имевший вид конуса, около метра длиной и сантиметров семидесяти в поперечнике, он смахивал по форме на старинный улей.

— Морская болезнь — это бич нашей семьи, — продолжал сверток. — Моя прабабушка была так сильно подвержена морской болезни, что ее частенько укачивало, когда она принимала ванну.

«С кем он разговаривает? — подумала Пенелопа. — Не со мной же?»

И как раз в эту минуту из пакета послышался еще один голос — тихий, нежный, звенящий голосок, словно эхо овечьего колокольчика:

— Ах, отстаньте вы со своей прабабушкой и ее морской болезнью. Меня так же тошнит, как и вас. Я хочу знать одно: что теперь делать?

— Благодаря моим блестящим навигационным способностям мы благополучно пристали к суше, — ответил первый, скрипучий голос. — Теперь надо ждать, пока нас освободят из заключения.

Сверток был слишком мал и не мог вместить человека, тем более двух, и все же из него, несомненно, раздавалось два голоса. Пенелопе стало жутковато, она почувствовала, что ей как-то не хватает Питера и Саймона, — с ними было бы куда приятнее разгадывать эту загадку. Поэтому Пенелопа повернулась и быстро сбежала с дюны вниз, где под зонтом спали мальчики.

— Питер, Саймон, проснитесь, проснитесь, — прошептала она, тряся их за плечи. — Просыпайтесь же, это очень важно.

— В чем дело? — Саймон приподнялся и, зевая, сел.

— Скажи ей, пусть уйдет, — пробормотал Питер. — Спать охота, а не играть в игры.

— Я вовсе не играю, — возмущенно прошептала Пенелопа. — Проснитесь же! Я нашла что-то непонятное на той стороне дюны.

— Что ты нашла? — Саймон потянулся.

— Сверток, — ответила Пенелопа. — Большой сверток.

— О господи, — простонал Питер. — И ради этого ты нас разбудила?

— А что особенного в этом свертке? — осведомился Саймон.

— Вам когда-нибудь попадался пакет, который разговаривает? — отпарировала Пенелопа. — Со мной это не часто бывает.

— Разговаривает? — Питер сразу и окончательно проснулся. — Да ну? А тебе не померещилось? Может, у тебя солнечный удар?

— Говорящий сверток? — усомнился Саймон. — Ты, наверное, шутишь.

— Ничего я не шучу, и солнечного удара у меня нет, — рассердилась Пенелопа. — Мало того: он разговаривает двумя голосами.

Мальчики глядели на нее во все глаза.

— Послушай, Пенни, — смущенно сказал Саймон, — а ты точно не фантазируешь?

Пенелопа с досадой топнула ногой.

— Конечно нет, — бешеным шепотом возразила она. — Какие вы оба тупые. Я нашла пакет с двумя голосами, он разговаривает сам с собой. Не верите, — пойдите и посмотрите.

Неохотно, все еще побаиваясь, что Пенелопа их дурачит, мальчики двинулись за ней вверх по дюне. Взойдя наверх, она приложила палец к губам, прошипела «ш-ш-ш», потом легла на живот, мальчики за ней, и остаток пути они проползли на животе. Затем все трое заглянули вниз... И у подножия дюны увидели сверток. Вокруг него разбегалась мелкая зыбь. И тут мальчики застыли от изумления — сверток вдруг запел на два голоса:

Из лунной моркови пирог, из лунной моркови пирог,
Он в мускулы силу вольет, и бледность он сгонит со щек.
Корова, свинья и баран, что лакомый любят кусок,
Лелеют в счастливых мечтах из лунной моркови пирог.

Из лунной моркови бисквит, из лунной моркови бисквит,
Он дух наш заставит гореть и душу в борьбе укрепит.
И лошадь, и даже осел, печальный имеющий вид,
Очень не прочь пожевать из лунной моркови бисквит.

Из лунной моркови рагу, из лунной моркови рагу
Вкуснее — ну как ни крути! — найти ничего не могу.
И лебедь прекрасный в пруду, и гордый павлин на лугу
Зачахнут, когда их лишат из лунной моркови рагу.

— Слыхали? — торжествующе прошептала Пенелопа. — Что я вам говорила?

— Невероятно, — пробормотал Питер. — Что же это такое? Двое карликов?

— Тогда они какие-то особенно маленькие карлики, если поместились в этом свертке, — заметила Пенелопа.

— Мы не узнаем, что это такое, пока не развяжем пакет, — рассудил Саймон.

— А как знать, будет ли он доволен, если его развяжут? — задумчиво проговорил Питер.

— Он что-то такое упоминал про освобождение, — вспомнила Пенелопа.

— Ладно, спросим его, — решил Саймон. — По крайней мере он говорит по-английски.

Мальчик стал решительно спускаться и первым подошел к свертку, который самозабвенно распевал, не подозревая ни о чьем присутствии:

Из лунной моркови омлет, из лунной моркови омлет,
Он сделал меня молодцом, которому равного нет.
Младенец в пеленках сырых и старец, что мохом одет,
Ликуют, завидев едва из лунной моркови омлет.

Саймон откашлялся.

— Простите, — начал он, — простите, что прерываем вас, но...

Из лунной моркови бульон, из лунной моркови бульон,
Он лучше бальзама для тех, кто тяжким недугом сражен.
Хлебнете хороший глоток — и гибнет микробов мильон.
Смертелен для хвори любой из лунной моркови бульон.

— Простите, — сделал новую попытку Саймон, уже гораздо громче.

Пение прекратилось, наступила тишина.

— Что это? — наконец испуганно шепнул тоненький звенящий голосок.

— Какой-то голос, — ответил скрипучий. — Я почти уверен, что это был голос, если только это не был удар грома, вой урагана, шум прилива, грохот землетрясения или...

— ПРОСТИТЕ! — на этот раз что есть мочи прокричал Саймон. — Хотите вы, чтобы вас развязали?

— Ну вот, пожалуйста, — произнес скрипучий голос. — Я же говорил, что это голос. Предлагает нас развязать. Как мило. Скажем «да»?

— Еще бы, — отозвался звенящий голосок. — Мы столько просидели в темноте.

— Прекрасно, — произнес скрипучий голос. — Мы разрешаем нас развязать.

Ребята тесно окружили сверток. Саймон достал перочинный нож, осторожно разрезал толстый лиловый шнурок, и они принялись стаскивать бумагу. Под ней обнаружилось нечто напоминающее большой стеганый чехол для чайника, густо покрытый узором из листьев и цветов, вышитых золотой нитью.

— Разрешите снять ваше... э-э-э... ваш чехол для чайника? — спросил Саймон.

— Чехол для чайника? — негодующе переспросил скрипучий голос. — Нет, слыхали, какое невежество! Да разве это чехол для чайника? Это защитная накидка от ночного ветра и ненастной погоды, и сделана она из натурального шелка, полученного от радужного шелкопряда.

— О, простите, — сказал Саймон. — Так разрешите ее снять?

— Разумеется, — ответил скрипучий голос. — Приложите все усилия, чтобы попытка освободить нас увенчалась успехом.

На верхушке чехла нашлось что-то вроде металлической петли, и Саймон, взявшись за нее, сдернул покрышку целиком. Под ней оказалась большая, с куполом, золотая клетка, с необычайной элегантностью обставленная миниатюрной мебелью. Помимо двух жердочек кедрового дерева и кольца, имелась красивая кровать на четырех столбиках под красным балдахином, застеленная красивейшим лоскутным покрывалом из мельчайших пестрых шелковых и камчатных лоскутков; небольшой обеденный стол в стиле Людовика Пятнадцатого и стул; элегантный застекленный шкафчик, уставленный фарфором ручной росписи. Там висело большое, до полу, зеркало в золотой раме и рядом с ним — щетка и гребенка слоновой кости. А также стоял очень удобный шезлонг, обитый ярко-синим бархатом, и клавесин красного дерева.

В шезлонге же непринужденно расположился удивительнейший попугай, какого ребятам никогда не приходилось видеть. Весь пурпурный, золотой, зеленый, голубой и розовый, он сверкал, блестел и переливался, как перламутр. Его большой гладкий крючковатый клюв был черен, как будто вырезан из угля, а глаза фиалковые. Но удивительнее всего было оперение: вместо того чтобы лежать гладко, каждое перо у него стояло торчком и курчавилось, как шерсть у пуделя. Из-за этого он имел вид какого-то дивного расцвеченного дерева в весеннюю пору, у которого налились и вот-вот лопнут почки. На голове у него была шелковая зеленая шапочка с длинной черной шелковой кистью. Рядом с его шезлонгом стоял еще один маленький столик, а на нем — еще одна клетка, совсем миниатюрная, размером с наперсток. В ней сидел золотой паук с нефритово-зеленым крестом на

спине. Было ясно, что звенящий голосок принадлежит пауку, а скрипучий — попугаю.

— Так вот это что! —воскликнул Питер.

— «Что»? — Попугай от возмущения даже привстал. — «Что»?

— Попугай! — обрадовалась Пенелопа.

— Просто попугай, обыкновенный говорящий попугай, — добавил Саймон. — Как мы не догадались?

— Ну знаете! — с таким ожесточением завопил попугай, что дети сразу умолкли. — Ну знаете! — продолжал попугай уже потише, довольный тем, что завладел их вниманием. — Нельзя ли поменьше всяких этих «простых, обыкновенных попугаев», а?

— Простите, — сказала Пенелопа. — Мы не хотели вас обидеть.

— Но обидели, — отрубил попугай.

— Но вы действительно обыкновенный попугай, правда? — возразил Питер.

— Опять, опять! — разозлился попугай. — Что за дур-рацкая безобр-разная болтовня про «обыкновенного» попугая. Я — НЕобыкновенный попугай!

— Просим прощения... боюсь, мы вас не понимаем, — проговорила в недоумении Пенелопа.

— Обыкновенным попугаем может быть любой, вернее, любой попугай, — объяснил попугай. — Но я-то не любой, я — единственный в своем роде. Об этом достаточно красноречиво говорят мои инициалы.

— Инициалы? Какие? — озадаченно спросил Саймон.

— Мои, — отрезал попугай. — Ну и нелепые вы задаете вопросы!

— Но что именно за инициалы? — не отставала Пенелопа.

— Расшифруйте сами. Меня зовут Персиваль Оскар Перегрин Урбан Гарольд Арчибальд Икебод.

— Ой, получается «попугай»! — Пенелопа была в восторге. — Прелестные инициалы.

— Благодарю, — скромно ответил попугай. — Вот почему я не просто попугай. Разрешаю вам называть меня Попугай с большой буквы.

— Спасибо, — ответила Пенелопа.

— А это, — продолжал он, указывая крылом на маленькую клетку, — Дульчибелла, моя домоправительница, певчая паучиха.

— Здравствуйте, — отозвалась Дульчибелла.

— Здравствуйте, — сказали дети.

— Здравствуйте, — повторил Попугай.

— Знаете, что я скажу, — задумчиво проговорила Пенелопа, — теперь я понимаю, почему вы необыкновенный попугай. Пожалуйста, не обижайтесь, я только хочу сказать, что вы говорите гораздо лучше большинства других попугаев. То есть осмысленнее других, понимаете? В общем, вы как будто понимаете, о чем говорите, а другие попугаи не понимают.

— Естественно, понимаю, — отозвался Попугай. — А знаете, почему остальные попугаи не понимают, что говорят?

— Почему?

— Потому что их учат говорить люди. Способ, достойный порицания.

— Ну а вас кто учил? — поинтересовался Питер.

— Меня учил словарь, — с гордостью ответил Попугай.

— Словарь? — недоверчиво переспросила Пенелопа. — Как может учить словарь?

— А как же иначе? — возразил Попугай. — Вся беда, повторяю, в том, что большинство, если не всех, попугаев обучают люди. А люди никогда им не объясняют то, чему учат.

— Мне это в голову не приходило, — удивился Питер.

— Какой нормальный, разумный, здравомыслящий, уважающий себя попугай твердил бы целыми днями «попка дурак», если бы понимал, что это значит? — Голос у Попугая задрожал от негодования. — Какая порядочная, честная, скромная, застенчивая, робкая птица приставала бы целыми днями к совершенно незнакомым людям с требованием «почеши попочке головку», если бы знала, что это значит?

— Да, действительно, теперь я вижу, что это просто жестоко, — задумчиво проговорила Пенелопа.

— Да, — согласился и Саймон, — это вроде тех противных слов, которым учат младенцев: «папусик», «мамусик», «ав-ав» и всякое такое.

— Совершенно верно, — торжествующе провозгласил Попугай. — Судите сами: какой нормальный младенец обращался бы к каждому встречному представителю парнокопытных «му-му», если бы знал, кто это на самом деле?

— Представителю кого? — не понял Питер.

— Он имеет в виду коров, — объяснил Саймон, который знал больше умных слов, чем Питер.

— Нет и нет, — продолжал Попугай, — единственный способ научиться говорить — обучаться у словаря. Мне в высшей степени посчастливилось получить образование из рук большого, дружески расположенного, исчерпывающего словаря, в сущности единственного в своем роде.

— Как можно получить образование из рук словаря? — недоумевающе спросила Пенелопа.

— Там, откуда я родом, — ответил Попугай, — можно. Этот словарь — самая очеловеченная книга в наших краях наряду с Великой Книгой Заклинаний и Троянским Травником.

— Боюсь, что я опять не понимаю, — проговорила Пенелопа.

— Ты исключительно непонятливая, бестолковая, несмышленая девочка, — рассердился Попугай, — к тому же еще упрямая, агрессивная, непоследовательная и нелогичная.

— По-моему, совсем не обязательно говорить грубости, — вмешался Питер. Он не понял значения всех слов, но на слух они ему не понравились, и он почувствовал, что пора выступить в защиту своей кузины.

— Грубости? — повторил Попугай. — Грубости? Я и не думаю грубить, просто я проветриваю некоторые слова, им так это нужно, бедняжкам. Это входит в мои обязанности.

— Проветриваете слова?! — воскликнул Саймон. — Как это?

— Он хранитель слов, — вдруг прозвенела Дульчибелла. — Это очень важная должность.

— Когда потребуется, чтобы вы встревали, мы вас предупредим. — Попугай устремил на Дульчибеллу испепеляющий взгляд.

— Простите. — Дульчибелла расплакалась. — Я только хотела быть полезной, я только хотела похвалить того, кто заслуживает похвалы, я хотела...

— Замолчите вы наконец? — загремел Попугай.

— Ах, так! Ну и пожалуйста. — Дульчибелла попятилась в глубь клетки и принялась пудрить нос. — Буду дуться.

— Дуйтесь на здоровье, — отрезал Попугай. — Типично паучье поведение.

— Так что означает «проветривать слова»? — повторил Саймон.

— Что означает «хранитель слов»? — поинтересовался Питер.

— Ну, хорошо, — ответил Попугай, — я действительно хранитель слов, но пусть это останется между нами. Видите ли, в нашем краю жизнью каждого управляют три книги. Говорящие, разумеется, не то что ваши унылые, старомодные, будничные книги. Одна называется Великая Книга Заклинаний, вторая — Троянский Травник и третья — Гигантский Словарь. Меня воспитывал Словарь, и, соответственно, я стал хранителем слов.

— А что вы должны делать? — задала вопрос Пенелопа.

— О, это очень важная работа, поверьте мне. Знаете ли вы, сколько слов в английском языке?

— Сотни, — предположил Питер.

— Скорее тысячи, — поправил его Саймон.

— Совершенно верно, — сказал Попугай. — А точнее — двести тысяч слов. Так вот, обыкновенная средняя личность пользуется изо дня в день и день за днем одними и теми же словами.

Тут глаза его наполнились слезами, он вытащил из-под крыла большой, перепачканный чем-то платок и высморкал клюв.

— Да, — продолжал он, всхлипывая. — А что, вы думаете, происходит со всеми неиспользованными словами?

— Что происходит? — переспросила Пенелопа, широко раскрыв глаза.

— Если за ними не присматривать, — пояснил Попугай, — если не давать им упражняться, они чахнут и исчезают, бедняги. В этом и заключается моя работа: раз в году я обязан сесть и перечитать вслух весь Словарь, чтобы все слова получали должный моцион. Но и в течение года я стараюсь употреблять как можно больше слов, а то ведь одной тренировки в году для крошек недостаточно. Они так засиживаются, что просто погибают от скуки.

— Время не ждет! — неожиданно подала голос Дульчибелла.

— Вы, кажется, собирались дуться? — Попугай грозно сверкнул глазами.

— Я кончила. Дуться было восхитительно, но время не ждет.

— Что вы хотите этим сказать? — раздраженно спросил Попугай.

— А то, что не сидеть же нам тут весь день, пока вы читаете лекции про слова. Нам пора назад. Не забывайте, у нас уйма дел.

— У нас, у нас уйма дел — мне это нравится! — вспылил Попугай. — Вы целыми днями сидите себе в клетке, поете да дуетесь, а на мою долю выпадает всем руководить, принимать важные решения, проявлять чудеса храбрости и сообразительности...

— Большую сообразительность вы проявили, добившись, чтобы нас изгнали, — фыркнула Дульчибелла. — Я бы во всяком случае не назвала это сообразительностью.

— Давайте, давайте, валите всю вину на меня! — закричал Попугай. — Откуда мне было догадаться, что жабы нападут ночью, а? Как я мог знать, что жабы упакуют нас в вульгарную оберточную бумагу и бросят в реку, а? Вас послушать, так это я подстрекнул василисков захватить власть, ах вы... ах вы... безмозглая, несуразная, скудоумная паучиха, ах вы...

— Сейчас я начну дуться! — взвизгнула Дульчибелла, снова принимаясь рыдать. — Я буду дуться целый час. По договору вы не имеете права оскорблять меня чаще раза в неделю, а вы сегодня оскорбили меня уже два раза.

— Ну ладно, ладно, — встревоженным тоном произнес Попугай. — Простите. Ну же, перестаньте дуться, и я угощу вас пирогом из мясной мухи, когда мы вернемся.

— Правда? Обещаете? — повеселела Дульчибелла.

— Да, да, обещаю, — раздраженно ответил Попугай.

— А нельзя еще суфле из кузнечика? — вкрадчиво осведомилась Дульчибелла.

— Нет, нельзя, — отрезал Попугай.

— Ну, хорошо, — вздохнула Дульчибелла и опять принялась, напевая, пудрить нос.

— Что за жабы? — с любопытством спросил Питер.

— И василиски, — подхватила Пенелопа. — Кто они такие? И почему вы оказались в изгнании?

— И где они захватили власть? — добавил Саймон.

— Тихо! — закричал Попугай. — Тихо, тихо!

Дети замолчали.

— Так, — произнес Попугай спокойно, — прежде всего не откроете ли дверцу?

Саймон поспешно достал перочинный нож, разрезал лиловую бечевку, державшую дверцу, и отворил ее.

— Благодарю, — сказал Попугай, выходя и взбираясь на купол клетки.

— Смотрите не простудитесь наверху! — крикнула Дульчибелла. — Вы не надели плаща.

Не обратив на нее никакого внимания, Попугай аккуратно поправил шапочку, съехавшую ему на один глаз, пока он карабкался на клетку, и долго смотрел на детей, переводя взгляд с одного на другого.

— Так, — проговорил он наконец, — стало быть, вы хотите услышать ответы на все эти вопросы, да?

— Да, пожалуйста, — умоляюще попросила Пенелопа.

— А могу я вам довериться?

— Конечно, можете, — с негодованием отозвался Саймон.

— Хорошо, так и быть. То, что я вам расскажу, — строгая тайна, понятно? Никому ни слова.

Дети пообещали сохранить в тайне все, что им расскажут, и, усевшись вокруг клетки, приготовились слушать.

2

Поезд в Мифландию

— Итак, — начал Попугай, — это случилось приблизительно в тот год, когда Хенгист Хайрам Джанкетбери закончил свое волшебное образование. Будучи седьмым сыном седьмого сына у седьмого сына, он, естественно, закончил одним из лучших и получил в числе прочих отличий премию Мерлина.

— Это высшая награда? — полюбопытствовала Пенелопа.

— Это означает, что вы волшебник почти не хуже Мерлина, а Мерлин был самым лучшим. Так вот, когда Хенгист Хайрам вышел из Университета Магии обладателем премии (состоявшей, кстати, из тех трех книг, о которых я упоминал), остроконечной шляпы и магического жезла, его старый учитель напутствовал его советом специализироваться в какой-то области и создать себе имя. В стране было слишком много третьеразрядных чародеев, бормотавших все те же устаревшие заклинания, и учитель считал, что Хенгист Хайрам, с его талантом, пойдет далеко. Поразмыслив, тот решил заняться мифическими животными, так как в то время они были в забросе.

— Что такое «мифическое животное»? — шепнул Питер на ухо Саймону.

— Придуманные, вроде морского змея, — прошептал в ответ Саймон.

— Очень скоро, — продолжал Попугай, — если кто-то хотел знать, сколько когтей на лапе у дракона или какой длины волосы у русалки, он не колеблясь шел прямо к Хенгисту Хайраму (Ха-ха, как зовут его теперь друзья), ибо он стал главным авторитетом по этим вопросам. В сущности масса сведений в «Истории четвероногих» Топсела заимствована у Джанкетбери, но Топсел не изволил ссылаться на него. Профессиональная зависть — ничего больше.

Попугай замолчал, полез под крыло, достал миниатюрную золотую табакерку, взял понюшку и отчаянно чихнул в испачканный платок.

— Говорила я вам, что вы простудитесь без плаща! — сердито вскрикнула Дульчибелла. — Где ваш здравый смысл?

Попугай, как будто не слыша ее, продолжал:

— Однако через несколько лет Ха-Ха вдруг заметил, что спрос

на него, если так можно выразиться, падает. К нему уже не шли за рогом единорога и за сосудом с пеплом феникса, отвращающим молнии. А причина, как он скоро понял, заключалась в том, что люди перестали в них верить.

Попугай умолк и устремил на детей суровый взгляд.

— Не понимаю. — Саймон нахмурился. — Раз звери мифические, значит, их и так нет.

— Глупый ты мальчик, — возразил Попугай. — Они существовали, когда в них верили.

— Не понимаю, как можно существовать только оттого, что в тебя верят, — заупрямился Саймон.

— Не ты один не понимаешь, таких много, — возразил Попугай. — Смотри сам: когда-то никто не верил в паровозы и пароходы, верно? Вот их и не было. Потом масса народу поверила в паровозы и пароходы и... трах-тарарах...

— Гром! — завопила Дульчибелла.

— И тогда развелось столько паровозов и пароходов, что шагу ступить некуда. Так и с мифическими животными. Пока в них верило изрядное число людей, их было много, а как только верить в них перестали, так... тра-тарарах... численность их сократилась.

— Второй удар грома! — завопила Дульчибелла. — Идите в клетку, в вас ударит молния!

— Ах, да успокойтесь, пожалуйста, — нетерпеливо оборвал ее Попугай. — Пойдите займитесь чем-нибудь, соткните себе что-нибудь.

— А что? — спросила Дульчибелла.

— Что угодно, — ответил Попугай.

— Я сотку себе мантилью, — согласилась Дульчибелла. — Мне всегда хотелось иметь мантилью.

— Скоро дела пошли так плохо, — продолжал рассказ Попугай, — что Ха-Ха прямо не знал, как и быть: единорогов осталось всего четыре пары, морских змеев днем с огнем не сыскать — просто ужас какой-то, и все оттого, что в них перестали верить.

— И как же поступил мистер Джанкетбери? — Пенелопа внимала как завороженная.

Попугай огляделся вокруг, удостоверился, что их никто не подслушивает, и, приложив кончик крыла к клюву, прошептал:

— Он создал страну Мифландию.

— Где же она? — спросила Пенелопа.

— И как это разрешило проблему? — добавил Питер.

— Погодите, погодите, — остановил их Попугай. — В свое время узнаете.

— Вы еще не видели узора для моей мантильи? — громко вмешалась Дульчибелла.

— Нет, не видел, — с бешенством произнес Попугай.

Некоторое время он молча шагал взад и вперед по куполу клетки, заложив крылья за спину. Потом остановился.

— Так вот, Мифландию Ха-Ха открыл совершенно случайно. Он бродил по холмам и обнаружил пещеру. Зайдя внутрь из простого любопытства, он увидел, что пещера ведет к колоссальной подземной впадине, заполненной обширным внутренним морем с многочислен-

ными островками. Он сразу понял, что это ему и нужно. В конце концов, мир терял веру с такой быстротой и так густо был заселен, что в нем и настоящим-то, реальным животным не оставалось места, не то что мифическим. И вот он подобрал себе пещеру и с помощью немногих могущественных заклинаний превратил ее в обитаемую страну — в высшей степени обитаемую. Он переселил туда всех оставшихся мифических зверей и каждой породе дал свой островок или свой участок моря, и все зажили счастливо. Понимаете, пока мы верили друг в друга, мы были в безопасности.

Попугай замолчал, смахнул слезу и громко высморкался.

— Я говорила, что вы простудитесь! — взвизгнула Дульчибелла. — Послушались вы меня? Нет!

— Наше правительство, если угодно принять такое название, — продолжал Попугай, — состояло из трех Говорящих Книг и Хенгиста Хайрама Джанкетбери, и какое же это было хорошее, справедливое и доброе правительство! Как я вам уже говорил, меня сделали хранителем слов, и в мои обязанности входило примерно раз в сто лет отправляться в наружный мир и потом докладывать у себя о том, что там творится. Ну, вот, мы с Дульчибеллой только что гостили у моего кузена в Индии. Ему принадлежит магараджа Джайпура. Мой кузен ужасный сноб, имеет международный паспорт, роллс-ройс и все такое, но он держит меня в курсе положения дел на Востоке. Как бы там ни было, мы вернулись из поездки, и, что бы вы думали, мы застали дома?

Дети затаили дыхание.

— Мы обнаружили, — продолжал Попугай таинственным, скорбным и торжественным голосом, — что василиски подняли мятеж. Мало того: они выкрали три Говорящие Книги Правления. Можете вы представить себе что-либо более устрашающее, кошмарное и чудовищное?

— Нет! — ответили ребята, и они говорили искренне, так как в устах Попугая все это прозвучало страшнее некуда.

— Правильно, — одобрил Попугай.

— Только, пожалуйста, — попросила Пенелопа, — прежде чем рассказывать дальше, не объясните ли вы нам, что такое «василиск»?

— Да, Попугай, будь добр! — поддержали ее Саймон и Питер.

— Н-ну, — Попугай замялся, — хотя наш девиз в Мифландии «Живи и дай жить другим», я, должен сознаться, всегда недолюбливал василисков: шумные, вульгарные, самодовольные — вот их характерные черты. К тому же неаккуратные, вечно выдыхают пламя и поджигают все вокруг. Словом, опасные создания. Наружность? Ну, на мой взгляд, самая нерасполагающая. Приблизительно с вас ростом, петушье тело, драконьи хвосты и чешуя вместо перьев. Конечно, в своих красных, золотых, зеленых чешуйках они выглядят очень живописно, но кому что нравится. Я лично считаю их вид вызывающим и вульгарным.

— А зачем они выдыхают пламя? — спросил Питер.

— Право, не знаю. Просто их такими выдумали. Но они очень опасны, поверьте мне. Ха-Ха все собирался построить для них специальный огнеупорный замок. Первый замок, в котором их поселили,

они спалили в первые же сутки. Теперь они живут в замке, где Ха-Ха проживал до того, как переехал в Кристальные пещеры. Полагаю, рано или поздно они и его сожгут.

— Но разве не опасно иметь их под боком? — спросила Пенелопа.

— Не опасно, если регулировать их численность. Мы никогда не допускаем наличия более сотни василисков зараз.

— Каким образом вам это удается? — полюбопытствовал Саймон.

— Один из наших законов — столько-то единорогов, столько-то мандрагор, столько-то василисков и так далее. Без этого закона мы давно затоптали бы друг друга. Понимаете, в Мифландии площадь ограничена. Кстати, василиски всяческими способами пытаются увеличить свои ряды, вечно являются к Ха-Ха с какой-нибудь жалобой: то будто бы некому на них стирать, то еще что-нибудь. В общем, все обстоит не так просто. Дело в том, что василиски вылупляются из яиц, которые несут два Золотых петушка — тупые птицы, с ними и поговорить не о чем. Сидят себе весь день и бессмысленно твердят «ку-ка-ре-ку». Но раз в сто лет они кладут яйцо.

— А я думала, только куры несут яйца, — в замешательстве пробормотала Пенелопа.

— Куры несут яйца, из которых вылупляются обыкновенные цыплята, — поправил ее Попугай, — а Золотые петушки несут яйца, из которых вылупляются василиски.

Объяснение это так озадачило Пенелопу, что она решила не задавать больше вопросов.

— Как только Золотой петушок снес василисковое яйцо, его работа окончена. Тут он испускает парочку хвастливых «кукареку» и передает все это дело жабам.

— Жабам? — воскликнула Пенелопа.

— При чем тут жабы? — не поверил своим ушам Саймон.

— Как при чем? Они, разумеется, высиживают яйца, — ответил Попугай. — Больше они ни на что не пригодны — безмозглые, трусливые создания. Высиживать яйца — только это они и умеют. Знаете что, если вы будете меня все время прерывать, я никогда не кончу.

— Простите, — с раскаянием проговорил Саймон.

— Итак, василиски надумали украсть Великую Книгу Заклинаний, надеясь, что она научит их получать по василисковому яйцу в день. Они вошли в сговор с жабами, существами безответственными, легко поддающимися чужому влиянию, и сообща похитили не только Золотых петушков, но и три Великие Книги Правления. Когда мы с Дульчибеллой вернулись, они засели в замке и выдавали василисковые яйца со скоростью... скоростью...

— Пулеметной очереди, — подсказал Саймон.

— Именно, — подхватил Попугай. — При последнем подсчете у них было уже двадцать пять яиц. По одному в день. Василиски заполонят всю Мифландию, если мы что-нибудь не предпримем. Вернее, если я чего-нибудь не предприму. Дело в том, что в последние двести лет Ха-Ха сделался очень болезненным, забывчивым и все больше полагается на меня. Но я без Великих Книг как без рук. Мы с Дульчибеллой собирались отправиться в замок и сделать попытку образумить василисков, но тут среди ночи на нас напали эти неве-

жественные, мерзопакостные, беспардонные жабы, упаковали в оберточную бумагу и бросили в виде вульгарного свертка в воду. Меня, Попугая! Кровь моя кипит при одной мысли об этом. Погодите, дайте мне только добраться до этих жаб!

— А как мистер Джанкетбери? — спросила Пенелопа. — Что с ним, бедненьким?

— Он в отчаянии. Последний раз, когда я его видел, он в полной растерянности сидел в своей пещере, с истерической драконшей на руках.

— Драконшей? — Питер почувствовал, что в голове у него шумит.

— Табита, последняя из породы драконов, — пояснил Попугай. — В своем роде существо милое, но совершенно бесполезное. Она позволила василискам забрать и драконьи яйца тоже, ну а когда поняла, что натворила, естественно, ударилась в истерику. Никакой выдержки у этих драконов.

— Вам не кажется, что надо вернуться назад как можно скорее? — озабоченно спросила Пенелопа. — То есть пока не вылупились василиски?

— Именно, — ответил Попугай. — Но без помощников мне не справиться.

— Мы вам поможем! — горячо воскликнула Пенелопа. — Мы всё сделаем, правда, Питер? Правда, Саймон?

— Еще бы! — с готовностью откликнулись мальчики. — Всё сделаем, только скажите.

— Как вы добры. — Попугай смахнул слезу. — Как любезны!

— Честно говоря, я бы очень не прочь пойти с вами, — заявил Питер с воинственным видом, — и задать вашим василискам хорошую взбучку.

— Да, — подтвердил Саймон, — и мерзким жабам тоже.

— А нельзя ли и нам в Мифландию? — спросила Пенелопа. — Может, мы пригодимся.

— Мои драгоценные юные друзья, — растроганным тоном произнес Попугай. — Вы так добры, так отзывчивы. Конечно, вам можно туда. Я буду вам чрезвычайно признателен за помощь.

— Отлично! — Питер вскочил на ноги. — Решено. Как туда добираться?

— Поездом, — ответил Попугай.

— Поездом? — повторили дети в изумлении.

— Да, — подтвердил Попугай. — Сначала в горы шла только пешая тропа, потом, около тысяча восьмисотого года, туда проложили железную дорогу — узкоколейку, разумеется. Рельсы как раз проходили мимо входа в пещеру, так что нам пришлось посвятить паровоз в нашу тайну. Честно говоря, я забыл, где расположен вход — я обычно пользуюсь другим, — но паровоз знает. Паровоз — это дама, француженка, но очень надежная. Сейчас она уже на пенсии, живет около селения Диакофта...

— Ой, я же ее видела! — Пенелопа от возбуждения прямо взвизгнула. — Она стоит в нашей деревушке. То есть в деревушке, ближайшей к нашей вилле. Вы имеете в виду симпатичный маленький паровозик, на такой платформе около станции?

— Совершенно верно, — подтвердил Попугай. — Как она выглядит?

— Чудесно, — ответила Пенелопа. — Она прелесть.

— Дизелю мы входа не показывали, — заметил Попугай. — Дизели не вызывают доверия, но старая мадам Гортензия совсем другое дело. Теперь таких не делают. Если мы отправимся туда сегодня же, она отвезет нас ко входу в Мифландию. Дальше мы пойдем пешком вдоль реки.

— А почему нельзя плыть на лодке, раз есть река? — удивился Саймон.

— Можно, когда есть лодка.

— У нас есть! — торжествующе провозгласил Питер. — Она тут, за дюной.

— Вы шутите, — замирающим голосом пробормотал Попугай.

— И не думаем, — возразила Пенелопа. — Пойдите посмотрите.

Попугай снялся с купола клетки и сделал круг над дюной, отсвечивая на солнце всеми цветами радуги. Он тут же опустился вниз и снова сел на клетку.

— В вашем возрасте вредно летать! — прокричала Дульчибелла. — Сколько раз я вам говорила!

— Великолепно, — тяжело дыша, сказал Попугай. — Великолепно, именно то, что надо: надувная и такого прелестного цвета. Дети, как я рад, что мы встретились.

— Мы тоже, — отозвалась Пенелопа.

— Так, теперь продумаем план действий, — продолжал Попугай. — Я предлагаю следующее: если вы будете так любезны спрятать нас с Дульчибеллой вместе с клеткой неподалеку от дороги, вы сможете вернуться сюда ночью и мы отправимся в селение Диакофта уговаривать мадам Гортензию отвезти нас к границе Мифландии. Дальше мы поплывем в лодке. Сногшибательный план, как вам кажется?

— Высший класс! — Саймон одобрительно улыбнулся.

— Мы с Саймоном будем отвечать за оружие и всякие полезные вещи, — вставил Питер, — а Пенелопа — за еду и медицинскую аптечку.

— Ах, черт... — Саймон остановился, внезапно что-то вспомнив. — А сколько продлится наше путешествие?

— Вероятно, несколько дней, — ответил Попугай. — А что?

— А как быть с твоим отцом, Пенни? — спросил Саймон. — Что ему сказать?

— Это очень просто, — ответила Пенелопа. — Он обещал, что, когда вы, мальчики, приедете, он разрешит нам разбить лагерь на пляже. Мы скажем ему, что поживем в лагере несколько дней. Предоставьте это мне.

— Ну, значит, все решено. Можно приступать. — Питер был в нетерпении.

Они осторожно подняли клетку с Попугаем в гору и спрятали поблизости от дороги в густых миртовых зарослях. После чего поплыли домой. Там они выпустили из лодки воздух и отнесли ее на виллу.

Как и ожидала Пенелопа, дядя Генри не стал возражать против ночевки под открытым небом.

— Сейчас полнолуние, — добавила Пенелопа, — может быть, мы проведем там несколько дней, так что не волнуйся.

— И не подумаю, — ответил дядя Генри. — Я сам в вашем возрасте любил ночевать во время полнолуния на открытом воздухе. Желаю хорошо провести время.

Троица пошла укладываться. Саймон сделал три копья, привязав три острых кухонных ножа к бамбуковым палкам, а Питер соорудил рогатки из раздвоенных оливковых веточек с помощью крепкой резины, которой снабдила его Пенелопа. Кроме того, они взяли с собой три фонарика, компас, аптечку для оказания первой помощи, где содержались марля, бинты и вата, а также три больших спичечных коробка. Попугай заверил их, что стоит добраться до Кристальных пещер, где обитает Ха-Ха, и еды будет вдоволь, поэтому они взяли пищи лишь на сутки. Выбрали они то, что едят в сыром виде: изюм, орехи, шоколад. Уложив вещи, они сели на кровати и стали ждать полуночи.

Как только пробило двенадцать, они выбрались из дому и зашагали по залитой лунным светом дороге, неся в руках оружие, припасы и — самое главное — лодку. Подходя к миртовым кустам, где они оставили Попугая, они увидели какой-то свет, похожий на свет от костра. Они подобрались поближе и увидели, что Попугай зажег на клавесинах две свечи в канделябрах и играет что-то тихое и бренчащее, а Дульчибелла негромко напевает. Сценка была до того прелестная — блики, пляшущие на золотых прутьях клетки, на полированной поверхности клавесина и на мебели; тихая музыка и нежный голос Дульчибеллы, — что детям ужасно не захотелось прерывать Попугая, но делать было нечего.

— А-а-а, вот и вы! — Попугай провел крылом по клавиатуре и закрыл крышку клавесина. — Прекрасно, значит можно трогаться.

Неся клетку с Попугаем на куполе, ребята двинулись в сторону Диакофты, лежавшей приблизительно в миле от них.

Добравшись до селения, они пошли по его тихим улочкам, держа путь к железнодорожной станции. Там на двух рельсах, положенных на платформу, величественно, словно на пьедестале, восседала мадам Гортензия, больше похожая на игрушку, чем на настоящий паровоз.

— Вот и она, — сказал Попугай. — По-моему, с прошлого раза она немного прибавила в ржавчине. А может быть, дело в лунном освещении.

— Я уверена, что никакой ржавчины нет, — вступилась Пенелопа. — Когда я видела ее в последний раз, она была вычищенная и смазанная и в прекрасном состоянии. Она вообще чудесно сохранилась.

— Хорошо, — проговорил Попугай, — пойду разбужу старушку.

С этими словами он полетел вперед и уселся на буфер.

— Alors [1], Гортензия, птичка моя, проснись! — закричал он. — Открой свои большие глазки — и покатили!

---

[1] Alors *(франц.)* — а ну-ка.

Разбуженная от глубокого сна мадам Гортензия издала короткий резкий вопль, от которого Попугай чуть не кувыркнулся с буфера.

— Помогайте! Помогайте! — заверещала мадам Гортензия. — Моя снова будут убивать!

— Перестань, — остановил ее Попугай. — Ты всю деревню разбудишь.

— Mon Dieu! [1] Да это ты! — произнесла мадам хрипловатым голосом с сильным французским акцентом. — Mon Dieu, и напугал же ты меня до самой смерти, кто же так подкрадывается среди ночной поры?

— А ты думала, кто это? Космическая ракета?

— Ах, mon Perroquet, мой Попугайчик, — проговорила мадам Гортензия, — всегда шутишь. Ты знаешь превосходно: паровоз с приятной наружностью, в таком хорошем состоянии, ну как не привлекайт внимание, n'est-ce pas? [2]. Да вот прошлой ночью мне приходилось звать на помощь. Два некоторых незнакомца из Лондонского музея пытались меня похищать. Но я гудела, и жители деревни меня спасали. Такие паровозы, как я, скажу вам, не просто сдаются. Я не какой-нибудь дурной дизель.

— Ну, а я что говорю, — поддакнул Попугай. — Ты, можно смело сказать, самый прелестный паровозик на свете, а ты знаешь, у меня есть кое-какой жизненный опыт.

— Ах, mon Perroquet, — вздохнула мадам Гортензия, — ты знаешь, что надо сказать даме. Ты такой галант, такой симпатик, mon Perroquet.

— Итак, — сказал Попугай, — позволь представить тебе моих друзей: Питер, Саймон и Пенелопа.

Мадам Гортензия внимательно их осмотрела.

— Мальчики недурны, — произнесла она наконец, — особенно черненький. Он напоминает первого машиниста в мою жизнь. Что касается девочки... хм, невыразительное лицо и сколько ржавчины на голове, бедняжка.

— Это у меня волосы, — возмутилась Пенелопа, — просто они такого цвета.

— Будет, будет, — примирительным тоном проговорил Попугай, — мы сюда пришли не для того, чтобы устраивать конкурс красоты. Мы хотим просить тебя об одном одолжении, Гортензия, моя радость.

— Для тебя, мой храбрый Попугайчик, я делайт что угодно.

— Прекрасно, — сказал Попугай. — Тогда ты отвезешь нас в Мифландию.

— Что? — хрипло взвизгнула мадам Гортензия. — Покидать мою милую уютную платформу и пускать вверх по долине? Это мне, когда я на пенсии! Мне, в моем возрасте, разводить пары? Non, non, non! Жамэ! И не проси, слышать не хочу!

Уговоры продолжались долго. Попугай улещивал ее, сыпал ком-

---

[1] Mon Dieu *(франц.)* — бог мой.

[2] N'est-ce pas *(франц.)* — не так ли.

плиментами, дети расточали похвалы ее красоте, уверяли, что Мифландии без нее не обойтись (что было истинной правдой).

— Хорошо, — сдалась наконец мадам Гортензия, — я согласна. Но мне не спуститься с моего удобного помоста, который построили нарочно для меня.

— Ну, это просто, — заверил ее Питер. — Две доски — и, с вашей подвижностью и сноровкой, вы у нас в одну минуту очутитесь внизу.

— Mon Dieu, он умеет льстить совсем как ты, Попугайчик, — заметила мадам Гортензия. — Пусть так, будь что будет. Несите ваши доски — и начинаем.

Мальчики быстро раздобыли несколько досок и соорудили наклонный помост. Потом все зашли сзади мадам Гортензии и принялись ее толкать.

— Sacrés freins! Святые тормоза! — воскликнула мадам Гортензия. — Сильней, толкайте сильней. Alors, еще разок.

Наконец ее небольшие колеса закрутились, и она со скрипом и пыхтением соскользнула с деревянной платформы и очутилась на земле.

— Чудесно, — сказал Питер. — Еще несколько метров, мадам, и вы на прочных, удобных рельсах.

— Alors, — задыхаясь, пролепетала мадам Гортензия. — Чего я только не делать ради этого Попугайчика.

Пока Питер и Саймон мягко и осторожно помогали мадам Гортензии встать на рельсы, Пенелопа и Попугай шарили вокруг, ища топливо, чтобы привести паровозик в действие. Угля не оказалось, но в конце концов они нашли груду оливковых поленьев. Пенелопа набрала охапку и заложила в печь.

— Осторожно, осторожно, не повреждай краску, — пропыхтела мадам Гортензия. — Меня только-только выкрасили заново.

Наконец топку набили дровами, котел залили водой из станционного водопровода, и теперь все было готово к отправлению. Только забравшись на паровоз, дети поняли, до чего миниатюрна мадам Гортензия: когда в паровозную будку внесли клетку, остальные еле-еле втиснулись туда со своими пожитками.

— Все на местах? — спросила мадам Гортензия. — Тогда, Питер, я попрошу тебя разжигать огонь в топке.

— С удовольствием, мадам, — отозвался Питер.

Они с Саймоном страстно любили железную дорогу, поэтому одна мысль о путешествии на мадам Гортензии приводила их в восторг. А уж выполнять работу машиниста казалось им верхом наслаждения. Они бережно подожгли клочок бумаги, положили на него щепок и кусков коры и раздули огонь. Сверху они наложили поленьев, и вскоре в топке ревел огонь.

— Ах, nom de Wagon-lit! Клянусь спальным вагоном! — воскликнула мадам Гортензия, втягивая полные легкие дыма и выдувая его через трубу. — Лучше нет хорошей затяжки, когда нервы на пределе.

Котел скоро раскалился, и вот уже мадам Гортензия издала ликующее «с-с-с-ш-ш-ш!».

— Превосходно! — с восхищением проговорил Попугай. — Ты сегодня как нельзя более в голосе, дорогая Гортензия.

— Льстец! — отозвалась мадам Гортензия. — С-с-с-ш-ш-ш!

— Так, Питер, теперь немного отпусти тормоза, — скомандовал Попугай, — а ты, Саймон, слегка прибавь мадам пару.

Сначала медленно-медленно, а затем все быстрее и быстрее колеса начали крутиться.

— Больше... чуф-чуф-чуф... пару! — вскричала мадам Гортензия. — Сбросьте... чуф-чуф-чуф, чуф-чуф-чуф... тормоза. Больше... чуф-чуф-чуффа, чуф-чуф-чуффа... пару. Alors, mes braves! Итак, мои храбрецы, мы тронулись. Vive la France! Да здравствует Франция! Чуффа-чуффа-чуффа, чуффа-чуффа-чуффа!

— Великолепно! — закричал Саймон. — Vive мадам Гортензия!

— Ура! Ура! — подхватил Попугай.

— Вы приняли таблетку? — взвизгнула Дульчибелла. — Вы же знаете, вас всегда укачивает в поезде!

Паровозик набирал скорость, дребезжа, звякая, громыхая, окутанный облаками пара; топка светилась, как рубин; Питер и Саймон все подбрасывали в нее поленья, а впереди, лилово-черная в лунном свете, лежала горная цепь.

Путь в долину оказался захватывающим. Узенькая колея вилась между высоких утесов, пробегала над глубокими ущельями, где в лунном свете поблескивали водопады. Река внизу, тесно сдавленная зазубренными камнями, казалась гигантскими сверкающими когтями неведомой птицы. У подножий утесов мерцали зеленые огоньки светляков, а сквозь рев множества водопадов и пыхтение и лязганье мадам Гортензии дети слышали заунывный крик филинов, перекликавшихся в лесу.

— Мы поды-ма-емся в гору, чуффа-чуффа-чуффа-чуффа, — пропыхтела мадам Гортензия. — При-бавь-те пара.

Питер с Саймоном подбросили еще дров, пламя разгорелось еще жарче, искры летели вовсю, и пыхтящий паровозик оставлял за собой хвост, словно комета.

— Хо! Хо! — захохотал Попугай. — Клянусь Юпитером, моя радость, ты молодчина. Я всегда любил ездить поездом, но с тобой — это божественно!

— Льстец, — пропыхтела мадам Гортензия и пронзительно засвистела, показывая, как она довольна.

На середине склона она вдруг замедлила ход и, шипя, пыхтя и задыхаясь, выпустила облако пара.

— Sacrés freins! Святые тормоза! — вздохнула она, и пар окутал ее серебряным облаком. — Отдохнем минутку. Вы можете принести мне попить.

Питер и Саймон по очереди принесли ей воды из ближайшего водопада, и, когда котел наполнился до отказа, мадам Гортензия изъявила желание продолжать путь.

— Теперь уже недалеко, правда, Гортензия? — спросил Попугай, когда они опять заняли свои места.

— Да, осталось совсем чуть-чуть. — Мадам Гортензия опять начала с пыхтением взбираться в гору.

Вскоре подъем кончился, дорога пошла ровнее. По обе стороны колеи лежали глубокие расселины, на дне которых зажатые камнями

потоки пенились, кипели и мерцали при свете луны. Затем перед ними выросла каменная стена, в которой зияли два туннеля, точно два черных жерла. Колея здесь раздваивалась, и два пути исчезали в глубине туннелей.

Мадам Гортензия остановилась у стрелки.

— Сойдите, пожалуйста, и нажимайте рычаг, — пропыхтела она. — Нам нужен левый туннель.

Питер и Саймон слезли и вдвоем — так как рычаг поддавался туго — перевели стрелку. Потом снова вскарабкались на паровоз. Мадам Гортензия медленно тронулась с места, со скрежетом перевалила через стрелку и стала опять набирать скорость.

Туннель приближался, делаясь все больше и чернее, точно разинутый рот великана, и Пенелопа взяла за руки Питера и Саймона. Она не то чтобы испугалась, а просто ей показалось уместным взять их за руки в этих обстоятельствах. Они нырнули в туннель, и мадам Гортензия напугала всех, испустив два оглушительных свистка.

— Эй! — крикнул Попугай. — Это зачем?

— Для летучих мышей, — пропыхтела мадам Гортензия. — Они висят под сводом, бедняжки, и задохнутся, если не предупреждать их.

В туннеле было очень мрачно и жутко, так как единственный свет исходил от паровозной топки. Лишь смутно виднелся свод туннеля. Оттуда, как наконечники копий, свисали сталактиты, и с них капала вода.

Вдруг мадам Гортензия испустила еще один пронзительный свисток.

— Включайте тормоза. Постепенно. Мы прибыли.

Питер и Саймон медленно включили тормоза, и, хрипло отдуваясь и переводя дух, маленький паровозик остановился.

— Конечная остановка — Мифландия. Все сходят в Мифландии! — провозгласил Попугай, и эхо, отдаваясь в туннеле, повторило его возглас.

— Какая мерзкая сырость, — послышался голос Дульчибеллы. — Надо было надеть плащ. Если простудитесь, пеняйте на себя.

Они сошли на полотно и выгрузили свои припасы, пожитки и клетку. Затем сгрудились вокруг мадам Гортензии и принялись прощаться с ней.

— Вы самый замечательный паровоз в мире, — сказала Пенелопа. — Путешествие было просто изумительным. Огромное вам спасибо.

— Пустое, милочка, — откликнулась мадам Гортензия. — Впрочем, оно показывает, на что мы, старики, способны.

— Мадам Гортензия, ехать с вами была для нас большая честь, — проговорил Питер.

— Честь и привилегия, мадам, — добавил Саймон.

— Вы водили меня очень хорошо, — сказала мадам Гортензия, — просто очень.

— Гортензия, — сказал Попугай, — я, мои друзья и вся Мифландия глубоко тебе благодарны. Мы никогда тебя не забудем.

— Дорогой Попугайчик, — прощебетала мадам Гортензия, — ты же знаешь: ради тебя я готова на все.

— А ты сумеешь одна вернуться домой?

— Да, mon brave, мой храбрец, сумею. Обратно я буду... Как это у вас говорят? Буду катиться под уклон. А вы знаете, как идти дальше? Боковой туннель налево, метров пятнадцать отсюда.

— Правильно, — подтвердил Попугай. — Итак, мы двинулись. До свидания, милая Гортензия, спасибо еще раз.

— До свиданья, Попугайчик, bonne chance, желаю успеха. — И мадам Гортензия испустила чувствительный вздох, окутавшись при этом облаком пара.

Дети зажгли фонарики и прошли по туннелю еще метров пять.

— Вот он, — неожиданно остановил их Попугай. — Вход в Мифландию.

Светя себе фонариками, ребята разглядели щель в каменной стене шириной в метр и высотой около двух метров, щель, похожую на узкую церковную дверку.

— Это пограничный пост, — объяснил Попугай. — Пять минут ходьбы — и мы в Мифландии.

Туннель был узкий, идти пришлось гуськом. Первым шел Питер с фонариком и клеткой в руках. За ним Пенелопа, которая несла продовольствие, медицинскую аптечку и оружие; на плече у нее восседал Попугай. Саймон, тащивший лодку, замыкал шествие.

— Ступайте потише, — хриплым шепотом скомандовал Попугай. — Не уверен, что они до этого додумались — они слишком легкомысленные существа, — но вдруг да они выставили караул на случай, если я вернусь.

Они свернули за угол, и тут Питер так внезапно остановился, что Пенелопа налетела на него, а Саймон налетел на Пенелопу.

— Что случилось? — спросила Пенелопа.

— Ш-ш-ш! — зашипел Питер. — Там впереди свет.

— Дайте-ка я погляжу. — И Попугай перескочил с плеча Пенелопы на плечо Питеру.

Все затаили дыхание, пока Попугай всматривался вперед.

— Все в порядке, — сказал он наконец, — это не свет, это вход. Вы видите зарю.

— Зарю? — повторил Питер. — Ты уверен, Попугай? Для зари чересчур поздно.

— Только не в Мифландии. Заря здесь длится круглый день, ее нет только ночью.

— Как это возможно? Что ты говоришь? — удивилась Пенелопа.

— Видишь ли, — сказал Попугай, — когда Ха-Ха учился на волшебника, он привык вставать с зарей и очень скоро понял, что это лучшее время дня: все вокруг такое свежее, безмятежное, краски такие яркие после ночного сна. Поэтому, изобретая Мифландию, он решил, что в ней всегда будет заря, за исключением восьми ночных часов. Сейчас увидите, что я имею в виду.

Они вышли из туннеля и, моргая, застыли перед открывшейся им картиной. Небо над ними (или то, что казалось небом) было нежно-зеленого нефритового цвета, местами переходящего в голубоватый. По небу плыли армады маленьких пухленьких уютного вида облаков лимонного, бледно-розового и белого цвета. Солнце (или то, что каза-

лось солнцем) прочно утвердилось над горизонтом, набрасывая на все вокруг восхитительно тонкую золотистую паутину своих лучей. Неподалеку маленький ручеек цвета жидкого чая разветвлялся на множество изящных водопадиков, падающих с красноватых скал. А у подножия каждого водопада в глубоких спокойных омутах лениво плескались голубые рыбины с алыми плавниками и хвостами. Трава под ногами у ребят была лиловая, как вереск, очень мягкая и упругая. Ее, казалось, недавно косили. Она пестрела яркими цветами, лепестки которых казались стеклянными, а в промежутках между цветами сидели группками грибы с лимонно-желтыми шляпками в черный горошек. Дальше шел лес. Стволы у деревьев были шоколадного цвета и выглядели на таком расстоянии узловатыми и шишковатыми, листья были крупные и синие. Далеко на горизонте, пробиваясь сквозь утренний туман, что-то блестело и играло, словно шампанское, и ребята догадались, что это большое внутреннее море, о котором говорил им Попугай.

— Ой, какая красота! — ахнула Пенелопа. — Я и представить себе не могла ничего подобного.

— Поглядите, какие краски! — проговорил Саймон. — Сразу видно, что сказочные!

— А небо! — подхватил Питер. — Облака как будто специально рассажены.

— Так и есть, — подтвердил Попугай, — их переставляют по пять раз в день, чтобы они нам не надоели. У нас четыре заката, по одному, так сказать, по углам, так что те, кому нравятся красные закаты, смотрят в одну сторону, а те, кто предпочитает оранжевые, или желтые, или зеленые, выбирают себе другие стороны. Очень удобно.

— Как красиво! — воскликнула Пенелопа. — Не удивительно, что вы гордитесь своей страной.

— Как вам сказать... — Попугай смутился. — Видите ли, я живу здесь давно, как-то привязался к месту. Потому я и не желаю, чтобы власть захватили эти жуткие василиски.

— Ты прав, — сказал Питер, — и чем скорее мы примемся за них, тем лучше. Что мы будем делать дальше, Попугай?

— Так, — принялся рассуждать вслух Попугай, — если пойти вдоль ручья до того места, где он впадает в главную реку, дальше мы сможем плыть лодкой. Затем, если память мне не изменяет — а меня убить мало за то, что я не взял с собой карту, — мы спускаемся по главной реке мимо Долины фениксов, пока не достигаем Луннотельцовых холмов и Единорожьих лугов. Таким образом, мы оказываемся прямо под Кристальными пещерами, оттуда вверх до них рукой подать. Однако должен вас предупредить: в Долине фениксов нас ожидают две весьма коварные быстрины и нам их, пожалуй, не избежать. Надеюсь, вы справитесь со своей лодкой?

— Справимся, — беззаботно отозвался Питер.

— Будем надеяться, что справимся, — поправил его Саймон. — Мы будем грести оба, — может, и проскочим.

— Тогда вперед, — скомандовал Попугай. — Держимся как можнс ближе к деревьям на тот случай, если где-нибудь тут подкарауливают василиски. Помните: они выдыхают пламя на расстояние в три метра.

— Три метра! — воскликнул Питер. — Прямо огнеметы какие-то.

— Именно, — подтвердил Попугай. — В прежние времена они еще и убивали взглядом, но Ха-Ха положил этому конец, когда создавал Мифландию. Хорошенького, как он сказал, понемножку. И так они сжигают все подряд из-за неаккуратного обращения с огнем — дышат куда попало. Не хватало еще, чтобы они убивали наповал взглядом всех, на кого ни посмотрят.

— Не понимаю, почему вы вообще разрешили им жить в Мифландии, — возмутилась Пенелопа. — К чему вам такие чудовища?

— Э, нет, — возразил Попугай. — Выбирать не приходится. Мифландия была создана для всех мифических животных, и мы не имеем права отдавать предпочтение одним за счет других. Единственно что в наших силах — это держать их под контролем и селить там, где они могут причинить как можно меньше вреда. И надо же, чтобы василиски вдруг отбились от рук. Ну, ничего, авось с вашей помощью мы прекратим это безобразие.

Разговаривая, они прошли всю долину мимо водопадов и ручейка и теперь добрались до первых отдельных деревьев, росших на опушке густого леса. Ребята разглядывали их с изумлением.

— Ага, — заметил Попугай, — обратили внимание? Я так и думал, что вы удивитесь. Это пробочные деревья. Как известно, в наружном мире способ добывания пробки остался, так сказать, довольно доисторическим, — если мне позволят высказаться критически. Сперва кору срезают с дерева, а потом уже делают из нее пробки. Процедура крайне трудоемкая. Поэтому, когда мы поселились здесь, Ха-Ха решил создать пробочные деревья, чтобы сэкономить время и энергию. Тут, как видите, пробки растут прямо из коры деревьев и сразу разных размеров.

Попугай говорил правду: на стволах и ветках каждого дерева росли разной величины и формы пробки — крошечные для пузырьков с лекарствами; большие для шампанского и винных бутылок; широкие плоские, какими закупоривают банки с консервированными фруктами и вареньем или, скажем, медом.

— Экономит массу времени, уверяю вас, — повторил Попугай. — Как только вы сварили варенье или что-нибудь еще, вы тут же идете в лес и нарезаете себе пробок нужной формы и размера. Они почти сразу отрастают опять, так что урожай бесперебойный. Так же обстоит дело с травой: она отрастает сразу, как только ее объедят единороги или лунные тельцы, и всегда остается определенной высоты — как раз такой, чтобы не намокать и не опутывать лодыжки. То же самое с цветами. Необычайно изобретательный волшебник Ха-Ха. Вот попробуйте сорвать цветок — и вы поймете, что я имею в виду.

Пенелопа нагнулась и нарвала небольшой букет красивейших ярких цветов.

— Понюхай, — приказал Попугай.

Пенелопа поднесла их к носу, и ей показалось, что никогда еще она не вдыхала такого восхитительного нежного аромата.

— Они вечные, — пояснил Попугай. — Поставь их на туалетный столик — и они будут стоять всю жизнь, и благоухать тоже будут

всегда. А если они тебе надоедят, возьми и выброси их. Попробуй, брось их куда попало.

Пенелопа бросила цветы на лиловую траву, и они тут же выпрямились, пустили тоненькие корешки, которые сразу зарылись в землю, и — нате вам! — Где только что валялись мятые цветки, возникла целая цветущая клумба.

— Бережливый нужды не знает, — сказал, подмигивая, Попугай. — То же и с деревьями. Если вам понадобилось развести костер, отломите несколько веток с любого ближайшего дерева, и на нем сразу отрастут новые. Благодаря этому у здешних деревьев не бывает такого куцего вида, как в вашем наружном мире. Потому все вокруг и выглядит новеньким и свежим.

Очень скоро ручей привел их к берегам главной реки. Она была широкая, с медленным течением; золотистого цвета воды были так прозрачны, что, стоя на берегу и глядя вниз, дети видели передвигающихся по дну фарфорово-белых и зеленых крабов и полосатых ало-черно-желтых водяных жуков, сновавших взад и вперед с деловым видом.

— Отсюда мы начнем наше путешествие? — спросил Питер.

— Да, — ответил Попугай. — Отсюда до Долины фениксов около трех миль, а оттуда до Холмов Лунных Тельцов еще пять.

Саймон разложил лодку на земле, и они с Питером и Пенелопой принялись поочередно накачивать ее. Надув, они спустили ее на воду, погрузили туда клетку и все припасы, уселись в нее сами и оттолкнулись от берега.

Из всех эпизодов, запомнившихся Пенелопе за время пребывания в Мифландии, вероятно, ярче всего запечатлелось в ее памяти именно начало путешествия по реке, когда они плыли в Долину фениксов. Берега, покрытые лиловой травой, в которой пестрели яркие цветы; странные пробочные деревья, у которых с верхних ветвей свисали длинные хвосты серовато-зеленого светящегося мха и пышные кроны состояли из чего-то вроде орхидей кораллового и зеленого цвета; тихое плескание воды; длинные шлейфы желтых водорослей, тянущихся за лодкой; крабы и озабоченно снующие жуки. Волшебное, ни с чем не сравнимое зрелище.

Вскоре, однако, пробочный лес поредел, а наконец и вовсе прекратился, и началась местность совсем иного характера: голые красноватые скалы, еще раньше замеченные ребятами, где в ямках и расщелинах гнездились кактусы причудливой формы и расцветки.

— Еще немного, — сказал Попугай, — и мы будем в Долине фениксов. Жаль, что у нас нет никакой покрышки.

— Покрышки? — удивилась Пенелопа. — Зачем нам она?

— Видишь ли, сами фениксы вполне безобидны, — пояснил Попугай, — но там летает столько горячего пепла.

— Пепла? — переспросил Питер. — Неужели еще кто-нибудь кроме василисков изрыгает пламя?

— Нет, нет, — ответил Попугай, — ничего похожего. Дело в самих фениксах, бедняжках. Как вам известно, феникс живет около пятисот лет. Потом он усаживается в свое гнездо, и оно тут же загорается, и феникс сгорает дотла, а из пепла рождается новый феникс.

Поскольку они таким образом благоразумно сами себя регулируют, Ха-Ха рассудил, что проще всего — во избежание лесных пожаров — предоставить им для этого специальную долину. Через нее-то мы и должны сейчас проплыть. Зрелище будет весьма эффектное, не скрою, но, повторяю, в воздухе там носится масса золы и пепла, и нам придется глядеть в оба.

Река вилась все дальше и дальше, Питер и Саймон гребли медленно, но ровно, и по мере того как они продвигались вперед, скалистые берега становились все выше, а течение все быстрее. И вдруг, когда они меньше всего этого ожидали, река резко сузилась и сделалась бурной.

— Впереди пороги! — закричал Попугай.

И верно, впереди из золотистой воды, которая, бурля и пенясь, омывала их стремительным потоком, как клыки торчали красные скалы. Питеру и Саймону огромных трудов стоило провести лодку так, чтобы ее не прокололо. Но они справились с этим, лодка опять очутилась на спокойном течении, и опять высокие утесы расступились.

— Уф! — Питер вытер лоб. — Я уж думал, мы не проскочим.

— Слава богу, все позади, — сказал Саймон.

— Позади? — протянул Попугай. — Это только первая быстрина. Дальше, при выходе из долины, будет еще одна.

Река опять сделала поворот, и лодку вынесло в долину. И тут глазам путешественников предстало столь невероятное зрелище, что Саймон и Питер бросили весла и трое ребят, раскрыв рты, уставились на невиданную картину.

По всей долине, по обоим берегам реки, сидели фениксы, словно огромные, многоцветные и сверкающие орлы. Они сидели, распустив крылья, как делают бакланы, когда сохнут на скалах. Под каждой птицей в гнезде мелькало и трепетало пламя. И вдруг одно из гнезд вспыхнуло и извергнулось, как вулкан. Длинные оранжево-красные, голубые и желтые языки взметнулись вверх, окутали сидевшую в гнезде птицу и мгновенно обратили ее в пепел. Она осталась сидеть, как гигантская копия самой себя из серовато-белого пепла. Огонь утих, феникс стал постепенно рассыпаться: по перышку, по перышку, потом и вся птица с тихим шуршанием, похожим на глубокий долгий вздох, опала обратно в огненное гнездо. Спустя мгновение опять показались язычки пламени, и в глубине гнезда дети увидели маленького яркого, разноцветного птенца, бившего крыльями и рвавшегося наружу. Наконец он вырвался из пламени и взмыл вверх, над долиной, как ласточка, вместе с сотнями других фениксов. Но Попугай был прав: в фениксах крылась немалая опасность, так как в тот миг, когда феникс обращался в золу, рассыпался и падал в гнездо, во все стороны разлетались искры и горячий пепел с шипением падал в реку.

— Ой какая красота, Попугай! — воскликнула Пенелопа.

— Никогда ничего красивее не видел, — подтвердил Питер. — Так ты говоришь, Попугай, что каждый раз, как взрослый феникс превращается в пепел, из него возникает новый?

— Да нет, по существу это та же птица, — пояснил Попугай. — Это и называется метаморфозой. Вот почему Ха-Ха отдал им всю до-

лину — так они не причиняют никому вреда. Питаются они главным образом нектаром и очень живописны.

Несмотря на то что путешественники держались на середине реки, их достигал жар горящих гнезд. Они плыли по Долине фениксов уже не меньше получаса, и наконец река стала опять постепенно сужаться.

— Внимание, — с тревогой в голосе предупредил Попугай, — впереди опять быстрина. Если нам удастся преодолеть и ее, можно считать, что все в порядке, дальше река спокойная.

Пока он говорил, лодку начало сносить к берегу, но дети, заслушавшись Попугая, этого не заметили. На самом краю у воды было большущее гнездо. В нем, раскинув крылья, сидела птица. Она уже превратилась в пепельное изваяние, но еще не рассыпалась. Внезапно лодка ударилась о берег прямо под самым гнездом.

— Эй, берегись! — закричал Питер.

— Отталкивайся, отталкивайся скорее! — Саймон задрал голову вверх, со страхом глядя на возвышавшуюся над ними гигантскую птицу из пепла.

Но было уже поздно: феникс начал рассыпаться. С громким шипением он обвалился в гнездо, и лодку окутало горячей золой и разноцветными искрами.

— Выгребай на середину! — крикнул Саймон. — Скорее, скорей!

Они с Питером быстро заработали веслами, но в лодке было уже полно горячего пепла. Раздался резкий хлопок, свист, и лодка начала съеживаться.

— Берегись! — крикнул Питер.

Поток подхватил сплющившуюся лодку, закрутил ее и понес по реке. И вдруг лодки под ними не стало. Пенелопа с головой ушла под воду, ее уносило дальше, дальше, вглубь, в темноту, туда, где раздавался грохот потока...

3

Лунные тельцы и единороги

Когда Пенелопа очнулась, она лежала на отмели, уткнувшись головой в колени Питеру. Саймон, склонившись над нею с встревоженным лицом, растирал ей руки, а Попугай нервно шагал по песку взад-вперед, что-то бормоча себе под нос.

— Она приходит в себя, — с великим облегчением сказал Саймон.

— Ты в порядке, Пенни? — взволнованно спросил Питер.

— Скажи нам хоть словечко, драгоценная Пенелопа, — проникновенно произнес Попугай, заглядывая ей в лицо своими голубыми глазами, полными слез. Яркие перья его были взъерошены от купания в реке.

Вид у них был такой расстроенный, что Пенелопе захотелось засмеяться, но она не посмела.

— Конечно, я в порядке. — Она приподнялась и села. — Просто я чувствую себя так, будто у меня в желудке полреки и меня протащило километр против течения.

— Поразительно прозорливое, если можно так выразиться, описание случившегося! — воскликнул Попугай. — Поразительно прозорливое.

— Где мы? — Пенелопа огляделась.

— Нас действительно протащило течением, когда лодка затонула, — объяснил Питер. — Ты застряла под водой между камнями, и нам с Саймоном пришлось нырять за тобой, но в конце концов мы тебя вытащили и ухитрились выплыть на отмель.

Отмель (а их тут было много) была узкой и длинной и тянулась почти во всю ширину реки. На нее выбросило все их пожитки, включая и бесполезную теперь лодку.

— Что же мы будем делать без лодки? — спросил Саймон.

— Все можно будет исправить, как только мы разыщем лунных тельцов, — с запальчивостью заявил Попугай.

— Кто такие лунные тельцы? — спросила Пенелопа, которая довольно безуспешно пыталась выжать на себе платье.

— Не знаю, — отозвался Питер, — Попугай без конца о них твердит, как будто мы только ради них сюда и добирались.

— Любезный Питер, — сурово произнес Попугай, — если я тебе скажу, что лунные тельцы — одно из важнейших изобретений Ха-Ха и что они, вне всякого сомнения, полезнейшие животные в Мифландии с точки зрения экономики и сельского хозяйства, то тогда ты, быть может, поймешь, почему нам так важно их разыскать.

— А я не понимаю, — продолжал упорствовать Питер.

— Ты на редкость тупоголовый мальчик, — угрюмо сказал Попугай. — Сейчас я вас покидаю и отправляюсь искать стада лунных тельцов. Извольте дожидаться меня здесь.

С этими словами Попугай с высокомерным видом вошел в залитую водой клетку и открыл дверцу шкафчика в стиле Людовика Пятнадцатого.

— Если вы так и будете ходить мокрым, то простудитесь, — заявила Дульчибелла. — И в ваши годы вообще вредно летать по всей стране.

— Ах, успокойтесь вы, — сердито огрызнулся Попугай. — Вы, кажется, певица и моя домоправительница, а не тюремщица. Куда вы дели мою подзорную трубу?

— Она там, куда вы ее положили, в шкафу. Какое вы право имеете так со мной разговаривать? Я тружусь дни напролет, и что я получаю в награду? Ответьте-ка. А вы только и смотрите, как бы нас всех утопить и задать мне кучу лишней работы. Посмотрите, во что вы превратили клетку. Все промокло, ковер погиб... Придется просушивать постель. Но разве вам есть до меня дело? Нет, вы только и знаете что летать повсюду с подзорной трубой. Пора бы уже остепениться. Ведете себя, как желторотый птенец.

Наконец, порывшись среди странной смеси одежды и прочих са-

мых разных вещей, Попугай выудил красивую подзорную трубу в медной оправе и зажал ее бережно в клюве.

— На ражведку, — несколько невнятно произнес он. — Шкоро вернусь. На вашем месте я бы пока пожавтракал.

И он улетел, махая многоцветными крыльями.

Пенелопа сочла совет Попугая весьма здравым, — совершенно неизвестно было, когда им еще удастся поесть, если они опять тронутся в путь. Она поделила на три части большую плитку шоколада и дала мальчикам по горсти изюма и миндаля. Только сейчас, начав есть, они обнаружили, как они проголодались.

Дульчибелла отказалась от предложенного ей шоколада, изюма и орехов.

— А кузнечика у вас не найдется? — мечтательным тоном спросила она. — Или парочки мух?

— Нет, к сожалению, — ответила Пенелопа.

— Так я и думала, — вздохнула Дульчибелла. — Ну, что делать.

Поев, ребята расстелили на песке свои пожитки, чтобы они высохли. Только они кончили возиться, как послышалось: «Эй, там!» — и появился Попугай, который совершил очень аккуратную посадку на отмель.

— Отличные новости, — задыхаясь, объявил он, перекладывая подзорную трубу из клюва под крыло. — В полумиле отсюда пасется стадо лунных тельцов. С первого раза я их не заметил — глупые твари паслись под деревьями.

— Так, — проговорил Питер. — И что будем делать дальше?

— Пойдем за желе, — ответил Попугай.

— За чем? — переспросил Саймон. — Ты сказал «желе»?

— Да, — нетерпеливо отозвался Попугай. — Ты и Питер идете со мной, а Пенелопа может остаться с Дульчибеллой.

— Ну уж нет, — твердо сказала Пенелопа. — Если вы идете за лунными тельцами, или за желе, или еще за чем-то, я иду с вами.

— Ну ладно, — согласился Попугай. — Здесь останется Дульчибелла.

— Нет, — запротестовала паучиха, — а если вылезет крокодил?

— Крокодилы тут не водятся, это прекрасно известно.

Дульчибелла на минуту задумалась.

— Хорошо, так и быть, — согласилась она наконец, — я остаюсь, только даю вам не больше трех дней сроку.

— Тогда пошли, — скомандовал Попугай. — Вам придется идти вброд, вон там мелкое место. А потом я покажу, в какой стороне стадо.

Оставив Дульчибеллу караулить вещи, дети побрели по воде к берегу и потом по лиловому лугу, пестревшему цветами, двинулись к пробочному лесу, видневшемуся вдали.

— Кто такие лунные тельцы? — спросила Пенелопа у Попугая, ехавшего у нее на плече.

— Необычайно полезные существа, — ответил Попугай, — но, должен признаться, они скорее результат ошибки, а не преднамеренного замысла. Видите ли, на заре Мифландии Ха-Ха пытался создать корову, которая бы бесперебойно давала молоко, но за основу ему пришлось все-таки взять мифического лунного тельца, чтобы не от-

клоняться от правила. Но, как назло, Ха-Ха в тот день потерял очки и нечаянно смешал в кучу три или четыре заклинания. Бедный Ха-Ха очень огорчался, но, как выяснилось позднее, никакой беды не произошло и ошибка оказалась в высшей степени удачной.

Путники прошли между деревьями в ту сторону, откуда слышалось позвякивание колокольчика и тихое мычание, какое всегда стоит над пастбищем, где пасется обыкновенное стадо коров. Затем они вышли на поляну и увидели лунных тельцов.

— На первый взгляд несколько неожиданное зрелище, не правда ли? — с гордостью произнес Попугай.

— Неожиданное? Да это самые фантастические существа на свете! — воскликнул Питер.

— Как будто их составили из разных кусочков, — добавила Пенелопа.

В целом лунные тельцы походили на гигантских темно-зеленых улиток, покрытых красивейшими золотисто-зелеными раковинами. Но вместо головы улитки, оснащенной рожками, у каждого существа была толстолобая голова теленка с янтарного цвета рогами и копной курчавых завитков на лбу. У них были темные влажные глаза, они медленно переползали по лиловой траве, как улитки, но при этом щипали траву, как коровы. Порой то один, то другой задирал голову и издавал долгое проникновенное «му-у-у».

— Они опасны? — спросил Саймон, глядя на них как зачарованный.

— Господи, нет, конечно, — возмутился Попугай. — Добрейшие и глупейшие создания во всей стране, но в отличие от других добрых дураков чрезвычайно полезны.

— А что они дают? — спросила Пенелопа.

— Молоко, — ответил Попугай, — и лунное желе — полезнейшее в мире вещество.

— Откуда их доят? — в недоумении спросил Питер.

— Из раковин. У каждой раковины по три крана. На двух написано «горячее» и «холодное». Поворачиваете кран — и пожалуйста: получаете горячее или холодное молоко, кто какое любит.

— А что получают из третьего крана? — поинтересовался Саймон.

— Сливки.

— Ах, черт! — воскликнул Питер, который обожал сливки. — От них действительно сплошная польза.

— А откуда берется желе? — спросила Пенелопа.

— Ага, это и есть самое интересное, — ответил Попугай. — Видели, как улитка оставляет за собой слизистый след? Так вот, лунные тельцы делают то же самое, только оставляют они за собой желе и делают его, лишь когда их попросят.

— Уф, — проговорила Пенелопа. — А зачем столько желе?

— Оно застывает пластами, — пояснил Попугай, — и становится необычайно нужным материалом. Начать с того, что оно холодное, когда жарко, и горячее, когда холодно.

— Как? — не понял Питер.

— Я хочу сказать, что, если сделать из него дом или одежду, в них тепло в холодную погоду и наоборот.

— Это удобно, — подумав, согласился Саймон.

— Желе хранят в виде пластов, — продолжал Попугай, — а когда понадобится, берут пласт и выдумывают его во что-нибудь полезное.

— Выдумывают? — повторила Пенелопа. — Что ты хочешь сказать?

— Сейчас я вам покажу, — проговорил Попугай. — Подойдем поближе.

Они направились к стаду. Диковинные звери подняли головы и с дружелюбнейшим видом уставились на них. Вожак был крупнее остальных, и на шее у него висел большой золотой колокольчик с надписью «Вожак».

— Доброе утро, — обратился к нему Попугай.

Вожак посмотрел на них внимательным взглядом, потом издал долгое приветственное «му-у-у».

— Не слишком интересные собеседники, — шепнул Попугай на ухо Пенелопе. — Очень ограниченный словарь.

Главный телец продолжал глядеть на них выразительным взглядом.

— А ну-ка, старина, — продолжал Попугай, — нам нужно парочку пластов желе. Как это тебе — не очень затруднительно?

Вожак величественно кивнул, потом повернулся к стаду и издал продолжительное «му-у-у». Стадо немедленно образовало кружок, животные встали один за другим, а вожак занял позицию в центре. И вдруг он запел. Покачивая головой то в одну, то в другую сторону, так что колокольчик позвякивал невпопад, он тянул: «Му-у-у, му-у-у, му-у-у», а все стадо тем временем скользило кружком, очень быстро повторяя хором: «Му-му-му, му-му-му, му-му-му». В целом шум получался очень громкий, но заунывный. По мере того как стадо скользило круг за кругом, то один то другой телец оставлял за собой след чего-то похожего на зеленый жидкий клей, а следующий за ним телец, точно паровой каток, раскатывал его в плоский прозрачный лист.

— Хорошо, хорошо, хватит. Хватит, я сказал! — заорал Попугай, пытаясь перекричать «му-му-му». Тельцы с удивленным видом остановились, мычание прекратилось. На траве теперь лежало штук двадцать пластин как бы тонкого хрупкого зеленого стекла.

— Никак не научатся считать, — раздраженно заметил Попугай. — Ну, неважно, пригодится.

Пенелопа взяла одну пластину в руки — оказалось, что она легкая, как паутина, и очень гибкая.

— Смотрите-ка, похоже на пластик, — сказала она.

— Лучше пластика, — поправил ее Попугай. — Как только они вам больше не нужны, вы просто берете и раздумываете их обратно.

— Что значит «раздумываете обратно»? — спросил Питер.

— Сейчас покажу. Нам ведь нужны только две пластины, стало быть, я сейчас от них избавлюсь. Смотрите.

Дети завороженным взглядом следили, как Попугай переходил от листа к листу, сосредоточенно смотрел на каждый и произносил: «Исчезни!»

И пласт скручивался в рулон, становился все меньше и меньше и наконец с тихим звуком, словно лопался крошечный воздушный шарик, исчезал.

— Невероятно, — проговорил Саймон.

— Значит, вы просто приказываете им? — спросил Питер.

— Да. — Попугай вытер лоб крылом. — Однако для этого необходимо очень сосредоточиться. Затем остается выдумать их во что угодно — что угодно неодушевленное, разумеется. Глядите.

Он подошел к одной из пластин желе и вытянул вперед крыло.

— Дай мне два куска пятьдесят сантиметров на сорок, — приказал он, и пластина послушно оторвала от себя два куска требуемого размера.

Попугай взлетел Пенелопе на плечо.

— А теперь, — сказал он, — стойте тихо, я их во что-нибудь выдумаю.

— Во что? — не утерпел Саймон.

— Ведра! — приказал Попугай, не спуская пристального взгляда с кусков желе.

И дети увидели, как куски из бледно-зеленых стали темно-зелеными. Потом вдруг принялись дергаться, и корчиться, и извиваться, и подпрыгивать, и скручиваться, и всячески кривляться. Потом еще разок как-то особенно замысловато искривились, послышалось тихое «щелк» — и перед ними очутились два красивых ведерка.

— Слушайте, это просто чудо! — Питер был совершенно потрясен.

— Теперь понятно, почему ты утверждал, будто желе такое полезное, — заметил Саймон.

— Самая полезная вещь на свете, — убежденно сказала Пенелопа.

Попугай наполнил одно ведро холодным молоком, а другое сливками из раковины одного из тельцов. Потом они поблагодарили стадо, которое хором откликнулось вежливым «му-у», и, захватив пластины желе, отправились обратно на реку.

— Наконец-то явились, — встретила их Дульчибелла. — Не слишком вы торопитесь. Я уже хотела снаряжать за вами спасательную экспедицию.

— Ну, откуда бы ты ее взяла, эгоистка ты этакая, — сказал Попугай. — Вечно ты все преувеличиваешь.

— Мы принесли тебе сливок, — поспешно вставила Пенелопа.

— Сливок? — повторила паучиха. — Как мило. А тлю на закуску, конечно, не принесли?

— Ты знаешь, нет, — серьезно ответила Пенелопа.

— Что делать, — вздохнула Дульчибелла. — Этого следовало ожидать.

Попугай, очень сильно сосредоточившись, выдумал желе в великолепную новую надувную лодку, и они, погрузив в нее все свои пожитки и клетку, спустили ее на мирную гладь реки.

— Йо-хо-хо и прочая чепуха, — весело проговорил Попугай. — Еще немного — и мы доберемся до Единорожьих лугов, а оттуда до Кристальных пещер полчаса подъема.

— Прямо мечтаю увидеть единорогов. — Пенелопа, сидевшая на корме, опустила руку в золотистую сверкающую воду. Питер и Саймон гребли дружно, и лодка шла хорошим ходом.

— Звери очень живописные, нельзя не признать, — рассудительным тоном произнес Попугай, — но очень, очень заносчивы. Держатся особняком. Снобы! Всегда отвечают: «Это нас не касается». Хотя в Мифландии, разумеется, все касается всех. Ведь мы непременно должны верить друг в друга, иначе мы все исчезнем, не так ли?

— Может, они просто застенчивы? — предположила Пенелопа.

— Застенчивы? Ну нет, о них этого не скажешь, — проговорил Попугай. — Нет, им просто лень. Любят поважничать. Когда я навещал их по поводу василисков, знаете, что они сказали? Я прямо взбесился. Они сказали: «Нам какое дело? Это уж ваша с Ха-Ха забота обуздывать буйные элементы». А? Я им покажу «буйные элементы».

— Лес кончается, — заметил Питер. — Мы, кажется, выплываем на открытую местность.

— Дайте-ка я слетаю на разведку.

И Попугай, захватив подзорную трубу, улетел. Через несколько минут он вернулся, сделал круг над лодкой и с большим искусством приземлился Пенелопе на плечо.

— Путь свободен! — объявил он. — Никого не видно. Держите на ту бухточку, мы там высадимся.

В бухте они вышли на берег. Выпустили воздух из лодки и сложили ее. Затем они зашагали по холмистым лугам, на которых там и сям были разбросаны купы синих кустов, усеянных красными цветами размером с подсолнух. Впереди, километрах в трех от них, виднелись лесистые холмы; там-то, по словам Попугая, находились Кристальные пещеры.

Хотя солнце не поднялось выше, воздух сильно разогрелся, и мальчики, тащившие в придачу к своим пожиткам и провизии дом Попугая со всей обстановкой, изнемогали от жары. Когда они добрались до середины пути, Попугай разрешил им отдохнуть. Они с радостью опустили ношу, легли в тень под большой синий куст и как следует напились молока, что было весьма кстати.

— Я дойду до вершины холма, погляжу, свободен ли путь, а вы хорошенько отдохните, — сказала Пенелопа.

— Смотри, будь осторожна, — напутствовал ее Питер.

— Там открытая местность, думаю, ей ничто не угрожает, — заметил Попугай, дремавший на своей клетке.

— Я далеко не пойду, — пообещала Пенелопа.

— Расскажешь потом, что увидишь, — сонным голосом пробормотал Саймон, — а встретишь василисков — не забудь от них удрать.

— Не беспокойся, не забуду.

И Пенелопа медленно побрела вверх по склону, наслаждаясь душистым воздухом, дивными красками неба и упругой мягкостью травы под ногами.

Взойдя на холм, Пенелопа заглянула в следующую долину и залюбовалась сочетанием лиловой травы, синих кустов и красных цветов. Вдруг она заметила, что какое-то маленькое существо прошмыгнуло из одного куста в другой, но так быстро, что она не успела

разобрать, кто это был. Она живо забралась в синий куст и притаилась, выжидая, чтобы животное появилось снова. Оно тут же и выскочило, и Пенелопа тихонько ахнула от удивления и восторга: это был бледно-голубой крошка единорог с огромными синими глазами, грива и хвост у него были словно из золотой пряжи, а витой рог как будто сделан из прозрачного золотистого ячменного сахара. Маленький единорог застыл в напряженной позе, навострив уши, раздув ноздри, повернув голову назад.

И тут вдруг Пенелопа похолодела от страха: на гребень холма важной поступью вышел василиск, похожий на гигантского разноцветного петуха. Он остановился, огляделся вокруг, жестокие зеленовато-золотистые глаза его сверкали, чешуя отливала зеленым, золотым и красным. Когда он повернул голову, Пенелопа услыхала, как зашуршали и заскрипели терщиеся друг об друга чешуйки, увидела, как из ноздрей показались струйки голубоватого дыма, а из клюва вместе с дыханием вырвались крошечные язычки оранжевого пламени. Единорог, вероятно, тоже заметил василиска, он повернулся и бросился бежать по долине, то заскакивая в кусты, то выскакивая наружу, и наконец остановился совсем недалеко от того места, где пряталась Пенелопа. Ей было видно, как раздуваются его ноздри и бока, слышно, как со свистом вырывается дыхание.

Василиск внимательно оглядел долину, дернул, как кошка, направо-налево раздвоенным хвостом, нагнул свою большую петушью башку и принялся обнюхивать землю, тихо, но злобно рыча. Ничего страшнее этих звуков Пенелопа в жизни не слыхала. Единорог тоже заслышал это рычание, но, очевидно, так обессилел, что не побежал, а лег комочком на землю и прижал назад уши; в широко раскрытых глазах его стоял ужас. Внезапно василиск, видимо почуяв его запах, издал ликующее кукареканье, от которого кровь стыла в жилах, и пустился бежать по долине.

Пенелопе страшно хотелось помочь малышу, но она боялась привлечь к себе внимание василиска. Однако, наблюдая за ним из своего укрытия, она заметила, что с нюхом у него обстоит неважно, — он несколько раз терял след и бегал кругами, тихонько клохча себе под нос. У Пенелопы родился план. Если перебить след единорога, василиск, может быть, потеряет его совсем. Способ для этого был один: подменить запах единорога своим. План был, конечно, рискованный, в случае неудачи разъяренный василиск мог испепелить и ее, и малыша. Она понимала, что, если будет долго раздумывать, вся ее отвага выветрится. Поэтому она вскочила и, петляя по кустам, сбежала зигзагами вниз, в долину и схватила единорога на руки. Тот заржал от страха и принялся брыкаться и бодать ее рогом.

— Перестань, дурачок, — прошептала Пенелопа. — Перестань. Я твой друг. Я хочу тебе помочь.

При слове «друг» единорожек затих и уставился ей снизу в лицо большими испуганными фиалковыми глазами.

— Друг? — переспросил он нежным голоском. — Друг?

— Да, — шепнула Пенелопа. — Лежи тихо, я попробую спасти тебя.

Хотя единорожек был не больше фокстерьера, он оказался довольно тяжелым, и Пенелопа обнаружила это очень скоро. Она бросилась назад в гору, то и дело прячась в кусты, делая перебежки, только когда василиск опускал голову к земле, так как боялась, что он видит лучше, чем чует. Совсем запыхавшись, она добежала до верха и оглянулась, чтобы посмотреть, удалась ли ее хитрость. Василиск как раз приближался к тому месту, где Пенелопа подхватила на руки единорога. Пенелопа затаила дыхание.

Неожиданно василиск, бежавший наклонив клюв к земле, отпрянул с испуганным рычанием. Глаза его закрылись, и он вдруг яростно чихнул. Из ноздрей его брызнул огонь и дым и выжег большое черное пятно на лиловой траве. Он неудержимо чихал и чихал, каждый раз оставляя на траве черное место или поджигая куст. Он никак не мог остановиться, у него словно началась сенная лихорадка. Наконец он повернулся и со слезящимися глазами, дико чихая, помчался прочь, оставляя за собой почерневшую траву и дымящиеся кусты.

— Ну, не знала я, что от меня так плохо пахнет, — проговорила Пенелопа. — Так или иначе, он убрался.

— Спасибо тебе, ты спасла мне жизнь, — нежным голоском произнес маленький единорог. — Ты очень добрая и храбрая.

— Ну насчет храбрости я не уверена, — сказала Пенелопа, — но главное, что мне удалось его прогнать. А как получилось, что он тебя преследовал? Как тебя угораздило очутиться здесь одному? Где твои родители?

— Стадо вон там, — показал единорог. — Я от них убежал, потому что хотел поупражняться в бодании.

— Как? — не поняла Пенелопа.

— В бодании, — повторил малыш, мотая головой сверху вниз так, что рог его засверкал на солнце. — Рогом, понимаешь? У нас каждый год бывает великое бодальное состязание, я уже большой и в этом году тоже буду участвовать. А поскольку я наследный принц, то должен победить, понимаешь?

— Наследный принц?

— Ну да, Септимус, наследный принц единорогов. Папа и мама у меня король и королева.

— Тем более ты не должен убегать один, — строго сказала Пенелопа. — Сам подумай: хорошо ли, чтобы за наследным принцем гнался василиск?

— Я знаю, — с раскаянием проговорил Септимус, — но мне так надо было поупражняться, а пробочные деревья прямо созданы для этого. Если выбрать большую пробку, рогу не больно.

— Твои родители, наверное, с ума сходят от беспокойства, — проворчала Пенелопа. — Чем скорее им тебя вернуть, тем лучше. А почему василиск за тобой погнался?

— Он хотел забрать меня к себе в замок, чтобы держать единорогов в повиновении. Он даже меня и схватил, да я боднул его как следует и удрал. Огнем он дохнуть не посмел, он хотел поймать меня живым. И хорошо, что не дохнул, а то он опалил бы мне гриву и хвост. Ведь, согласись, они у меня очень красивые, правда?

Пенелопа поежилась от страха.

— Да, очень. Ладно, пойдем к моим друзьям, и мы подумаем, как тебя вернуть родителям.

Пока они спускались с холма, Септимус весело скакал вокруг Пенелопы, видимо совсем забыв про недавнюю опасность.

Питер и Саймон пришли в восторг, увидав настоящего, живого единорога, но ужаснулись, когда узнали, как рисковала Пенелопа, чтобы спасти его от василиска.

— Честное слово, я бы обязательно позвала вас на помощь, если бы успела, — оправдывалась она. — Но у меня не было времени, мне пришлось действовать мгновенно.

— Надеюсь, это глупое создание благодарно тебе, — сурово сказал Попугай. — Этот бездельник не заслуживает, чтобы его спасали.

Но Септимус его не слышал. Он нашел лужицу и теперь стоял как зачарованный, любуясь своим отражением.

— Ох уж эти мне единороги, — мрачно заметил Попугай, — все одинаковы, самовлюбленны и тщеславны, как никто. Дайте им зеркало или вообще что угодно, во что можно смотреться, — и они замрут на месте, как загипнотизированные.

— Он еще ребенок, — возразила Пенелопа, — и потом он и правда очень красивый.

— Хорош, спору нет, — нехотя согласился Попугай. — Но в голове пусто. И все они такие. Ну что ж, пора, я полагаю, вернуть это сокровище в лоно семьи.

Вся компания двинулась в путь. Септимус доро́гой весело резвился.

— Как тебе кажется, Пенелопа, мне больше идет, когда рог так или когда вот так? — спросил он.

— Если ты не угомонишься, — с раздражением оборвал его Попугай, — я возьму у Пенелопы ножницы и обстригу тебе хвост и гриву.

Эта страшная угроза возымела действие, Септимус притих.

Они шли по прогалине между синими кустами, как вдруг послышался глухой грохот, похожий на гром, и земля задрожала у них под ногами. В следующую минуту на прогалину, ломая кусты и стуча копытами по дерну, вынеслось огромное стадо голубых и белых единорогов и, храпя, остановилось в нескольких метрах от путешественников. Дети оказались окружены частоколом острых золотых рогов, угрожающе нацеленных прямо на них.

— Эй, вы! — закричал Попугай. — Эй, вы! Бросьте эти глупости — это мы, не видите, что ли!

Стоявшие плотным кругом животные расступились, и вперед вышел очень крупный единорог красивого темно-синего цвета. Грива и хвост у него были медово-янтарные, а витой рог сверкал, как новенькая золотая монета. Ясно было, что это и есть король, а стройный белый единорог с золотой гривой и хвостом, державшийся рядом с ним, — королева.

— Ты ли это, Попугай? — в изумлении проговорил король.

— Конечно я, а кто же еще? — отвечал Попугай.

— Нам передали, что после того как василиски взяли власть в свои руки, ты покинул страну.

— Что-о?! — негодующе воскликнул Попугай. — Я? Покинул страну? Это я-то?

— Ну, это действительно было на тебя как-то не похоже, но Ха-Ха сказал, что ты исчез, даже не оставив записки, а василиски уверяли, будто ты сбежал.

— Я им покажу «сбежал», дайте срок, — проговорил Попугай.

— Вот именно, — подхватил Питер. — «Сбежал», скажите на милость. Мы им покажем, не волнуйся, Попугай.

— Это василиски у нас побегут, когда мы зададим им перцу, — поддержал его Саймон.

— Пенелопа спасла меня от василиска, — объявил Септимус.

И он рассказал родителям (с некоторыми преувеличениями), как Пенелопа провела василиска.

— Все единороги в долгу перед тобой, — сказал король, грозно сверкая глазами. — С нынешнего дня каждый единорог в Мифландии к твоим услугам. Стоит тебе пожелать что-нибудь, и мы приложим все старания, чтобы выполнить твое желание. А покамест предоставляю четверых моих подданных в ваше распоряжение: по одному на троих, а четвертый повезет Попугая и вещи.

— Огромное спасибо, ваше величество, — сказала Пенелопа. — Вы очень щедры. Не знаю, могу ли я высказать маленькую просьбу.

— Говори, — ответил единорог. — Если это в моих силах, просьба будет удовлетворена.

— В таком случае не присоединитесь ли вы и ваши подданные к нам? Попугай, мои кузены и я хотим попытаться свергнуть этих грубых и опасных василисков.

— Обычно мы, единороги, держимся особняком, — ответил король. — Мы не вмешиваемся в чужие дела. Но коль скоро таково твое желание и коль скоро василиски имели наглость напасть на моего сына, я объявляю: все единороги Мифландии, включая меня самого, будут служить вам до тех пор, пока василиски не будут побеждены.

— Благодарю вас, — сказала Пенелопа, — очень, очень благодарю вас.

— Вот это дело! — воскликнул Попугай. — Вместе мы разобьем и разгромим этих вульгарных, безвкусно-ярких, пустых и ничтожных василисков.

Дети тут же взгромоздили свои пожитки и клетку на широкую спину одного единорога и оседлали трех других.

— Помните, — сказал король, — когда мы вам понадобимся, дайте знать, и мы тотчас явимся. В вашем распоряжении полтораста острых рогов.

— Спасибо, ваше величество, — проговорила Пенелопа.

— Мы свяжемся с вами, как только выработаем с Ха-Ха план кампании, — добавил Попугай. — А теперь, будь добр, вели своим подданным, чтобы они никому ни словом не обмолвились о том, что видели нас. Как известно, во внезапности — половина успеха.

— Ни один из моих подданных не проговорится, — заверил его король.

— В таком случае в путь! — Попугай вспорхнул Пенелопе на плечо. — Чем скорее мы доберемся до Кристальных пещер, тем лучше.

И небольшая кавалькада единорогов, увозившая на себе Попугая, ребят и их вещи, тронулась по направлению к лесистым холмам, видневшимся в полумиле от них.

— Ты очень умно поступила, заручившись помощью единорогов, — шепнул Попугай на ухо Пенелопе. — Но даже и с ними победить василисков будет нелегко. Судя по тому, что они осмелились раздразнить единорогов, попытавшись выкрасть Септимуса, они чувствуют себя очень уверенно.

— Ну, а нет в Мифландии еще каких-нибудь зверей, у кого можно попросить поддержки? — спросил Питер.

— Есть, конечно, — ответил Попугай, — но толку от них мало. Взять, например, лунных тельцов. Полезные животные, но для нашего дела совершенно непригодны. Возможно, грифоны и присоединятся к нам, — это было бы неплохое подспорье. Кто мог бы помочь, так это драконы, если бы Табита не повела себя так глупо.

— Да, а что она, собственно, сделала? — спросил Саймон.

— Узнаете, когда доедем, — ответил Попугай. — Нам туда — за те деревья.

Они проезжали сквозь чащу пробочных деревьев. Впереди торчала высокая красная скала и уже виднелся сводчатый вход в пещеру. Еще ближе — и они увидели, что вся трава перед входом обгорела, а кустарник почернел и обуглился.

— Опять эти василиски! — взорвался Попугай. Он был вне себя от злости. — Видно, пытались добраться до Ха-Ха. Вы только поглядите, как они пожгли подлесок.

— Надеюсь, они не причинили вреда мистеру Джанкетбери. — Пенелопа вздрогнула, вспомнив, как страшно рычал василиск, гнавшийся за Септимусом.

— Думаю, что нет, — ответил Попугай. — Кристальные пещеры имеют особое устройство. Если вы снаружи, вам не войти внутрь, а если вы внутри, то не выйти оттуда.

Как и многое другое в Мифландии, детям показалось это непонятным, и они так и сказали Попугаю.

— Видите ли, — объяснил он, — когда мы обнаружили пещеры, они были самыми обыкновенными пещерами. Но потом Ха-Ха изобрел что-то вроде жидкого кристалла, который получали в виде пены, а потом он затвердевал. Ха-Ха так гордился своим изобретением, что заполнил им пещеры целиком. И в результате вы как будто идете сквозь гигантские мыльные пузыри. Они прозрачны, так что вам все видно, но попасть внутрь крайне затруднительно, если не знать секрета. Словно попадаешь в прозрачный лабиринт. Мы с Ха-Ха одни знаем, как туда войти и как оттуда выйти.

Они спешились у входа. Громадная пещера, казалось, и в самом деле была наполнена большими мыльными пузырями, прозрачными и нежными, переливавшимися всеми цветами радуги.

— А теперь, молодцы, — сказал Попугай, обращаясь к единорогам, — попаситесь вон там подальше, пока вы нам не понадобитесь.

Единороги покладисто кивнули и удалились в пробочный лес. Попугай порылся в шкафу и извлек компас.

— Следуйте за мной, — скомандовал он.

Дети взяли свои вещи и клетку и вошли за ним в глубину Кристальных пещер.

У Пенелопы было такое ощущение, будто они брели сквозь прозрачное облако. В обе стороны отходили боковые туннели, казавшиеся бесконечными. Но как только путники делали шаг вбок, перед ними всякий раз вставала стена мерцающего кристалла.

— Третий справа, второй слева, пятый справа, четвертый слева, — бормотал Попугай, семеня по туннелю и все время сверяясь с компасом.

Кристальные коридоры освещались зеленоватым светом. Саймон заинтересовался его происхождением.

— Светляки, — объяснил Попугай. — Ха-Ха отдал им всю крышу при условии, что они будут освещать коридоры. Естественно, жилые помещения освещаются грибами.

— Грибами? — повторил Питер.

— Ну да, светящимися грибами, они дают отличный свет.

Они углубились уже довольно далеко, кристальные пузыри становились все крупнее. И вот сквозь толщу прозрачного кристалла они увидели впереди сильный белый свет.

— Почти пришли, почти пришли, — пробормотал Попугай. — Бедняга Ха-Ха, наверное, голову себе ломает над тем, куда я подевался. Но ничего, теперь мы здесь и скоро разрешим наши проблемы.

Они завернули за угол и очутились в огромной комнате овальной формы, где с потолка свисали связки белых фосфоресцирующих грибов. В глубину отходили две полукруглые ниши. В главной комнате стоял длинный стол, много стульев с высокими спинками и несколько низких диванов с яркими подушками. В одной из ниш была большая кухонная плита, на которой кипели кастрюльки и шипели сковородки и над которой висели окорока, колбасы и связки лука. В другой нише помещалась лаборатория, заставленная горелками, ретортами, пробирками, пестиками, ступками и бесчисленными флаконами с разноцветными настоями трав и солями.

Спиной к путешественникам, с луком и стрелой в руках, которые были намного больше его самого, стоял низенький толстенький человечек в черном и золотом одеянии и в остроконечной золотой с черным шляпе.

— Назад! — прокричала фигура, потрясая луком самым непрофессиональным образом. — Назад! Еще один шаг — и я всажу тебе стрелу прямо в зоб, негодный непослушный василиск!

— Ах, боже мой, — вздохнул Попугай. — Опять он потерял очки.

— Назад! Сделай только шаг — и я убью тебя наповал! — воскликнул волшебник, продолжая размахивать луком.

— Ха-Ха! — крикнул Попугай. — Это я, Попугай!

Услыхав голос позади себя, волшебник резко повернулся, и шляпа свалилась у него с головы. Ребята прежде думали, что все волшебники долговязые и сухощавые, как цапли, но у Ха-Ха было круглое лицо, седая борода до пояса и длинные белые волосы, поверх которых, точно розовый гриб, торчала лысая макушка.

— Негодный василиск! — закричал волшебник, дико озираясь. —

Как смеешь ты выдавать себя за Попугая? Какая наглая подделка! Неужели ты думаешь, я поддамся обману?

— Фу ты, — простонал Попугай, — что бы ему класть очки на одно и то же место, а еще лучше — вообще их не снимать.

С этими словами он перелетел через комнату и сел волшебнику на плечо.

— Ха-Ха, это я и есть, Попугай. Я вернулся!

— Попугай, так это ты? — Голос у волшебника дрогнул, он поднял кверху пухлую ручку и погладил Попугаю хохолок.

— Он самый, — ответил Попугай.

— Ох, Попугай, как же я счастлив, что ты вернулся.

— Я тоже рад, — проговорил Попугай.

— Ну вот, ну вот... — Волшебник шумно высморкался и при этом налетел на стул. — Где же ты пропадал, Попугай? Я тебя повсюду искал. Я был уверен, что отвратительные василиски сожгли тебя.

— Это всё жабы виноваты, — отозвался Попугай. — Набросились на нас с Дульчибеллой среди ночи, закрутили в грубую оберточную бумагу и столкнули в реку.

— Нет, какая дерзость, какая дерзость! — Волшебник зашагал взад и вперед по комнате, лицо его побагровело от гнева. Он впал в такое волнение, что налетел на кристальную стену и упал. Питер и Саймон поставили его на ноги.

— Благодарствуйте, благодарствуйте, очень любезно с вашей стороны, — пробормотал волшебник. — Что было дальше, Попугай?

— А дальше нас прибило к берегу наружного мира и нас нашли вот эти милые дети.

— Какие дети? — Волшебник завертел головой.

— Они стоят рядом с вами, — терпеливо разъяснил Попугай.

— Батюшки, так это дети? Я думал, это стулья. Здравствуйте, детки. — И волшебник дружески помахал рукой ближайшим стульям.

— Чем скорее я отыщу вам очки, тем лучше, — заметил Попугай. — Так вот, если бы не мужество и отзывчивость этих детей, меня бы здесь не было.

— Стало быть, я в неоплатном долгу перед вами, — сказал волшебник, пытаясь пожать руку стулу, — в неоплатном долгу.

— А теперь прежде чем приступать к делу, — продолжал Попугай, — я поищу очки. Куда вы их клали в последний раз? Что вы в них делали?

— Я не очень твердо помню, — с беспомощным видом ответил волшебник. — Сперва заварилась та история с василисками, и я потерял одну пару очков. Потом мне пришлось возиться с Табитой, когда она впала в совершенно истерическое состояние, и я потерял вторую пару. А куда я дел запасные очки, я не помню.

— Хорошо, не двигайтесь с места, пока я не вернусь, — приказал Попугай, — а то вы опять ушибетесь.

Он принялся летать по комнате, заглядывая в разные уголки.

— Не хотите ли сесть, мистер Джанкетбери? — Пенелопа дотронулась до его руки. — Сзади вас диван.

— Ох... я... э-э-э, да, благодарю вас, — отозвался волшебник. — Только, пожалуйста, зовите меня Ха-Ха. Все здесь меня так зовут.

— Спасибо. — Пенелопа усадила его на диван.

— Ты — дитя женского пола? — спросил Ха-Ха, вглядываясь ей в лицо.

— Да. — Пенелопа улыбнулась. — Меня зовут Пенелопа, а это мои кузены, Питер и Саймон.

— Здрасте, здрасте! — Волшебник закивал в том направлении, где стояли мальчики. — Мне пришло в голову вот что: раз ты дитя женского пола, не могла бы ты пойти успокоить Табиту? Понимаешь, как женщина женщину?

— Мне никогда еще не приходилось успокаивать драконов, — с беспокойством отозвалась Пенелопа. — Я совсем не уверена, что у меня это получится.

— А я уверен. — Волшебник с лучезарной улыбкой посмотрел на нее. — У тебя такой добрый голос. Как это великодушно, что ты вызвалась помочь. Я отведу тебя к ней, как только получу очки.

В эту минуту камнем вниз упал Попугай, держа в клюве очки.

— Получайте, — сказал он. — Они были в банке с лунноморковным вареньем. Как они туда попали?

— Ах да... — Волшебник с очень довольным видом вздел очки на нос. — Теперь я вспоминаю, как клал их туда. Я решил, что место такое неподходящее, что уж я непременно его запомню.

Попугай испустил тяжкий вздох страдальца, которому уже не раз приходилось участвовать в подобных поисках.

— Какие же вы симпатичные детки. — Волшебник просиял. — Мальчики такие красивые, а девочка прехорошенькая. И подумать только — у каждого свой цвет волос. Это так удобно для того, чтобы различать вас. Особенно когда потеряешь очки. Постойте-ка, я попробую запомнить: Пенелопа — медно-рыжая головка, у Питера черные кудри. Так. Стало быть, Саймон блондин. Так, так, уверен, что недельки через две я выучу вас.

— Оставим это, — прервал его Попугай. — Расскажите лучше, что здесь происходит.

— Ну, — посмеиваясь, ответил волшебник, — у василисков начались кое-какие неприятности. Они, правда, овладели заклинанием, касающимся яиц, что огорчительно, но, получив в руки Книгу Заклинаний, они сделались очень честолюбивы. А поскольку, как тебе известно, они всегда были бестолковы, то они перепутали заклинания и не успели глазом моргнуть, как превратили одного часового в пучок лунной моркови, а другого — в большое пробочное дерево, искривленное молнией.

— Хо-хо-хо! — захохотал Попугай, хлопая себя крыльями по бокам. — Вот так штука! А дальше что?

— Потом они явились сюда и стали вынуждать меня спуститься вниз, в долину, чтобы там произносить за них заклинания, — с негодованием ответил волшебник. — Тогда я укрылся здесь, и сюда они уже проникнуть не посмели.

— Вопрос в том, — сказал Попугай, — что предпринять теперь?

— Сам знаешь, — проговорил волшебник, — без Травника и Книги Заклинаний я ничего сделать не могу. Говорят, они держат все три

книги в подземелье своего замка и, как видно, крепко стерегут. Не представляю, как их оттуда вызволить, а без них мы беспомощны.

— Неужели вы не помните ни одного заклинания наизусть? — спросил Попугай.

— Не помню. В моем возрасте память слабеет. И главное, я точно знаю, что там имеется специальное заклинание против василисков, но в чем оно заключается, вспомнить не могу, вот что обидно.

— Ну ничего, вдруг вы его еще вспомните, — ободрил его Попугай.

— Нет, — с несчастным видом возразил волшебник. — Я уж и так, и этак пробовал — не могу вспомнить, и все.

— Неважно, — весело утешил его Попугай, — не тревожьтесь, мы что-нибудь придумаем. А теперь почему бы вам не состряпать что-нибудь такое лунноморковное? Вы потрясающе это делаете.

— Правда, вы хотите есть? С радостью, — оживился волшебник. — Но сначала я отведу Питера к Табите, ей полезно женское общество.

— Вы хотите сказать — Пенелопу? — поправил Попугай.

— Это у которой белокурые волосы? — осведомился волшебник.

— Нет, рыжие, — возразил Попугай.

— Ах, да. Пойдем же, Пенелопа, душенька.

— Ступай, — поторопил ее Попугай. — Табита не опасна.

Несмотря на заверение, Пенелопе, когда она следовала за волшебником через кристальный лабиринт, было очень не по себе.

— Я поместил ее в восточное крыло, — объяснил волшебник по дороге. — Во-первых, оно огнеупорное, а во-вторых, звуконепроницаемое.

Пенелопа поняла здравость его рассуждений, как только они подошли к восточному крылу. Шум, поднятый безутешной драконихой, был невообразимый.

— У-у-у! У-у-у! — услышала Пенелопа рев Табиты. — У-у-у! Глупое я, безмозглое создание! Беспечная несообразительная растяпа! У-у-у!

Волшебник ввел Пенелопу в комнату, обставленную как спальня. На громадной с пологом кровати, содрогаясь от рыданий, лежала дракониха. Она была не так уж велика, как представляла ее себе Пенелопа, не крупнее пони, кирпично-красного цвета, а вдоль шеи и спины у нее шла нарядная оборка из золотых и зеленых чешуек. Огромные бледно-голубые глаза ее были полны слез.

— Хватит, хватит, Табита, — проговорил волшебник. — Я тут тебе кое-кого привел — девочку по имени Пенелопа.

— Очень приятно, — сказала Пенелопа.

— Нет, нет, неприятно! — заревела Табита. Из ее глаз по щекам текли слезы и, нагретые пламенем из ноздрей, тут же обращались в пар. — Никому не может быть приятна такая никчемная, никудышная, дрянная дракониха! Таких больше днем с огнем не найдешь! У-у-у!

— Может, если вы расскажете мне про свое горе, — ласково предложила Пенелопа, — вам станет легче? Видите ли, мы с моими кузенами пришли сюда, чтобы вам помочь.

— Вы очень добры, — захлебываясь, прорыдала Табита, — но я одинока и всеми покинута, и никто мне не поможет, и я сама во всем виновата, у-у-у! И ничего... у-у-у... нельзя... у-у-у... поправить!

— Все равно, — твердо сказала Пенелопа, — на всякий случай расскажите. Слезами уж точно горю не поможешь.

Табита достала из-под подушки огромный носовой платок и громко высморкалась. Платок немедленно загорелся. Пенелопе и волшебнику пришлось затаптывать огонь.

— Как будто я ее не предупреждал, чтобы она пользовалась огнеупорными платками, — недовольно повторял он. — Я двадцать раз предупреждал. Ты не представляешь себе, до чего небрежны все эти огнедышащие.

— Да, да, оскорбляй меня... у-у-у... когда и так мое сердце разбито... у-у-у... когда из всех драконов я осталась одна, — прорыдала Табита. — Ругай меня... у-у-у... когда я осталась слабая и беззащитная, последняя из рода драконов!..

— Батюшки! — проговорил волшебник. — Что бы я ни сказал, всё не так. Оставляю вас одних. Если что-то понадобится, позвони. В неотложном случае — пять звонков.

Волшебник поспешно ретировался, а Пенелопа с опаской присела на краешек кровати рядом с Табитой.

— Послушай, Табита, — сказала она ласково, но решительно. — Ты только расстраиваешь себя. Что толку плакать? А вот если ты возьмешь себя в руки и расскажешь мне, в чем дело, уверена, мы тебе поможем.

— Ну вот, — проговорила Табита, всхлипывая и прерывисто вздыхая, отчего из носу у нее розовыми лепестками вырывалось пламя. — Ну вот, время от времени все драконы, кроме одного, исчезают, и тогда этот последний дракон становится хранителем яиц, которые по одной штуке кладет каждый дракон, прежде чем исчезнуть. Меня выбрали хранительницей яиц, и я этим очень гордилась, потому что такая большая ответственность — сознавать, что будущее драконов находится в твоих руках, вернее, в твоей корзинке.

— Да, очень большая ответственность, — с серьезным видом подтвердила Пенелопа.

— Ну вот, я как раз поднималась сюда и несла яйца — их всегда высиживают в Кристальных пещерах, — как вдруг мне повстречались василиски, с которыми я вообще-то никогда не разговариваю, они такие вульгарные и буйные. Но они мне сказали, будто теперь все будет по-другому и им велено отнести яйца для высиживания к ним в замок. И я по глупости отдала им яйца, а они... у-у-у, у-у-у... помчались прочь и крикнули, что и не собираются их высиживать, и теперь... у-у-у... драконов БОЛЬШЕ НЕ БУ-У-УДЕТ!

— Жестокие звери! — сердито проговорила Пенелопа, когда Табита опять принялась бурно рыдать. — Ну ничего, мы с моими кузенами собираемся проникнуть к ним в замок и отнять Великие Управляющие Книги и драконьи яйца.

— Правда? Отнимете? — обрадовалась Табита. — Но как?

— А вот так... — начала Пенелопа и остановилась. Уголком глаза она заметила какое-то движение около большого шкафа, стоявшего

в темном углу. — Скажи-ка, — произнесла она, — тут в пещерах есть кто-нибудь еще кроме тебя?

— Кто-нибудь еще? — недоумевающе повторила Табита. — Нет, кроме меня и Ха-Ха, никого. А что?

Пенелопа, ничего не отвечая, направилась к звонку и нажала его пять раз. Через несколько секунд послышался топот, дверь распахнулась и в комнату ворвались Питер, Саймон и Ха-Ха и позади них Попугай.

— Что случилось? — воскликнул волшебник.

— Да, в чем дело? — закричали мальчики.

— Заприте двери, — проговорила Пенелопа.

Они заперли дверь и выжидающе уставились на нее.

— Ну? — спросил Саймон.

— К нам подослан шпион, — спокойно произнесла Пенелопа. — Он прячется около шкафа.

4

Шпионы и планы

— Шпион, Пенни? — недоверчиво переспросил Питер. — Ты уверена?

— Какого рода шпион? — спросил Саймон.

— Не знаю, я видела только, как он шевельнулся вон там, возле шкафа, — показала Пенелопа.

Мальчики шагнули в темный угол.

— Ты совершенно права, — сказал Питер и, нагнувшись, кого-то схватил.

— Ну ты, пусти, — произнес хриплый голос. — Пусти, кому говорю, больно делаешь.

В руке Питер держал за одну ногу толстую бородавчатую зеленую жабу. Жаба была в визитке и белокуром парике и сжимала в лапе серый цилиндр. Когда Питер опустил ее, она съежилась на полу, судорожно раздувая горло и нервно следя за ними выпученными желтыми глазами.

— Вот, пожалуйста, — торжествующе проговорила Пенелопа. — Я же вам говорила, что тут шпион.

— Ничего я не шпион, — хриплым голосом возразила жаба.

— Кто же ты в таком случае? — грозно спросил Саймон.

— Я... я... как его... купец-меховщик из Владивостока. У меня жена и шестеро ребятишек, и мне надо их содержать.

— Никакой ты не купец, — в негодовании отверг ее слова Питер.

— А что, не похож я разве на купца-меховщика из Владивостока, который еле концы с концами сводит? — плаксиво спросила жаба.

— Нисколечко, — отрезал Саймон.

Жаба на минутку задумалась.

— А как насчет торговца бриллиантами, который прикатил прямехонько от зулусов, а? — Физиономия у жабы прояснилась.

— Тоже не похож, — отверг и это предложение Питер.

— А если знаменитый нейрохирург из Катманду? — с надеждой в голосе осведомилась жаба.

— Не пойдет, — ответил Саймон.

— Ладно, так и быть, скажу вам правду-матку, — задушевным тоном произнесла жаба. — Я — богатый фермер из Онтарио, хозяин молочной фермы. У меня отпуск, и я надумал проведать свою племянницу.

— Я тебе не верю, — сказала Пенелопа. — Ты шпион.

— Да не шпион я, лопни мои глаза, — запротестовала жаба. — Лопни мои глаза, мисс. Я вам говорю все, как есть, начистоту. Я вполне зажиточный торговец зерном, который путешествует инкогнито, как бы по торговым делам.

— Ты просто-напросто жаба и шпион, — сказал Питер.

— Да, и притом незадачливый шпион, жалкий, уродливый, в парике и визитке и дурацком цилиндре, — добавил Саймон.

— Ты никакого права не имеешь оскорблять мой цилиндр, — обиженным тоном заявила жаба. — В чем дело? Шикарный цилиндр! Можно смело сказать: моя лучшая маскировка, в смысле мой лучший наряд.

— Ты шпион, — повторил Питер. — Знаешь, что бывает со шпионами?

— Да не шпион я, ей-богу, — лихорадочно запротестовала жаба. — Нельзя меня трогать, потому как я вовсе не шпион.

— Шпионов расстреливают, — заметил Саймон.

— Или пытают, — добавил Питер.

— Или пытают и расстреливают, — зловеще подытожил Попугай.

— Слушайте, полегче! Зачем такие слова? — переполошилась жаба. — Слушайте, сейчас я вам выложу все как на духу. Я не хотел говорить, заметьте, но вы меня вроде как вынудили.

— Ну? — поторопил ее Саймон.

— Я — богатый-пребогатый банкир литовского происхождения, у которого жена, двое ребятишек и старенькая мамаша на иждивении, — созналась жаба, надвигая цилиндр на глаза и засовывая большие пальцы за проймы жилетки.

— Ни одному слову не верю, — сказала Пенелопа.

— Я тоже, — присоединился Попугай. — Банкир, видали вы? Да такая жаба, как ты, дважды два не сосчитает.

— А и не надо считать, — заверила его жаба. — Если ты банкир, так, лопни мои глаза, тебе ни математики, ни чего другого и ведать не требуется. Знай присматривай за чужими денежками и не отдавай нипочем, кто ни попросит, — вот и вся работа.

— Вздор! — презрительно отозвался Попугай. — Абсолютный вздор и к тому же неизобретательный. А теперь, если не скажешь нам правды, Табита поджарит тебе слегка пятки, а, Табита?

— С большим удовольствием. — Табита выпустила двадцать четыре колечка дыма и две длинные струи пламени из ноздрей.

— Ух! Слушайте, так нечестно! — Глаза жабы наполнились слезами. — Нехорошо мучить бессловесное животное. И костюм можно попортить, а я за него еще не все деньги выплатил.

— Нас это не касается, — возразил Попугай. — Скажи правду, и мы тебя не тронем.

— Ей-богу? — с надеждой спросила жаба. — И скажете: «Вот те крест, умру, если обману»?

— Да, — ответил Попугай.

— Ладно. — Жаба набрала в рот воздуху. — Я...

— Смотри — только правду, — предупредил Попугай. — Это твой последний шанс.

— Да понял уж, понял, — отозвалась жаба. — Зовут меня Этельред, мистер Жаб, без определенного местожительства.

— Шпион? — дополнил Питер.

— Ну да. То есть нет, я как бы полушпион. Понимаете, — продолжал Этельред, — это василиски виноваты. Мне не по росту было их яйца высиживать, я с них все время падал и ушибался. Тогда я и говорю их главному: «Почему бы не поручить, значит, мне то, для чего я создан?»

— Шпионить, что ли? — недоверчиво спросил Саймон. — Да из тебя же вышел бездарный шпион.

— Ты не имеешь никакого права оскорблять меня. — Этельред надулся. — Из меня вышел бы шпион что надо, просто я не успел пройти полный курс.

— Какой курс? — поинтересовался Питер.

— Курс заочного обучения, — пояснил Этельред. — Я только до маскировки дошел и до иностранных акцентов, а тут василиски и говорят: «Слушай, а ну быстрее скачи в Кристальные пещеры, разведай, что там затевает Ха-Ха». Спровадили меня в два счета, я даже невидимые чернила не захватил.

Пенелопе стало ужасно его жалко.

— Так, — сказал Попугай. — Удачно, что мы тебя перехватили, теперь ты нам дашь кое-какие сведения.

— Нет. — Этельред замотал головой. — Ни слова, хоть режьте. Я буду нем как могила. Вот так.

Табита выдохнула две струйки пламени.

— Ладно, так и быть, — поспешно сказал Этельред. — Я вам выдам чуть-чуть, что-нибудь такое не важное.

— Куда они дели Великие Управляющие Книги? — задал вопрос волшебник. — Они в безопасности?

— Что да, то да, — подтвердил Этельред. — Они у них в подземелье под усиленной охраной. Ох и в здоровую лужу они сели с этими заклинаниями. Смеху было! Я чуть не помер. Ну и взбесился их главный, когда два часовых превратились в дерево и в пучок морковки. Все наши жабы прямо в истерике катались, ей-богу.

— А что с драконьими яйцами? — спросил Попугай.

— А чего им делается? В порядке, — ответил Этельред.

— Они целы? В замке василисков? Мои драгоценные! — взвизгнула Табита и хлопнулась в обморок.

— Слушайте, чего это она? — спросил Этельред. — Ясно, они

целы. Как их сложили в пыточную камеру, так они и лежат себе одно к одному.

Все принялись похлопывать Табиту по лапам и занимались этим до тех пор, пока она не пришла в себя. По мудрому замечанию волшебника, не было никакого смысла жечь у нее под носом перышко, как делают в подобных случаях.

— Выкладывай, — сказал Попугай Этельреду, — какой вход в замок лучше.

— Вход только один, — вмешался волшебник, — через подъемный мост и главные ворота.

— А вот и ошибаетесь! — торжествующе провозгласил Этельред. — Вы тут думаете, что больно все умные, всё знаете, так? А вот и нет. Съели?

— Как же можно еще туда попасть? — удивился волшебник.

— Э-э-э, нет, — с хитрым видом протянул Этельред. — Этого вам у меня не выудить. Дудки, я вам не супостат какой-нибудь.

— Ренегат, — поправил Питер.

— Все равно. И не этот.

— Я тебе не верю, — сказала Пенелопа. — С той минуты, как мы тебя поймали, ты ни одного правдивого слова не сказал. И сейчас ты опять врешь, как и раньше про нейрохирурга. Ты нас обманывал насчет своей профессии и теперь обманываешь — говоришь, будто в замок есть еще один вход.

— Не вру я, мисс, ей-богу, — запротестовал Этельред. — Может, я и приврал пару раз, но сейчас я говорю чистую правду: в замок можно попасть через сточную трубу.

— Браво, Пенни! — закричал Питер.

— Весьма умно, — похвалил Попугай.

— Блестяще, — сказал волшебник.

— Эй, слушайте... — Этельред вдруг сообразил, что проговорился. — Это нечестно, мисс, право, нечестно.

— А шпионить за нами честно? — отрезала Пенелопа.

— Так моя профессия такая — мастер шпионажа, — возразил Этельред. — Вы не имели права выманивать у меня обманом тайну.

— Прости, но без этого нельзя было обойтись, — сказала Пенелопа. — И потом никто этому не удивится, потому что ты плохой шпион.

— Послушайте, это несправедливо, я ведь только полкурса успел пройти, — обиженно оправдывался Этельред. — Вообще-то, у меня очень хорошо получается. Венгерский торговец рыбой, вдовец с тремя дочками бесподобно выходит. Так во всяком случае моя мамаша говорит. Хотите послушать? А то еще могу изобразить из себя польского графа, который обеднел и ему пришлось продать замок со всем добром.

— В другой раз, — остановил его Попугай. — Сейчас мы хотим знать, как попасть в сточную трубу.

— Полегче, — запротестовал Этельред, — что же мне, ВСЕ секреты вам выдать?

— По-моему, — Пенелопа подмигнула Попугаю, — Этельред не понимает, что мы предлагаем ему очень важную работу.

— Кому? Мне? — озадаченно переспросил Этельред. — Что за работа?

— Мастер контршпионажа, — с серьезным лицом ответила Пенелопа.

— Это кто? Я? — От возбуждения глаза у Этельреда выпучились еще больше. — А это что за штука?

— Это самый главный вид шпионства, — ответил Питер.

— Да, — подтвердил Саймон, — необычайно важная работа.

— Ух ты! — Объяснение явно произвело на Этельреда сильное впечатление. — И как, значит, это делается?

— Ты притворяешься, будто продолжаешь шпионить за нами в пользу василисков, — пояснила Пенелопа. — А на самом деле ты шпионишь за василисками в нашу пользу. За это тебя будут звать мастер контршпионажа Икс.

— А почему Икс? Почему мне нельзя зваться своим именем?

— Потому что мастерам контршпионажа так не полагается, — ответил Питер. — Они слишком важные персоны, чтобы называться обыкновенными именами.

Этельред некоторое время размышлял.

— А маскировку мне придется применять? — осведомился он. — Вообще-то, маскировка у меня выходит лучше всего, мне было бы нежелательно ее бросать.

— Конечно, ты будешь применять маскировку, — успокоила его Пенелопа. — По большей части тебе придется носить дьявольски хитрую личину.

— Какую? — Глаза у Этельреда чуть не выскочили от волнения.

— Свою собственную, — ответила Пенелопа. — Ты будешь носить личину жабы.

— Эй, полегче! Василиски ведь знают, что я жаба, — запротестовал Этельред.

— Вот в этом и заключается дьявольская хитрость, — объяснил Саймон. — Потому что под личиной жабы будет скрываться мастер контршпионажа Икс.

— Ух ты! — На физиономии Этельреда выразилось понимание. — Ух ты, неглупо придумано, прямо совсем неглупо. Ей-богу, самое что ни на есть расшпионское шпионство.

Дети с облегчением вздохнули. Попугай обменялся взглядом с волшебником.

— Значит, ты согласен принять эту высокую должность? — спросила Пенелопа.

— Да, мисс, с охотой, мисс. — Глаза Этельреда сияли. — И позвольте мне сказать, мисс, для меня будет одно удовольствие работать с таким компаньоном, как вы, мисс, — из себя хорошенькая, а ум выдающийся, прямо как у меня.

— Большое спасибо, — ответила Пенелопа, с трудом удерживаясь от смеха. — Теперь, как только Ха-Ха накормит нас, мы примемся за разработку плана действий.

Все отправились назад в большую комнату, и Пенелопа помогла волшебнику подать на стол дивный обед: овощной суп, жаркое из баранины с зеленым горошком и печеным картофелем с маслом, а на

сладкое — свежая клубника со взбитыми сливками и меренгами, обложенная мороженым.

— Изумительно, — похвалил Питер, приканчивая вторую порцию клубники.

— Да, Ха-Ха любит иногда побаловать нас таким пиршеством на скорую руку, — заметил Попугай. — Он действительно прекрасно готовит. Ну, и лунная морковь, естественно, способствует этому. Универсальный продукт.

— Да, кстати, ты все время поминаешь про нее, — сказала Пенелопа, — и вы пели про нее, когда мы познакомились. Что это такое?

— Одно из лучших изобретений Ха-Ха, — ответил Попугай. — Выглядит как красная с белыми полосами морковь. В год мы снимаем один урожай. Происходит уборочная церемония, а потом мы развешиваем морковь сушиться.

— Сушеная она выглядит вот так. — Волшебник положил на стол длинный овощ в форме моркови, твердый, как бутылочная тыква. — Когда она высыхает, на ней появляются инструкции. Смотрите!

На боку у морковки ребята увидели готическую надпись с множеством завитков и загогулин: «Жареная свиная нога: всыпать содержимое в кастрюлю и поставить в печь на два часа. Подкладывать не больше двух поленьев за один раз. Жаркое поливать часто». Разломив морковку, волшебник показал содержимое — бурый порошок.

— Как? Все, что мы ели, сделано из этого? — не поверил Саймон.

— Да, — скромно ответил волшебник.

— И это не имеет ничего общего с обычными консервированными и сушеными полуфабрикатами, — добавил Попугай. — Она растет в земле и поэтому не теряет полезных качеств.

— Невероятно! — воскликнул Питер.

— Ха-Ха изобрел ее в тысяча пятьсот девяносто шестом году, — продолжал Попугай. — Он всегда опережал свое время.

— Знаете, по-моему, вы самый замечательный волшебник, — проговорила Пенелопа. — Ваши изобретения всегда так практичны!

— Благодарствую, благодарствую. — Волшебник слегка покраснел. — Главная заслуга принадлежит Великим Книгам. Без них я мало что могу.

— Да, и поэтому так важно вернуть их, — добавил Попугай. — Итак, давайте разработаем тактику. Прежде всего, где план замка василисков?

— Он у меня тут. — Волшебник достал из складок своего одеяния свиток пергамента, и они расстелили план на столе.

— Так, милейший Этельред, — продолжал Попугай, — где твоя сточная труба?

Этельред некоторое время сосредоточенно рассматривал план, судорожно раздувая горло; парик съехал ему на один глаз, цилиндр сидел на затылке.

— Вот тут подъемный мост, — показал он наконец, — тут живет главный василиск, а вон там в бараках квартируют остальные. Тут вот внизу темница, где они держат Великие Книги. А тут пыточная камера, тут и хранятся драконьи яйца.

— Мои драгоценные! — пронзительно вскрикнула Табита.

— Ну-ну, никаких обмороков, — раздраженно остановил ее Попугай. — Нам некогда с тобой возиться.

— А вон тут, — Этельред ткнул в карту большим пальцем, — две темницы помельче, куда складывают всякий хлам. Меня туда как-то послали за стулом, я и заприметил эту самую трубу, ясно? Вот я возьми и прогуляйся по ней подальше, как бы в шутку, а она, оказывается, проходит под крепостным рвом и выходит в полях — вот здесь. Я и сказал себе: «Этельред, ей-ей, когда-нибудь этот вход еще пригодится». Вот он и пригодился! — Этельред с довольным видом обвел всех взглядом.

— Это было очень умно с твоей стороны, — похвалила его Пенелопа.

Этельред залился краской до корней парика.

— Так... — Саймон нахмурился, разглядывая карту. — Если мы и проникнем в этом месте, нам все равно предстоит иметь дело с часовыми, прежде чем мы выкрадем Главные Книги.

— Нам их не выкрасть, — хмуро заметил Попугай, — во всяком случае не таким способом. Каждая книга весит килограммов сто пятьдесят, и размер их метр на два.

— Вот тебе на! — воскликнул Питер. — Почему ты раньше не сказал?

— Любезный Попугай, — проговорил волшебник, — книги совсем не обязательно выкрадывать, надо просто найти в них указание, как расправиться с василисками, которое я имел глупость забыть. Тогда мы сможем прогнать их из замка и спасти книги.

— Разумеется, — возбужденно подтвердил Саймон, — вы совершенно правы, Ха-Ха. Главное — попасть внутрь и отыскать нужное заклинание, и все в порядке.

— Значит, остается только придумать, как напугать стражу, — добавил Питер. — Чего боятся василиски?

— Шутите, мистер? — недоверчивым тоном спросил Этельред. — Да их разве напугаешь? Чего им бояться, когда они плюются огнем на три метра впереди себя.

— Он абсолютно прав, — ввернул Попугай. — Василиски всегда отличались тщеславием и наглостью.

Последовало долгое молчание, лишь Дульчибелла что-то тихонько напевала, перестилая постель Попугая.

— Итак, — сказала наконец Пенелопа. — Раз их ничем не напугать, нельзя ли их чем-нибудь отвлечь?

— Только не их, — ответил волшебник. — С василисками это не пройдет — у них, знаете, настоящая военная дисциплина, а это, как известно, означает, что часовые не думают, они повинуются приказам. И если им велено охранять темницу, они будут охранять ее, хоть ты что.

Все опять надолго замолчали.

— Вот что я скажу, — неожиданно заявил Этельред. — Есть одна штука, которая может сдвинуть их с места.

— Какая? — хором закричали все в нетерпении.

— Значит, так, — продолжал Этельред. — Главный василиск объявил, что, мол, долг василисков поймать Ха-Ха. «Тот, — говорит, —

кто поможет его сцапать, получит повышение». Вот я и подумал: если бы Ха-Ха им показался на минутку, они бы решили, что сейчас они его схватят. И тут бы они и сдвинулись с места.

— Превосходная идея, будь Ха-Ха помоложе лет на двести, — сухо заметил Попугай. — Вряд ли можно ожидать, что он в его возрасте будет ползать по сточным трубам, а потом удирать от василисков.

— Да, к большому моему сожалению, Попугай прав, — сокрушенным тоном проговорил волшебник.

— А что, если подделать Ха-Ха? — предложил вдруг Саймон.

Опять последовала долгая пауза, все переглянулись.

— Что-то вроде двойника? — спросила Пенелопа.

— Да, — ответил Саймон. — Может быть, кому-нибудь из нас нарядиться, как Ха-Ха...

— Нет, нет, — остановил его волшебник. — Кажется, у меня коечто для этого есть. Когда мне в последний раз шили платье, для примерок сделали куклу, похожую на меня.

— Портновский манекен! — обрадованно воскликнула Пенелопа.

— Вот-вот, — взволнованно продолжал волшебник. — Стало быть, у нас есть манекен моего роста и с моей фигурой, и у меня найдется лишняя шляпа и платье.

— Лицо смастерим из лунного желе! — сказал Саймон.

— Разрисуем и сделаем похожим на Ха-Ха! — подхватил Питер.

— И уж если тут часовые у нас не забегают, значит, их ничем не проймешь! — завопил Этельред, пускаясь в дикий галоп вокруг стола, так что цилиндр свалился у него с головы.

— Постойте, постойте, — остановил их Попугай. — Все это прекрасно, но как он будет передвигаться?

— А вот так! — От возбуждения Этельред так раздулся, что визитка на нем трещала по всем швам. — На колесах, вот как!

— На колесах? — Все были в полном недоумении.

— Да, — ответил Этельред. — Где ваш план?

С минуту он изучал план, потом с довольной ухмылкой откинулся назад.

— Да, все в порядке, — проговорил он.

— Что в порядке? — спросили все.

— Значит, так... — Этельред опять наклонился над планом, водя большим пальцем. — Вот тут две темницы, которые кладовые, а вот сюда попадаем мы.

— Понятно, — поторопил его Попугай, — продолжай.

— Значит, в этой темнице они держат книги. А прямо напротив нее идет длинный коридор, и он понижается в сторону рва.

— Да, конечно! — Волшебник хлопнул себя ладонью по лбу. — Здесь измеряют уровень воды во рву. Как глупо, что я об этом забыл.

— В конце коридора, — продолжал Этельред, — будет ров, теперь понятно?

— Нет, не понятно, — проговорил Питер.

— Значит, так: мы заходим в эту темницу, а потом я выхожу и как бы отвлекаю часовых.

— Ты производишь отвлекающую атаку, — подсказал Попугай.

— Как бы не так, — отозвался Этельред. — Нет уж, давайте по-честному. Ничего такого опасного я делать не собираюсь. Просто я отвлекаю их внимание, а пока их внимание отвлечено, вы ставите в начале коридора вашу куклу и толкаете ее. Она катит себе вниз на колесиках, а я говорю: «Эй, смотрите, никак это Ха-Ха!» и тут они все кидаются за ним вдогонку, ясно?

— Великолепная идея! — восторженно подхватил Саймон.

— Да. — Питер с уважением посмотрел на Этельреда. — Он и вправду становится опытным мастером контршпионажа.

— Но имейте в виду: до успешного завершения нам еще много предстоит сделать, — озабоченно предостерег Попугай.

— Давайте разделим работу, — предложил Саймон. — Этельред, Ха-Ха и я определяем расстояния и вырабатываем детали, чтобы подготовить все как можно точнее. Попугай, Питер и Пенелопа с помощью Табиты и Дульчибеллы подготовляют манекен. Какое время лучше всего подходит для атаки, как вы считаете?

— Середина ночи, — ответил волшебник, доставая из складок одеяния большие часы. — Таким образом у нас есть шесть часов на подготовку. Чтобы было потемнее, я выключу луну.

— А вы это можете? — изумилась Пенелопа.

— О, да, — с гордостью ответил волшебник, — с легкостью. А в крайнем случае могу отключить и солнце.

— Хорошо, тогда начнем, — проговорил Питер. — Пойдем, Попугай, покажи мне, где вы держите лунное желе.

Следующие три часа кипела работа. Этельред, Ха-Ха и Саймон нарисовали мелом на полу вход в темницу и покатый коридор и выбрали самое удачное место для установки манекена. Табита и Дульчибелла не без соперничества и пререканий нарядили манекен после того, как его поставили на колесики, сделанные из лунного желе. Но больше всего времени у них ушло на голову — на то, чтобы придать кукле сходство с волшебником. Было сделано и отвергнуто шесть лиц, пока удалось создать совершенный вариант, который их удовлетворил. Затем с большой тщательностью Пенелопа разрисовала лицо масляной краской. Они приклеили фальшивую бороду и волосы, приставили голову к туловищу, нахлобучили остроконечную шляпу и отступили назад. Последовало долгое молчание, которое прервал Этельред.

— Ух ты! — сказал он хриплым шепотом. — Ей-богу, вылитый Ха-Ха, как есть Ха-Ха, прямо двойник. Уж если этим их не одурачишь, значит, ничем не одурачишь.

— Должен сказать, — рассудительным тоном произнес Попугай, — по-моему, он прав. Даже я мог бы принять его за Ха-Ха. Восхитительный, вводящий в заблуждение дубликат.

— Ух ты, как начнете чесать, так не остановишь! — восхитился Этельред. — И откуда вы столько всяких слов знаете?

— У тебя тоже была возможность овладеть языком, — сурово ответил Попугай, — когда Ха-Ха организовал бесплатную школу для

жаб. Посещал ее кто-нибудь из вас? Нет! Вы предпочли сидеть по болотам, распевать песни и по совместительству высиживать яйца для василисков. Причем и то, и другое делать плохо.

— Это не моя вина, ей-богу, — оправдывался Этельред. — Сам я очень хотел ходить в школу, да моя мамаша сказала, что не видит проку от всей этой учености. Она считала, что мне надо, так сказать, заняться ремеслом.

— Ну и чем ты занялся? — Пенелопе стало жаль его.

— Шпионством, сами знаете. «Для хорошего шпиона всегда место найдется», — говорила моя мамаша.

Попугай испустил искренний вздох.

— Все они одинаковы, эти жабы, — пробормотал он. — Полное отсутствие логики.

— А теперь, — сказал Саймон, — повторим план кампании. В экспедицию отправляются Питер, я, Попугай и, естественно, Этельред, наш проводник и мастер контршпионажа.

— Погодите, — прервала его Пенелопа. — А как же я?

— А тебе лучше остаться со мной, моя милочка, — сказал волшебник. — Ведь это опасное предприятие.

— И пускай, — заупрямилась Пенелопа, — я иду с ними. В конце концов, это я перехитрила Этельреда и вынудила его проговориться про сточную трубу. Без меня вы вообще никуда бы не пошли.

— Да, это верно, — смущенно согласился Питер.

— Ладно, так и быть, идем с нами, — распорядился Саймон. — Но только обещай: при первом признаке опасности ты побежишь, как кролик.

— И не подумаю, — с достоинством ответила Пенелопа. — Я побегу, как кролик, только когда ВСЕ побегут, как кролики.

— Ладно. — Саймон улыбнулся. — Как только Этельред заманит часовых в помещение с книгами, мы выставляем манекен в коридор, вот сюда, а Попугай садится ему на плечо и подражает голосу Ха-Ха. Дальше Этельред говорит часовым, что это Ха-Ха, и Попугай слетает с плеча, одновременно толкая манекен ногами. Тот катится по коридору и падает в ров. В удачном случае стража бежит за ним и, может быть, даже ныряет в ров; манекен у нас тяжелый, сразу пойдет на дно. Во время всей этой кутерьмы мы бежим в темницу с книгами и узнаем средство против василисков. Пенелопа записывает. После чего мы убегаем.

— Великолепно, просто великолепно, — одобрил волшебник. — Какой умелый план. Как я благодарен вам, мои храбрые детки.

— Эй, а про меня что скажете? — обиделся Этельред.

— Ты проявил себя поистине дальновидной и сообразительной жабой, — ответил волшебник, похлопав его по макушке цилиндра. — Когда все благополучно кончится, я сделаю тебя старостой в бесплатной школе для жаб.

— Ух ты! — Этельред был прямо огорошен такой честью.

— А сейчас, мне думается, всем следует выпить по чашечке горячего лунноморковного какао. Потом я выключаю луну, и вы отправляетесь, — заключил волшебник.

— Меня одно смущает, — изрек Этельред, прихлебывая какао. —

Как, значит, мне быть — остаться в замке под видом мастера контршпионажа Икс или сбежать с вашей компанией.

— Бежать с нами, — уверенно заявила Пенелопа. — Василиски к тому времени уже догадаются, что ты перешел на нашу сторону. А кроме того, у нас для тебя найдется еще уйма всякой важной работы.

— Ваше слово — закон, мисс, — отчеканил Этельред, заламывая цилиндр с бесшабашным видом, — только намекните, мисс, и мастер контршпионажа Икс к вашим услугам.

— Спасибо, — серьезно поблагодарила Пенелопа.

Когда они кончили пить какао, кстати очень теплое и приятно согревающее, Ха-Ха посмотрел на часы.

— Пора выключать луну, — сказал он. — Все готовы?

— Да! — откликнулись все хором.

— Желаем успеха! — крикнули им вдогонку Табита и Дульчибелла, громко сморкаясь в платки.

Отряд зашагал по одному из многочисленных боковых туннелей — по тому, который должен был вывести их как можно ближе к лунноморковному полю, иными словами, ко входу в сточную трубу. Впереди шли с фонариками Пенелопа и Этельред. Попугай и Питер с Саймоном, тащившие манекен, следовали за ними. Наконец они вышли из туннеля на луг, черневший в полной темноте, как дно колодца. Стояла тишина, слышался только шорох мягких, точно бархатных листьев лунной моркови, терщихся на ходу об их щиколотки. Фонариками они пользовались редко, а когда приблизились к темной громаде замка, и совсем их выключили, боясь, что часовые заметят свет и поднимут тревогу.

— Постойте-ка минутку, — прошептал Этельред. — Где-то тут, сейчас я проверю.

Попугай и ребята застыли в ожидании, пока Этельред шмыгал в зарослях листьев, что-то бормоча себе под нос.

— Есть, — сказал он наконец. — Я знал, что она где-то тут.

При свете фонариков ребята разглядели квадратный люк и лежавшую рядом проволочную решетку. Они посветили внутрь и увидели широкую круглую, выложенную кирпичами трубу. Внизу под люком стоял стул.

— Это я догадался поставить, чтобы выбраться, — похвастался Этельред.

Они осторожно спустились в люк и спустили манекен. Дальше передвигаться стало легче, так как они могли свободно пользоваться фонариками, не боясь быть замеченными. Минут через пять туннель пошел под уклон, и их лиц коснулся прохладный ветерок.

— Почти дошли, — шепнул Этельред. — Теперь — мертвая тишина. Часовые прямо тут, за углом.

Сточная труба привела их в большую мрачную темницу, доверху забитую старой мебелью, канделябрами и прочими старинными предметами, какие всегда пылятся на чердаках, опутанные толстой, как черные кружева, паутиной. В холодной темнице стоял запах сырости, от которого Пенелопу охватила дрожь. Этельред провел их между

высокими штабелями пыльной мебели и, когда они очутились возле двери, чуть-чуть приоткрыл ее и выглянул наружу.

— Эй, гляньте, ознакомьтесь с местностью, — посоветовал он.

Все по очереди заглянули в щелочку.

Немного дальше по коридору они увидели большую сводчатую дверь, окованную медью, за которой, очевидно, и хранились Управляющие Книги. Перед дверью со скучающим видом торчали два василиска — по всей видимости, часовые. Один затачивал себе клювом когти, другой от нечего делать выжигал на стене огнем из ноздрей свои инициалы. Напротив двери в сторону рва отходил пологий коридор.

— Теперь, — голос Этельреда дрожал от страха и возбуждения, — как я заманю тех двоих в темницу, так выставляйте куклу. Тут Попугай пусть скажет что-нибудь погромче, и я буду знать, что у вас все готово, ясно?

— Ясно, — прошептали остальные.

Сердце у Пенелопы бешено стучало в груди. «Интересно, — подумала она, — другим так же страшно, как мне?»

— Ну, — Этельред судорожно глотнул воздух, — начнем.

Он приоткрыл дверь и выскользнул в коридор, оставив в дверях щелку. Остальные приникли к ней и увидели, как он поправил цилиндр и с беспечным видом бойко зашлепал вприпрыжку по направлению к часовым, зажав под мышкой Пенелопин карандаш и блокнот.

— Эй, — окликнул он часовых. — Проснитесь, тетери! Стража называется! Да я давно мог подползти и задушить вас обоих.

Заслышав чей-то голос, василиски одним прыжком встали в положение «смирно», но, увидав, кто перед ними, расслабились.

— Ах, это ты? — прокаркал один противным грубым голосом, каким ворчит собака, терзающая кость. — Чего тебе надо, безмозглая жаба?

— Для начала мне надо, чтобы вы поубавили наглости, — отрубил Этельред. — Попрошу придержать язык, пугала вы несчастные. Ваш шеф послал меня со специальным заданием, ясно? Не верите — слетайте наверх и спросите у него самого. Но я бы вам не советовал, он в скверном настроении — того гляди, взорвется, как вулкан.

— А из-за чего он? — переполошился василиск.

Судя по тому, как испугался часовой, было ясно, что, когда главный василиск бывал не в духе, всем доставалось.

— Из-за волшебника, — объяснил Этельред. — Беда в том, что Ха-Ха замышляет нам отомстить.

— Да как он отомстит? — насмешливо фыркнул второй василиск. — Книги его у нас, значит, он остался без заклинаний.

— Ага, без заклинаний, говоришь? — со злорадством подхватил Этельред. — А как же тогда он ухитрился выключить луну, а?

— Выключить луну? — недоверчиво повторили часовые.

— Да. Не верите — слазайте на крепостную стену, проверьте. Потому ваш шеф и перепугался до смерти. Потому и послал меня сюда искать в книге лунные заклинания. Так что некогда мне тут с вами болтать. Отпирайте поскорей дверь и впускайте меня, а то вам влетит от шефа по первое число.

— Счас, счас, — засуетился первый часовой, снимая со стены гигантский ключ и отпирая дверь.

— Вы оба тоже идите со мной, пособите мне, — продолжал Этельред.

— Счас, счас... — Часовые послушно последовали за ним в темницу.

— Так, — произнес Питер. — Пенни, оставайся здесь, пока часовые не погонятся за манекеном.

Он и Саймон открыли дверь и торопливо выкатили фигуру в коридор, стараясь производить как можно меньше шума. Они слышали, как Этельред раздает часовым указания, всячески задерживая их в темнице.

— Так, ты держи мой блокнот, а ты карандаш, — распоряжался он. — Выключить луну — дело серьезное. В другой раз он возьмет и солнце выключит, вот мы тогда и попрыгаем.

Мальчики быстро и ловко установили манекен там, где начинался уклон, так что малейший толчок привел бы теперь его в движение. Затем Попугай занял свое место у него на плече.

— Всё в порядке, — шепнул он, — прячьтесь.

Увидев, что мальчики благополучно спрятались, он отряхнул перья и откашлялся.

— Дорогой мой Попугай, — произнес он, великолепно подражая тонкому голосу волшебника. — Выключение луны — лишь первый шаг в той борьбе, которую я начинаю против василисков.

— В самом деле? — произнес Попугай своим натуральным голосом. — А каков будет следующий?

— Ух ты! Клянусь париком и цилиндром! — раздался пронзительный голос Этельреда из темницы. — Смотрите! Сам Ха-Ха пожаловал! Скорей ловите его! Большой чин получите, медалями увешают... Шеф будет вами доволен. Скорей, скорей!

Ничего не понимая часовые повернулись и увидели двойника Ха-Ха, стоящего в коридоре с Попугаем на плече. В одну секунду они оправились от шока и с торжествующими криками рванулись вперед, бросив блокнот и карандаш.

— Ха-Ха, берегись, василиски! — завопил Попугай в притворном ужасе. И, слетев с плеча, толкнул манекен лапами. Двойник помчался вниз по коридору, набирая скорость. Длинное одеяние мело по полу, скрывая колесики. Было полное впечатление, будто Ха-Ха спасается бегством. Василиски, злобно кулдыкая и толкая от усердия друг друга, кинулись за волшебником вдогонку.

— Путь свободен! — крикнул Попугай. — Бегом!

Дети перебежали коридор и, подхватив с полу блокнот и карандаш, нырнули в темницу, где их ждал Этельред.

— Давайте, — поторопил он их, — ищите свои проклятые заклинания, а я покараулю.

И он запрыгал по коридору вслед за часовыми, которые уже скрылись из виду.

Великие Управляющие Книги были переплетены в тончайшей выделки кожу и украшены алым и золотым тиснением.

Каждая книга лежала на дивном золоченом столе, инкрустированном серебром.

— Здравствуйте, книги, — ласково сказал Попугай.

К удивлению детей, книги отозвались мелодичными голосами, словно три симпатичные старушки:

— Здравствуй, Попугай, как поживаешь? Приятно тебя видеть. Ты собираешься нас спасти?

— В другой раз, — ответил Попугай. — Мы подготавливаем твое спасение, моя очаровательная словоохотливая библиотека. Но сейчас мы пришли получить заклинание против василисков. Будь так любезна, Книга Заклинаний.

Книга с надписью «Се Есть Великая Книга Заклинаний» сама собой раскрылась и начала перебирать страницы, тихонько шепча:

— Василиски... василиски... Так, экспромтом я что-то не помню... Василиски... Я, конечно, могу ошибаться...

— Поторопись, — с раздражением сказал Попугай. — Часовые могут вернуться в любой момент.

— Я тороплюсь, как могу, — обиделась Книга. — У меня печать только на одной стороне. Сейчас посмотрю. Василиски... василиски...

Дети изнывали от нетерпения. Совершенно неизвестно было, сколько времени часовые провозятся с манекеном. Ребятам вовсе не хотелось, чтобы их застигли разочарованные, рассерженные василиски.

— А-а-а, вот наконец, — довольным тоном проговорила Книга. — «Как избавляются от василисков».

— Ты записываешь, Пенелопа? — спросил Попугай.

— Да, — откликнулась девочка.

— Итак, начинаем, — проговорила Книга. — «Средство избавления от василисков. Василисков одолевают через посредство горностаев. Горностая подводят к логову, где в глубине укрывается василиск, ибо против всего на свете имеется средство. И василиск, завидев горностая, бежит прочь, а горностай преследует его и умерщвляет, затем что укус горностая смертелен для василисков, однако не прежде, чем горностай отведал руты. И против сих злыдней горностай сперва вкушает травы руты. И сок этой травы служит для укуса. Храбро бросается он вперед и умерщвляет их».

— Что за рута? — спросил Питер.

— Насколько я понимаю, вид растения, — ответила Книга Заклинаний. — Спросите словарь.

Гигантский Словарь раскрылся и зашелестел страницами.

— Посмотрим... посмотрим... — забормотал он. — Руно, рупор, русалка, русло, рута... Извольте: «Кустарник с сильным запахом, с перисто-рассеченными листьями и зеленовато-желтыми цветами, символ раскаяния, сожаления или сострадания». Теперь спросим у Травника, где она растет.

Услышав эти слова, Троянский Травник тут же услужливо стал перелистывать страницы.

— Хм, рута... рута... Пожалуйста: «Рута в стране Мифландия растет лишь на опушке Мандрагорового леса, на Оборотневом острове в Поющем море».

— Отлично, — сказал Попугай. — Записала, Пенелопа? А дальше Ха-Ха разберется сам. До скорого свидания, книги, освобождение близится.

В этот миг дверь распахнулась и внутрь ввалился запыхавшийся Этельред.

— Эй, шевелитесь! — задыхаясь, выпалил он. — Часовые кончили нырять за Ха-Ха, вылезли мокрые-премокрые. Злые как черти, сообразили, что их одурачили. Надо поскорее смываться.

Только они выбежали из темницы, как увидели в конце коридора двух промокших часовых. Те при виде ребят издали пронзительный, режущий ухо, ужасный крик, отдавшийся тысячекратным эхом и чуть не оглушивший Пенелопу и мальчиков.

— Быстро, быстро, — скомандовал Попугай. — Назад в трубу, бегите со всех ног!

Поняв, что Этельреду ни за что в жизни не поспеть за ними, Пенелопа нагнулась, схватила его и, прижав к себе, помчалась так, как никогда еще не бегала. Позади слышалось кулдыканье василисков, звон чешуй, скрежет когтей о каменный пол. Пенелопа ждала, что вот-вот ее настигнет страшное всепожирающее пламя, однако они успели добежать до кладовой. Только они вскочили внутрь и, захлопнув дверь, заперли ее на засов, как первая струя огня ударила в дверной косяк. Они бросились в угол, где был вход в трубу. В коридоре бесновались и, как кошки, визжали василиски, царапали и драли когтями дверь. Но беглецы уже спустились в трубу, проскочили по водостоку, вылезли наружу, перебежали через поле лунной моркови и не останавливались ни разу, чтобы перевести дух, пока не очутились в Кристальных пещерах.

— Ф-фу, — Пенелопа, отдуваясь, прислонилась к стене. — В жизни больше так не побегу.

— Я тоже, — с трудом выговорил Питер — грудь его ходила ходуном.

— Мы были на волосок от смерти, — выдавил из себя Саймон, хватая ртом воздух. — Вовремя мы захлопнули дверь, еще бы минута — и от нас бы шкварки остались.

— Ой, не надо. — Пенелопа вздрогнула. — Страшно вспомнить.

— Послушайте, мисс, — произнес Этельред, который все еще лежал у Пенелопы на руках, так и не расставаясь со своим цилиндром. — Послушайте, мисс, позвольте поблагодарить вас, вы мне, как-никак, спасли жизнь.

— Пустяки, — ответила Пенелопа, опуская его на пол. — Просто я побоялась, что тебе за нами не угнаться, вот я и подобрала тебя.

— И не угнался бы, мисс, — горячо подтвердил Этельред. — Ей-богу, мисс, когда б не вы, я бы изжарился живьем. Уж я вам так благодарен, мисс, так благодарен!

— А теперь пойдем к Ха-Ха, — напомнил Попугай. — Быть может, он сумеет разобраться в заклинании. Я, честно скажу, не могу. Слишком оно запутано.

Отдышавшись, они пошли по кристальным туннелям дальше, туда, где их с нетерпением ждали волшебник, Табита и Дульчибелла.

5

Горностаи и грифоны

— Вернулись, вернулись! Какое счастье! — вскричал при виде их волшебник. — Каковы успехи, мои храбрецы?

— Успехи недурны! — крикнул Попугай. — Очень, очень недурны.

— А мой двойник пригодился? — с любопытством осведомился волшебник.

— Двойник был, что называется, вдохновляющим символом, — ответил Попугай.

— Мы принесли заклинание. — Пенелопа протянула волшебнику блокнот. — Хотя и не знаю, усмотрите ли вы тут какой-нибудь смысл.

— Так-так-так... — Волшебник уселся и поправил на носу очки. — Дайте-ка я почитаю.

Они наблюдали, как он читает, беззвучно шевеля губами.

— А драконьи яйца вы видели? — шепотом спросила Табита.

— Нет, — шепнула в ответ Пенелопа, — но зато мы своими глазами видели, что они надежно спрятаны.

— Что ж, — вздохнула Табита, — и это утешение.

— В высшей степени занятно, — заключил наконец волшебник. — Интереснейшее заклинание. Кто бы подумал, что избавиться от василисков можно с помощью горностаев!

— Во всяком случае не я, — фыркнул Попугай. — Всегда был о них невысокого мнения — вялые, вырождающиеся, капризные, изнеженные. Единственным поводом для привлечения их на нашу сторону было бы их количество. Сколько их, по последнему подсчету, Ха-Ха?

— Семьсот семьдесят семь.

— Если бы они согласились нам помочь, вот было бы здорово! — вскричал Питер с энтузиазмом.

— Вот именно, они да еще единороги — и нас, наверное, хватит, чтобы напасть на василисков? — сказал вопросительно Саймон.

— Хо-хо-хо! — захохотал Попугай. — Хо-хо-хо! Простите, но как представлю себе горностаев сражающимися... Хо-хо-хо!

— Что тут такого смешного? — удивилась Пенелопа. — Все-таки семьсот семьдесят семь что-то да значит. Чем они плохи?

— Чем плохи? Да тем, что они — кучка бездельников и неженок, вот чем, — вмешался Этельред. — Толку от них в бою, как от гнилых бананов.

— Сказано вульгарно, но, боюсь, он прав, — заметил Попугай. — Боевого духа в них столько же, сколько в яблоневых лепестках.

— Вы забываете, однако, про руту, — возразил Волшебник. — С растением этим я сталкивался мало, но, судя по тому, что здесь написано, оно делает горностаев исполненными... э-э-э...

— Милитаристского духа? — подсказал Попугай.

— Вот именно, милитаристского, — обрадованно подтвердил волшебник. — В достаточной степени, чтобы напасть на василисков. Если это правда — а кто усомнится в Великих Книгах? — то об этом должно упоминаться в истории герцогства Горностайского.

— Но если рута делает горностаев такими мили... мили... как вы их назвали, почему нам просто не нарвать этой травы и не накормить горностаев, чтобы они присоединились к нам? — предложила Пенелопа.

Волшебник спустил очки на кончик носа и, нахмурившись, посмотрел на Пенелопу.

— Все это прекрасно, моя милочка, — сказал он, — но рута растет только на Оборотневом острове, а он очень далеко отсюда и к тому же это один из самых неприятных и небезопасных уголков Мифландии. Нет никакого смысла пускаться в такое долгое и рискованное путешествие, не удостоверившись сперва, согласятся ли горностаи есть руту. Тут говорится, что она горькая, горностаям это наверняка не понравится. Я, правда, мог бы ее подсластить.

— Значит, прежде всего надо вступить в переговоры с горностаями, — вмешался Саймон. — Если объяснить им, какую опасность представляют собой василиски, уверен, что они не откажутся.

— Очень в этом сомневаюсь, — мрачно пробурчал Попугай.

— Я тоже, — поддержал его волшебник. — Но попытаться стоит.

— А далеко они живут? — поинтересовалась Пенелопа.

— Нет, не слишком, — ответил Попугай, — милях в пяти, на очень привлекательном холме в Бутылочном лесу. Они именуют себя герцогством Горностайским, дурачье.

— Я предлагаю следующее, — сказала Пенелопа. — Сейчас мы все ложимся спать, а утром идем навестить главного горностая, или как там его называют.

— Герцог Рокфор! — насмешливо фыркнул Попугай. — Глупое создание.

— Ну, значит, герцога Рокфора, — продолжала Пенелопа. — Я уверена, что нам удастся убедить его.

За неимением лучшего плана все в довольно унылом настроении отправились спать.

На рассвете следующего дня ребята сели на своих единорогов и пустились в путь в сопровождении Попугая, ехавшего у Пенелопы на плече, и Этельреда, который сидел позади Пенелопы, крепко в нее вцепившись и делая вид, что нисколько не боится. Сперва они ехали через пробочные леса. Затем очутились в прелюбопытной местности. Красные камни громоздились здесь как попало друг на друге, образуя высокие шаткие груды, а между ними росли невиданные деревья, стволы которых имели форму винных бутылок с длинным горлышком.

— Бутылочные деревья, — пояснил Попугай Питеру, выразившему вслух свое изумление. — Еще одно изобретение Ха-Ха. Внутри стволы полые и не пропускают воду. Вы просто выбираете ствол нужного размера, обрубаете ветки — и вот вам бутылка. А по дороге домой срезаете себе подходящую пробку.

— Нет, правда, по-моему, Ха-Ха действительно замечательный волшебник. Как он только все это придумывает! — опять восхитилась Пенелопа.

— О, это пустяки, — небрежно заметил Попугай. — На северо-востоке у нас еще имеется два сорта ящичных изгородей.

— Даже два? — переспросил Саймон.

— Да, — ответил Попугай, — картонные и дощатые. Срывай себе любой ящик прямо с изгороди. Естественно, сразу с крышкой.

К этому времени тропа вывела их на небольшое плато среди холмов, откуда открывался дивный вид на расстилавшуюся внизу долину, окутанную рассветной дымкой, и на большое золотое сверкающее море, усеянное группками островов.

— Это и есть герцогство Горностайское, — сказал Попугай, поведя крылом. — Во многих отношениях один из прелестнейших уголков Мифландии. Я который год уговариваю Ха-Ха построить себе наверху летний домик и проводить там выходные. Горностаи не возражали бы.

Они прошли извилистой тропинкой между бутылочными деревьями и обогнули высокую ненадежного вида груду камней. И вдруг увидели перед собой горностая-часового. Одетый в голубую бархатную форму с медными пуговицами, он стоял спиной к ним, держа на плече громоздкое неуклюжее копье. На голове у него красовалась шляпа с длинным зеленым пером.

— Эй, там! — заорал Попугай. — Эгей!

Окрик этот произвел на горностая незамедлительное и неожиданное действие. Он высоко подпрыгнул, выронил копье, испустил пронзительный вопль, потом прислонился к камням, зажмурил глаза и приложил руку к сердцу.

— Сдаюсь! — провизжал он. — Капитулирую! Все отдам, все скажу, только, пожалуйста, не трогайте меня.

— Дурачина, это я — Попугай, — урезонивал его Попугай.

— Если вы меня не тронете, герцог вас наградит, — лепетал горностай, не открывая глаз. — И мои родители вас наградят... и моя тетка тоже... и три моих племянника...

— Ты меня выведешь из себя, олух этакий! — закричал Попугай. — Это я, Попугай!

— Как? — не открывая глаз, переспросил горностай. — Попугай?

— Да. Хватит строить из себя дурака!

Горностай с опаской приоткрыл один глаз, потом оба и заморгал.

— В самом деле, Попугай, — сказал он. — А что за существа с тобой?

— Дети.

— Они не кусаются? — дрожащим голосом осведомился горностай, хватая копье и нацеливая его на Пенелопу и мальчиков. — Если они кусачие, я не желаю иметь с ними дела. Скажи им, что я буду драться насмерть. Скажи им, что копье у меня ужасно острое. Скажи им, что, если меня раззадорить, я ух какой вспыльчивый.

— Да они вполне безобидны, дурачок, — нетерпеливым тоном ответил Попугай. — А теперь пропусти нас, нам надо видеть Рокфора.

— Проходите, друзья, всё в порядке, — проговорил часовой дрожащим голосом. — Второй проход слева у следующей груды камней.

— Теперь я понимаю, что значит «не очень храбрые», — сказал Питер, когда они тронулись дальше.

— Да, — поддержал его Саймон, — чтобы заставить драться э т о г о часового, понадобится пропасть руты.

Они обогнули еще одну груду камней... и застыли в изумлении при виде открывшейся им картины. Большой участок леса был расчищен, и там разбит французский парк с аккуратно подстриженными живыми изгородями, безупречно ровными гравиевыми дорожками, чисто прополотыми клумбами в ярких цветах, с фонтанами и декоративными прудами. Посредине парка стоял очаровательный деревянно-кирпичный дом елизаветинского времени с белоснежными стенами, обшитыми агатово-черными планками, и черепичной крышей, на которой торчали изогнутые трубы темно-кирпичного цвета. Многочисленные окна блестели и сверкали на солнце.

Если бы дети набрели на такой дом в английском пригороде, то и тогда они обратили бы внимание на столь красивое старинное строение. Здесь же, среди причудливого ландшафта Мифландии, он производил ошеломляющее впечатление. И самое удивительное было то, что все вокруг было миниатюрным: изгороди не выше пятнадцати сантиметров, фонтаны величиной с таз, а сам дом выглядел кукольным.

— Ха, — довольно хихикнул Попугай. — Удивлены? Что ж, домик в своем роде недурен. Дворец горностаев, резиденция Рокфора, правителя герцогства Горностайского.

— Почему его зовут Рокфор? — полюбопытствовал Саймон.

— Его отец страшно любил сыр, — объяснил Попугай. — Вообще-то, он хотел назвать сына Камамбер, да жена воспротивилась. Большие любители поесть эти горностаи. Единорогов мы, пожалуй, оставим здесь. Не дай бог вытопчут своими копытищами сад...

Ребята спешились и, осторожно ступая, пошли по дорожкам прекрасного ухоженного сада.

— Шикарно, мисс, ничего не скажешь, — с благоговением произнес Этельред, на которого явно подействовало окружающее великолепие. — Я бы и сам не отказался от такого домишки.

— Здесь прелестно, — согласилась Пенелопа.

Попугай решительно подошел к входной двери, взялся клювом за дверной молоток и громко постучал.

— Уходите! — пронзительно заверещал голос из-за двери. — Уходите! Дома нет ни души, вот вам! И все драгоценности переправлены в горы. И дом стерегут пятьдесят кровожадных горностаев, вооруженных до зубов! И вообще тут никого нет! Уйдите!

— Рокфор, не будь нюней! — закричал Попугай. — Это я, Попугай. Мне надо с тобой поговорить.

— Попугай? — повторил голос. — Попугай? Ты уверен?

— Естественно, уверен, — раздраженно огрызнулся Попугай.

— А откуда мне знать, что ты действительно Попугай?

— Зачем бы я стал называть себя Попугаем, если бы я был кем-то другим?

— Ты абсолютно прав, — согласился голос. — Мне это как-то не пришло в голову.

— Так открывай двери, — скомандовал Попугай.

Послышалось звяканье многочисленных ключей, бренчание щеколд, грохот отодвигаемых засовов... Наконец дверь отворилась, и появился герцог Рокфор, правитель герцогства Горностайского. На нем был алый бархатный камзол, штаны до колен, алая шляпа с изогнутым пером и пышное кружевное жабо и манжеты. Следом за ним показалась герцогиня в очаровательном бледно-палевом платье с кринолином и в бриллиантовой тиаре, сидящей между маленьких изящных ушек.

Рокфор обнял Попугая со всеми видимыми изъявлениями искренней радости.

— Мой дорогой! — воскликнул он. — Мой драгоценный! Как чудесно видеть тебя живым и невредимым. До нас дошли УСТРАШАЮЩИЕ слухи, будто василиски сожгли вас всех, и украли Великие Книги, и превратили Ха-Ха в маленькое незаметное облачко. Мы были просто В ЯРОСТИ, мой дорогой, не так ли, Уинифред?

— Да, — подтвердила герцогиня. — Я НИКОГДА не видела его в такой ярости.

— Нет, меня просто душила злоба, уверяю тебя. Меня сотрясал необузданный гнев, не так ли, Уинни?

— Да, Рокфор, — подтвердила Уинифред, — необузданный.

— «Я пойду с моими верными соратниками и поставлю на место этих диких василисков», — сказал я, стуча кулаком по столу, с пеной на губах, не так ли, Уинни?

— Да, Рокфор, — подтвердила герцогиня, — с пеной на губах.

— «Я задам им такую трепку, что они НИКОГДА ее не забудут, — сказал я, — НАСТОЯЩУЮ ВЗБУЧКУ», не так ли, Уинни?

— Да, Рокфор, — подтвердила Уинифред, — настоящую взбучку.

— «Все василиски покроются с ног до головы синяками, — поклялся я, — если даже мне придется делать это голыми лапками», не так ли, Уинни?

— Да, Рокфор, — подтвердила Уинифред, — голыми лапками.

— Ну что ж, я рад, что ты так настроен, — сказал Попугай. — Мы как раз за этим и пришли — пригласить тебя сражаться с василисками.

Рокфор мгновенно согнулся пополам и схватился за поясницу.

— Друг мой, — прокряхтел он, — я же говорю тебе, что давно был бы там, избивая василисков до полусмерти, дружище, ДО ПОЛУСМЕРТИ, если бы у меня не случился опять приступ радикулита, не так ли, Уинни?

— Да, Рокфор, — подтвердила герцогиня, — приступ радикулита.

— Я и не знал, что ты страдаешь радикулитом, — заметил Попугай.

— Я мученик, дружище, — подхватил Рокфор, — настоящий МУЧЕНИК. Когда у меня начинается радикулит, я не в состоянии шевельнуться, адская боль, дорогой мой, просто АДСКАЯ. Но я веду себя необычайно мужественно, не так ли, Уинни?

— Да, Рокфор, — подтвердила Уинифред, — необычайно мужественно.

— Говорят, от радикулита помогает, если гладить поясницу утюгом, — посоветовала Пенелопа.

— Ох, они разговаривают! — Рокфор в испуге отскочил назад. — Что это за существа, Попугай?

— Дети, — ответил тот.

— А они кусаются? — слабым голосом спросил Рокфор. — Если кусаются, не спускай их с поводка. Неизвестно, чем можно заразиться, если тебя кто-нибудь такой укусит.

— Не говори глупостей, — одернул его Попугай. — Они хотят нам помочь. Но без вашей помощи нам василисков не одолеть.

— Мой дорогой, с вами будут мои лучшие пожелания, — проговорил герцог. — Если бы не злосчастный радикулит, я бы уже шагал во главе моего храброго войска, не так ли, Уинни?

— Да, Рокфор, — подтвердила герцогиня, — храброго войска.

— Хорошо, хватит этой чепухи про радикулит, — проговорил Попугай. — Мне нужно знать: что тебе известно про руту?

— Про руту? — повторил Рокфор. — Рута? Что это такое?

— Это растение. Предполагается, что оно оказывает на вас, горностаев, благотворное действие, — объяснил Попугай. — Вселяет в вас некоторую твердость.

— Хи-хи-хи, — залился смехом Рокфор, доставая из кармана платок и обмахиваясь им. — Какая ты потешная птица, Попугай. У тебя такой игривый ум! Хи-хи-хи! Надо же: растение, вселяющее твердость.

— Я тебе покажу «потешную птицу»! — Попугай окончательно вышел из себя. — Ах ты трусливый, безмозглый нытик! Выслушай ты наконец меня! Рута — это растение. Если накормить вас, горностаев, рутой, вы делаетесь храбрыми и готовы напасть на василисков. Так гласит Книга Заклинаний. А сейчас я хочу знать: есть ли упоминания об этом в вашей бессмысленной «Истории герцогства Горностайского»?

— Как забавно, — проговорил Рокфор. — Как забавно. Рута делает нас храбрыми? То есть, как вы понимаете, не то чтобы мы в этом нуждались. Нет, разумеется, нет. Мы, горностаи, храбры, как львы. То есть мы обычно миролюбивы, но если нас разозлить... тогда берегись!

— Вся задача в том, как бы вас разозлить, — заметил Попугай. — Послушай, Рокфор, перестань молоть чепуху, будь добр. Давай пойдем и заглянем в вашу «Историю». Ведь она у тебя есть в библиотеке, верно?

— Да, да, конечно, — ответил Рокфор. — Но мне надо кое-что тебе сказать...

— В чем дело?

Рокфор наклонился и громко прошептал на ухо Попугаю:

— Невозможно пригласить их в дом... эти существа... чересчур велики... сломают мебель... испугают милую Уинни.

— Хорошо, хорошо, — успокоил его Попугай. — Пускай дети

обойдут дом с той стороны и лягут на лужайке, тогда они смогут заглядывать в библиотеку через окна.

— Только пусть они ложатся на траву осторожно, — попросил Рокфор. — Это моя крокетная лужайка.

Попугай последовал за хозяевами в дом, а дети обошли его вокруг и улеглись на крокетной лужайке. В раскрытые окна им была видна библиотека, дубовые панели, полки, уставленные книгами от пола до потолка. Вскоре показались Рокфор и Попугай.

— Так, «История» стоит вон там, — показал Рокфор, — на десятой, одиннадцатой и двенадцатой полках. У нас, у горностаев, большая история, не то что у некоторых. Кое у кого, честно говоря, история такая короткая, как будто их и вовсе на свете не было.

— Займемся делом, — напомнил Попугай. — Индекс имеется?

— Да. — Рокфор вытащил пухлый коричневый том. — Вот он.

Он достал из кармана лорнет и приставил к глазам, затем раскрыл книгу и принялся листать страницы, бормоча:

— Сейчас посмотрим. Рута, рута, рута...

— Ты смотришь на букву «у», — остановил его Попугай. — А надо на «р».

— Ах, разумеется, какой я рассеянный. — У Рокфора даже нос порозовел от смущения. — Просто не понимаю, почему я решил, что оно начинается на «у».

— Вот! — торжествующе произнес Попугай. — «Рута, применение, для преодоления василисков, том девяносто пять, страница восемь, параграф четыреста двадцать четыре».

— Клянусь Юпитером, кто бы подумал, что про нее тут есть? — проговорил Рокфор. — Как увлекательно. Мое сердце так и трепещет, смею вас уверить. Том девяносто пять, говоришь? Так, это двенадцатая полка, давайте я поставлю лесенку.

Он приставил лесенку, взобрался на нее, извлек большой толстый том и осторожно спустился вниз. Потом протянул книгу Попугаю, тот положил ее на стол и раскрыл.

— Та-ак, поглядим, что тут написано, — пробормотал Попугай. — Страница восемь, параграф четыреста двадцать четыре, так, слушайте: «В ту пору было обнаружено полынным горностаем, придворным аптекарем, что растение рута, принятое в достаточных дозах, делало и без того стойких и отважных горностаев в пятьдесят раз храбрее. Принятая перед боем настойка из этого растения обеспечивала горностаям победу, так как рута, по всей видимости, делала укус горностая смертельным для василиска. Однако василиски, одержимые жаждой мести, сожгли поля, засеянные рутой, и с тех пор этого ценного растения нет в помине. С тех пор василиски взяли себе девиз «Проклянем тот час», имея в виду час, когда рута вдруг вырастет в Мифландии снова».

— Ну, парик и букли мои, — выдохнул Рокфор. — Кто бы подумал? — Он опустился в кресло и принялся обмахиваться платком. — Вообразите меня в пятьдесят раз храбрее, чем я есть! Ведь против меня не устоит никто! Я тогда возьму и... и... укушу за ногу главного василиска. Какая жалость, что этого прекрасного, чудесного растения больше не существует. Забочусь я, как вы понимаете, не о себе, я и без

того храбр. Я думал о моем войске. Мои солдаты, конечно, по-своему храбрецы... но требуется немножко чего-то такого, что бы их воодушевило. Так, совсем немножко.

— Если часовой, которого мы встретили, образец храбрости твоих солдат, то немножко руты им, пожалуй, не повредит, — съязвил Попугай.

— Часовой? — переспросил Рокфор. — Ах, ты имеешь в виду Уилфреда? Да, бедный мальчик, комок нервов, сплошной комок нервов... С того дня, как он нашел у себя в супе муху, он сам не свой.

— Дело в том, — сказал Попугай, — что мы знаем, где растет рута.

— Да что ты?! — вне себя закричал Рокфор. — О благородный Попугай!

— Скажи: если мы добудем руты, согласишься ты и твои подданные выпить ее и помочь нам разбить василисков? — спросил Попугай.

— А ты вполне уверен, что это средство окажет должное действие? — тревожно спросил Рокфор. — Я о тебе беспокоюсь, дражайший Попугай, я бы не хотел что-то пообещать и не сдержать обещания.

— Я уверен, что оно подействует, — успокоил его Попугай. — В конце концов, так написано в вашей собственной «Истории герцогства Горностайского».

— Ну да, конечно, в истории... — с сомнением проговорил Рокфор. — Понимаешь, к сожалению, некоторые из этих древних историков... они очаровательны, спору нет, но они не очень умеют отличать факт от фантазии. Я бы С НАСЛАЖДЕНИЕМ помог тебе, дорогой Попугай, ты, я знаю, не усомнишься в моем честном и благородном слове. В благоприятном случае НИЧТО не доставило бы мне большего...

— Слушай, — прервал его Попугай. — Это наш единственный шанс одолеть василисков. Если мы добудем руты, ты попробуешь ее?

— Ну хорошо, хорошо, — сдался Рокфор и поспешно добавил: — Не сам, конечно, мне не позволит радикулит; мы испытаем ее на младшем садовнике.

— Слава тебе господи, — проговорил Попугай. — Наконец я слышу разумную речь.

— Когда вы ее доставите? — поинтересовался Рокфор. — Должен сознаться, я С НЕТЕРПЕНИЕМ жду этого эксперимента. Вообразите только, как ПОТРЯСАЮЩЕ будет, если она подействует! Все горностаи станут в пятьдесят раз храбрее! Уф, у меня прямо начинается зуд, как подумаю об этом.

— Ну-ну, не перевозбуждайся, — посоветовал Попугай. — Сперва еще надо ее раздобыть.

— Вот тут я могу оказать тебе НЕОЦЕНИМУЮ помощь, милейший Попугай, — оживился Рокфор. — Можно, я пойду с вами и помогу собирать траву? Вы, скажем, будете срезать ее, а я класть в корзинки? Или делать еще какую-нибудь такую же работу?

— Мы с удовольствием тебя возьмем, — отозвался Попугай. — Просто С НАСЛАЖДЕНИЕМ. Нам непременно понадобится помощь, принимая в расчет то, где рута растет.

— А где она растет, дружище? — насторожился Рокфор.

— На поляне в гуще Мандрагорового леса на Оборотневом острове, — зловеще произнес Попугай.

— Ой-ой-ой! Ай-ай-ай! — завопил Рокфор, вдруг сгибаясь пополам и опять хватаясь за поясницу. — Ох, какая боль! Какие муки, ой-ой-ой! — Не переставая верещать, он, шатаясь, поплелся к дивану и улегся на него, положив на лоб кружевной платок. — Ох-ох-ох, — простонал он. — Ох, дорогой мой Попугай, какая боль, какие муки. Перед тобой больной страдалец, которому, вероятно, недолго осталось жить на этом свете. Ой-ой-ой, и ведь, как назло, мне стало хуже, как раз когда я мог быть тебе полезен. Я не знаю, куда деваться от стыда. О какая боль! О какое унижение! Ах, какие муки!

— Ах, да успокойся ты, — остановил его Попугай. — Я пошутил, мы и не ждали, что ты пойдешь с нами.

— Нет? — Рокфор спустил ноги на пол, забыв снять со лба платок. — Так ты просто шутил? Тогда это шутка дурного тона, мой любезный Попугай, позволь тебе сказать. Смеяться над чужим радикулитом, особенно во время острого приступа, жестоко и грубо.

— Ну ничего, я думаю, ты останешься жив, — весело проговорил Попугай. — А теперь, раз ты болен и чаем нас не угощаешь, мы откланиваемся.

— Дружище, — прошептал Рокфор. — В обычных обстоятельствах я с превеликим удовольствием угостил бы тебя чаем, но с тобой эти громоздкие... громоздкие... существа. Если их пригласить к чаю, нам самим негде будет поместиться. Не пойму, зачем ты таскаешь их за собой. Как ты их назвал?

— Дети. Знаешь, человеческие малыши.

— Ты хочешь сказать, что они еще вырастут? — перепугался Рокфор. — Меня просто бросает в дрожь при мысли об этом. Не представляю: кто их захочет держать в доме? Разве кто-то имеющий ОЧЕНЬ большое жилище.

Попугай поблагодарил его за помощь и присоединился к ожидавшим его детям и Этельреду. Они опять заняли свои места на единорогах.

— Итак, — проговорил Попугай, когда они тронулись дальше, — дела как будто подвигаются. Мы заручились помощью единорогов, это уже кое-что, а если рута подействует, на нашей стороне окажутся горностаи, и это тоже немало. Сейчас я предлагаю заехать по дороге к грифонам. Их около пятидесяти. Мирная, трудолюбивая колония. Если они нас поддержат, это будет большая удача.

— А какого они вида? — спросил Питер.

— Ну, на мой вкус, довольно приятного, — сказал Попугай. — Тело льва и орлиные голова и крылья. У теперешних грифонов крылья выполняют чисто декоративную роль, летать они не могут. Когда-то грифоны были лиловые, но наши имеют рыжеватый оттенок. Повторяю, они спокойные прилежные животные, их главное занятие — добыча и накопление золота. Золото для них необходимо, они делают из него гнезда. Да, без золота грифоны давно бы вымерли.

— И больше они ничем не занимаются? — спросил Саймон.

— В сущности нет. Малые они солидные, порядочные, но совершенно лишены чувства юмора. Надо сказать, когда Ха-Ха основывал

Мифландию, грифонов уже почти нигде не было, и нам с трудом удалось разыскать три пары в Швейцарских Альпах. Они прибыли сюда и основали здешнюю колонию. Они разрабатывают единственный в Мифландии золотой рудник и делают это чрезвычайно умело.

Пока они беседовали, единороги пробежали через узкое ущелье, поросшее смешанным лесом из бутылочных и пробочных деревьев, и путешественники очутились в небольшой, но просторной долине. По левую сторону ее в откосе скалы виднелось множество уходивших вглубь туннелей. Судя по тому, что туда беспрерывно вбегали пустые вагонетки и появлялись снова нагруженные большими поблескивающими кусками руды, это были шахты. Вагонетки доезжали до центра долины, где над жаркими кострами булькали и переливались через край семь гигантских котлов. Как только подкатывали полные вагонетки, три грифона лопатами скидывали куски золотой руды в котлы, где они мгновенно расплавлялись. По другую сторону котлов другие три грифона черпали жидкое золото черпаками, похожими на суповые ложки с длинными ручками, и выливали его в формы, имевшие вид кирпичей. Когда золото остывало и твердело, еще три грифона выворачивали бруски золота из форм, грузили на вагонетки и отвозили их в гигантскую пещеру, находившуюся по правую сторону долины. Вход в золотой склад охраняли целых двенадцать грифонов, лежавших по сторонам неподвижно, как изваяния, и следивших за всем вокруг горящими золотыми глазами.

Едва один часовой завидел кавалькаду единорогов, он приподнялся, опершись на передние лапы, расправил крылья и трижды протрубил в тоненькую золотую трубу. Все грифоны немедленно бросили работу и столпились вокруг прибывших, а из шахт показалось еще много грифонов, покрытых искрящейся золотой пылью. Вскоре детей окружило около пятидесяти грифонов. Дети склонны были согласиться с Попугаем насчет того, что у них приятная внешность. Величиной с очень крупную собаку, с телом и желтовато-коричневой шкурой льва, с большой орлиной головой, они, несмотря на свой свирепый вид и крепкие изогнутые клювы, вызывали симпатию добрым выражением больших умных глаз. Время от времени они поднимали кверху крылья и хлопали ими, как делают хищные птицы.

— Доброе утро, доброе утро, золотоискатели, — обратился к ним Попугай. — Я привез вам привет от Ха-Ха.

Грифоны ответили «Утро доброе» рыкающими низкими львиными голосами. После чего вытолкнули вперед оратора.

— Герр Попугай, мы рады вас видеть очень, — начал он густым басом.

— Так, так, — хором подтвердили грифоны, кивая головами.

— Мы слыхал, что василиски вас и Ха-Ха убил, и мы очень-очень горевал, — продолжал оратор.

— Мы оба в полном порядке, — отозвался Попугай. — Но дело в том, что василиски совсем вышли из повиновения.

— Это есть очень прискорбно, — проговорил грифон. — Василиски должны послушаться.

— Они украли Великие Книги, — рассказывал дальше Попугай, —

и держат их в своем замке. Мы — я и эти вот дети — намерены отнять их у василисков.

— Друзья герра Попугая — друзья грифонов. — Представитель грифонов наклонил голову.

— Василисков пора проучить, — продолжал Попугай. — Нельзя допустить, чтобы они заправляли страной. Они уже кладут по яйцу в день. Кто знает, чем это кончится! Скоро они, чего доброго, запретят использовать золото как строительный материал.

— Что? — зарычали грифоны. — Мы этого не допускать стать.

— Таково положение дел, — заключил Попугай. — Ему мы и пытаемся положить конец. На нашей стороне единороги и горностаи, и мы хотим знать, можем ли мы рассчитывать на вашу помощь.

Грифоны посовещались своими низкими рыкающими голосами, помахали крыльями, постучали клювами, и наконец представитель грифонов заговорил:

— Мы согласны есть. Мы присоединяйся к вам. Мы считайт, что под управлением василисков Мифландии будет плохо стать. Мы ожидайт ваших распоряжений.

— Благодарим, — отозвался Попугай, — мы известим вас, когда настанет время.

— Всегда есть к вашим услугам, — ответил грифон, кланяясь.

Удаляясь, дети слышали «стук-стук-стук» молотков глубоко под землей и бульканье и бормотание золота в огромных котлах.

— Здорово, — восторженно сказал Питер, когда они выезжали из долины. — Грифоны мне нравятся. На таких можно положиться в трудную минуту.

— Тугодумы, но надежные, — заметил Попугай.

— Смотрите-ка, у нас набирается целая армия, — заметил Саймон. — С единорогами, грифонами и горностаями у нас почти тысяча солдат.

— И они нам очень пригодятся, — сказал Попугай. — Эти василиски так просто не сдадутся. Их замок фактически неуязвим.

— Это что значит? — вмешался Этельред, который подпрыгивал на спине единорога позади Пенелопы.

— Это значит, что в него трудно проникнуть, — объяснила Пенелопа.

— Хо, так уж и трудно? — заметил Этельред. — А как насчет трубы, которую я вам показал, забыли?

— Боюсь, они уже обнаружили ее и заделали, — сказал Попугай.

— Ладно, тогда я вот что скажу, — продолжал Этельред. — Не такой уж я никчемный, как некоторые думают. Я в ихнем замке все уголки облазил, еще когда головастиком был. Чего я про замок не знаю, значит, того и знать не стоит. И я говорю: вовсе он не такой уж неу... неу... как вы думаете.

— Поглядим, — проговорил Попугай, — когда мы будем планировать заключительный бой, твои знания нам пригодятся как нельзя больше.

Они проезжали густую пробочную чащу, когда единороги, до тех пор бежавшие с безмятежным видом, вдруг остановились, отпрянули назад и закружили на месте.

— Эге-ге, — сказал Попугай. — Что такое?

И тут единороги, которые везли Саймона и Питера (на чьем плече сейчас сидел Попугай), ринулись в лес. Единорог Пенелопы встал на дыбы, сбросил Пенелопу и Этельреда и тоже ускакал. Пенелопа слетела в кусты, от удара об землю у нее чуть дух не вышибло. А Этельред, сжимавший в лапах ее аптечку, брякнулся головой вниз и, оглушенный, остался лежать посредине дорожки.

Только Пенелопа хотела встать и посмотреть, не расшибся ли он, как кровь у нее застыла в жилах: из-за поворота тропы вдруг показались три василиска. Чешуя их гремела, бледные глаза горели. Пенелопа забилась поглубже в кусты и замерла. Как она надеялась, что василиски не заметят Этельреда! Но он лежал на самой середине тропинки и как раз приподнялся и сел, потирая макушку и кряхтя, когда василиски подошли к нему.

— Хр-р! — рявкнул шедший впереди василиск противным кулдыкающим голосом. — Что тут у нас такое?

— Я перуанский зеленщик, путешествую тут по вашим местам, набираю груз лунной моркови, — не задумываясь, выпалил Этельред с большим апломбом.

— Что-то ты непохож на перуанского зеленщика, — вглядываясь в него, сказал первый василиск. Струйки дыма и огня вырвались у него из ноздрей. — Ты больше смахиваешь на жабу.

— Ладно, я выдам вам тайну, — заявил Этельред, с улыбкой взирая на них снизу вверх. — Только сперва не отодвинете ли в сторонку ваш клюв? Шляпу бы не опалило.

— Ну, говори, — василиск отступил в сторону, — в чем тайна?

— Значит, так, — начал Этельред. — Я жаба, это верно. А переодет я перуанским зеленщиком потому, что я ин-ког-ни-то.

— Кто? — рявкнул василиск.

— Переодетый, — объяснил Этельред.

— Зачем? — осведомился василиск.

— Я выполняю важное поручение, вот зачем. Я несу очень ценный подарок от старшего грифона главному василиску.

— Что за подарок?

— Полный набор для мастера шпионажа, — ответил Этельред, похлопывая по аптечке. — Тут у меня оборудование, которое в один миг превратит вас в австралийского овцевода в отпуске, а то и в литовского посла, который едет в Того.

— Не верю я тебе, жаба! — гаркнул василиск. — Показывай, что у тебя в сумке.

Пенелопа затаила дыхание. Она-то знала, что в сумке лежат всего лишь мелкие медицинские принадлежности.

— Слушайте, да не могу я, — запротестовал Этельред. — Мне воспитание не позволяет смотреть чужие подарки.

— Не покажешь — я тебя арестую, — объявил василиск.

— Слушайте, — прохныкал Этельред, оттягивая время, — какое вы имеете право меня арестовывать? Что я такого сделал?

— Мы управляем страной. Так что имеем полное право тебя арестовать. Перед казнью узнаешь, в чем тебя обвиняют. Открывай сумку!

— Ах так, ладно, — недовольно пробурчал Этельред. Открыв сумку, он вывалил содержимое на землю, и три василиска с любопытством нагнулись, рассматривая рассыпавшиеся предметы своими бледными глазами.

— Это что? — Один из василисков показал на пакет ваты.

— Фальшивые волосы, — мгновенно нашелся Этельред. — Нахлобучь их на голову — и готово: ты уже девяностолетний старик.

— А это? — второй василиск ткнул в бинты.

— Бинты, — быстро ответил Этельред. — Обвяжи себя ими и вмиг ты — раненый с войны. Забинтуй себе голову, и родная мамочка тебя не узнает.

— А это что? — Третий василиск показал на пузырек с йодом.

— Индусский грим, — небрежно отмахнулся Этельред. — Плеснул на рожу, пару бинтов на голову, воткнул парочку рубинов — и вот ты вылитый магараджа, так что слон не отличит.

— А это? — Первый василиск кивнул на маленький флакончик.

Пенелопа знала, что во флакончике налита лавандовая вода. Она взяла ее с собой, потому что лавандовая вода была холодящей и успокаивающей и помогала от головной боли или солнечного удара.

— А невидимые чернила, — выпалил Этельред.

— Чего же их видно? — не поверил василиск.

— Так не чернила невидимые, — объяснил Этельред, — а то, что ими написано.

— Не верю я тебе, — сказал василиск. — Ну-ка, открой пузырек и напиши чего-нибудь этакое, невидимое.

— Недоверчивая вы публика, — проворчал Этельред, — что ты там увидишь, раз чернила невидимые? — Тем не менее он взял пузырек и откупорил его.

В ту же минуту случилась удивительнейшая вещь. Все три василиска попятились, из глаз у них потекли слезы, и они принялись чихать. При этом из ноздрей у них вырывались потоки пламени и дыма, и Этельреду, в одной лапе сжимавшему флакончик с лавандовой водой, а другой придерживавшему цилиндр, приходилось с большим проворством отпрыгивать то туда, то сюда, чтобы увернуться от огня.

«Почему это они ведут себя в точности как василиск, который гнался за Септимусом? — подумала Пенелопа. — Наверное, у меня тогда на платье попала лавандовая вода».

Василиски тем временем сопели, задыхались, глаза их слезились, они вычихивали струи пламени и наконец не выдержали: кашляя и разбрызгивая слезы и огонь, они повернули и бросились бежать в пробочный лес.

— Ух ты черт, — произнес Этельред, озадаченно глядя им вслед. — С чего это они?

— Этельред, — сказала Пенелопа, выходя из тлевших кое-где кустов, — мне в жизни не приходилось видеть, чтобы себя вели так храбро.

— Чего тут, пустое, мисс. — Этельред густо покраснел.

— Ты не только вел себя храбро, но и сделал открытие: ты открыл, чего не переносят василиски, и это нам очень поможет в сражении.

— Вы про лавандовую воду, мисс? Да, она им, видно, здорово пришлась не по нутру.

— Я еще не совсем понимаю, как ее применить, — призналась Пенелопа, — но я уверена, что кто-нибудь из наших сообразит.

В эту минуту показались Питер и Саймон, скакавшие обратно через лес на своих единорогах, их нагонял единорог Пенелопы.

— Ты цела, Пенни? — крикнул Саймон.

— Вполне!

— Это все глупые единороги виноваты, — закричал Питер. — Они, видишь ли, почуяли запах василисков... — Голос его замер: он заметил тлеющие кусты и обугленные деревья. — Значит, единороги не ошиблись, — сказал он, — василиски тут побывали.

— Да, и если бы не мужество и находчивость Этельреда, не знаю, чем бы все это кончилось, — объявила Пенелопа, взбираясь на единорога.

— Эй, полегче, мисс, — остановил ее Этельред, усаживаясь на свое место у нее за спиной. — Вы меня вконец захвалили, прямо неудобно.

— Этельред сделал важнейшее открытие, — продолжала Пенелопа. — Но тут оставаться нельзя, — того и гляди, опять появятся василиски. Вот вернемся в Кристальные пещеры, я вам все расскажу.

— Тогда поехали, — скомандовал Попугай, — полный вперед.

И они быстрым галопом устремились к Кристальным пещерам.

6

Поющее море

Волшебник пришел в неописуемое волнение, когда услышал, что горностаи, возможно, присоединятся к ним, что грифоны наверняка присоединятся и что Этельред открыл средство, вызывающее у василисков приступ сильнейшего чихания.

— Лавандовая вода? — повторил он. — Как интересно, у них, видимо, начинается что-то вроде сенной лихорадки, аллергического насморка. Я попробую изготовить заменитель.

— А разве у вас здесь не выращивают лаванду? — спросила Пенелопа.

— Она растет на одном из островов, — ответил волшебник, — но без Травника мне, боюсь, не вспомнить на каком.

— Один раз во время отпуска у меня от какого-то растения тоже началась ужасная сенная лихорадка, — вмешалась Табита. — Дайте мне понюхать флакон, я скажу, оно или нет.

Когда ей дали понюхать лавандовой воды, та оказала на Табиту то же действие, что и на василисков. Расчихавшаяся Табита прожгла

два дивана, подожгла четырнадцать подушек и стол, пока ей на голову не вылили ведро воды.

— Это оно, то самое растение, — задыхаясь, проговорила она. — Ах, боже мой, я не чихала так с того дня, как по ошибке попудрилась перцем.

— Каким это образом? — изумилась Пенелопа.

— Понимаешь, я пудрилась в темноте, — объяснила Табита, вытирая катившиеся по лицу слезы.

— В темноте? — переспросила Пенелопа. — Почему?

— Очень просто: я собиралась на ночной бал, луны не было, вот я и пудрилась в темноте.

— Так где, ты говоришь, росло это растение? — спросил волшебник.

— На Острове Золотого гуся, — ответила Табита. — Мы, драконы, проводили там каникулы, у нас был разбит лагерь под открытым небом. И мы все схватили насморк. Представляете, как это испортило нам отдых?

Будучи свидетелями ущерба, нанесенного одним драконом, понюхавшим лаванды, дети воочию представили себе, какой беспорядок произошел, когда пятьдесят драконов-туристов заболели враз лавандовой лихорадкой.

— Прекрасно, вот это поистине полезное сведение, — сказал Ха-Ха довольным тоном. — Остров Золотого гуся лежит на одной прямой с Оборотневым островом, и вы сможете набрать лаванды на обратном пути. Я сделаю из нее экстракт, и он будет всегда у нас под рукой.

— Хорошо бы теперь продумать путешествие, — напомнил Саймон. — У вас есть карта, Ха-Ха?

— Да, и превосходная. — Волшебник достал большую карту, изображавшую всю Мифландию, с морем и островами. — Так, мы находимся здесь... — Он поправил очки. — А замок василисков — вон там. Вам надо спуститься на берег и держать курс на юго-запад, мимо Лунных тополей, мимо Агатового архипелага, и тогда слева у вас окажется Остров Золотого гуся, а к северо-востоку—Оборотневый остров.

— Сколько, по-вашему, займет путешествие? — спросил Питер.

— Несколько часов, не больше.

— А у вас, случайно, нет подвесного мотора? — с надеждой спросил Саймон.

— Нет, но я могу сделать парус из лунного желе и дать вам попутный ветер в помощь, годится?

— Еще бы, — сказал Питер. — Знаете, это, кажется, будет почти такое же увлекательное приключение, как и нападение на замок василисков.

— Смотри не сглазь, — предостерег Попугай. — Оборотни — типы весьма опасные.

— Вы не поедете! — вдруг взвизгнула Дульчибелла. — Вы не поедете к оборотням! Я вас не пущу! Я буду дуться! Я подам в отставку! Я впаду в спячку! Я буду визжать, я буду кричать! Я ни за что, ни за что, никогда, никогда не буду с вами разговаривать, вот вам!

Тут она расплакалась и задернула все занавески в своей клетке.

Пенелопа подошла поближе, чтобы поговорить с ней.

— Дульчибелла, дорогая, — сказала она, — мы знаем, какого ты высокого мнения о Попугае. Мы — тоже, и мы не стали бы просить его ехать с нами, если бы можно было обойтись без него, пойми. Но я обещаю, если ты его отпустишь, проследить, чтобы он не рисковал сам, а предоставил более опасную работу моим кузенам и мне.

— Ну, если так... — Дульчибелла приподняла край занавески и вытерла им глаза. — Если ты обещаешь присматривать за ним...

— Обещаю, — повторила Пенелопа.

— А теперь, если вы окончили свои женские разговоры, — смущенным тоном громко объявил Попугай, — может быть, продолжим обсуждение похода.

— Я думаю, — сказал Саймон, производивший какие-то расчеты на клочке бумаги, — я думаю, что, если Ха-Ха обеспечит нам завтра на рассвете ветер в четыре узла, мы в случае удачи достигнем Оборотневого острова к трем тридцати дня. А это означает, что мы соберем руту и, проплыв всю ночь, вернемся сюда послезавтра на рассвете.

— Ты думаешь, вы сумеете обернуться? — с сомнением спросил волшебник. — Вы ни в коем случае не должны высаживаться на остров ночью, оборотни ночью опаснее всего.

— Дайте только нам ровный ветер, — сказал Саймон, — и мы сумеем.

— За ветром дело не станет, — проговорил Ха-Ха. — Скажите мне направление и силу ветра, и я запущу его — ничего нет проще.

— Возьмите с собой таблетки от морской болезни! — неожиданно прокричала Дульчибелла.

— Женщина, помолчи! — прикрикнул на нее Попугай. — Мы обсуждаем важные вещи.

— Таблетки от морской болезни тоже важная вещь, — возразила Дульчибелла. — Если вас укачает и вы не сможете убежать от оборотней, — это разве не важно?

— Я прослежу, чтобы он их принял, — успокаивающим тоном пообещала Пенелопа.

— Как я хотела бы пойти с вами и тоже помочь, — сказала Табита, — но я слишком велика и не помещусь в лодке.

— Ты слишком велика, а я слишком стар, — сказал волшебник. — И все-таки я чувствую себя виноватым из-за того, что взваливаю на вас, детки, всю работу и подвергаю таким опасностям.

— Ерунда, — возразил Питер, — я бы ни за что на свете не хотел упустить такого приключения.

— Я тоже, — подхватил Саймон.

— Не беспокойтесь о нас, — утешила его Пенелопа, обвивая его шею руками и целуя в розовую щечку. — Нам нравится вам помогать, и мы вам вернем Мифландию, вот увидите.

— Троекратное «ура» мисс Пенелопе! — закричал Этельред, хлопая в ладоши.

— Вы очень добры, очень. — Ха-Ха снял очки, которые вдруг почему-то запотели, и громко высморкался.

— Мисс, — горячо сказал Этельред, — можно и мне с вами, мисс? Я не больно велик, много места не займу, а вдруг и пригожусь?

— Конечно, пусть едет, — сказал Саймон, — наш храбрый мистер Жаб.

— Разумеется, — подтвердил Питер, — как же без нашего сообразительного Этельреда.

— Ты будешь моим личным защитником, — заключила Пенелопа, — ты наша гордость, Этельред.

Этельред от полноты чувств раскраснелся, как восемь кило спелых помидор, и был вынужден отойти в сторонку и тоже очень энергично высморкаться.

Итак, на следующее утро, попрощавшись с волшебником, Табитой и неутешной Дульчибеллой, дети вместе с Попугаем и Этельредом вышли по одному из многочисленных туннелей прямо на берег моря. Песок словно состоял из крошечных жемчужинок, а небольшие цвета шампанского волны разбивались о берег с мелодичным звоном, как будто кто-то пробегал пальцами по струнам арфы. «Не удивительно, — подумала Пенелопа, — что море называют Поющим».

На поверхность этого кроткого музыкального моря они и спустили свою надувную лодку, и тут же, как обещал Ха-Ха, задул тёплый ветерок. Парус выгнулся, как лук, и лодка быстро заскользила вперед, унося Пенелопу, мальчиков, Попугая и Этельреда, а также большую корзину с провизией, которую дал им в дорогу Ха-Ха. С собой они взяли также серпы для того, чтобы срезать руту и лаванду, и большие мешки, чтобы их складывать туда.

— Скажи, Попугай... — Пенелопа не в первый раз с тех пор, как очутилась в Мифландии, задавала подобный вопрос. — Кто такие оборотни? Я как будто читала про них, но плохо помню, что именно.

— А я помню, — вставил Саймон. — Это, кажется, люди, которые в полнолуние якобы превращаются в волков, так?

— Совершенно верно, — ответил Попугай. — Безобразное суеверие, и притом глупое. Но в те времена, когда Ха-Ха создавал Мифландию, множество людей твердо верили в существование оборотней, и поэтому их водилось в мире довольно много. Они умоляли разрешить им жить в Мифландии, так как они начали вымирать, и наш Ха-Ха, хоть и сомневался, все же решил уважить их просьбу и позволил им поселиться на том острове, куда мы плывем, при условии, что они разделят его с двумя другими породами нарушителей спокойствия — мандрагорами и блуждающими огоньками. Тут как раз и огневки попросили подобрать для них какой-нибудь островок помрачнее, вот Ха-Ха поселил и их там.

— Я слыхала про то, как блуждающие огоньки заманивают путников в болота и зыбучие пески, — сказала Пенелопа. — А что такое «огневки»?

— Необычайно красочные существа, — ответил Попугай. — Самые красочные в Мифландии. Они родственники блуждающим огонькам, бывают и горячими и холодными, тогда как блуждающие огоньки, как известно, всегда холодные. Огневки — премилые создания, робкие, но очаровательно прямодушные. А блуждающие огоньки — те, напротив, племя своевольное, сплошь озорники и безобразники.

— А мандрагоры? — спросила Пенелопа. — Они тоже родственники огневкам?

7 Джеральд Даррелл
Библиотечная книга

— Нет, нет, — ответил Попугай, — это растения, и притом ленивые бездельники. Когда-то их широко использовали в медицине и заговорах, им это, разумеется, не нравилось, они взяли и изобрели крик.

— К р и к? — переспросил Питер. — Помилуйте, как можно изобрести крик?

— Они издают крик, такой ужасный, — Попугай поднял вверх для вящей внушительности коготь, — такой жуткий, леденящий душу крик, что тот, кто слышит его, сходит с ума.

— Это чтобы их не срывали? — догадался Саймон.

— Да, — подтвердил Попугай. — Так что теперь они только и делают что спят без просыпу и днем и ночью, и, если кто-нибудь их по неосторожности разбудит, они разом просыпаются и все вместе вопят. Можете себе представить, что это такое?

— Ах, черт, и нам предстоит пройти целый лес мандрагор? — проговорил Питер. — Да, путешествие-то действительно рискованное.

— Я же говорил вам, — сказал Попугай. — Есть чего опасаться: сперва мандрагоры, потом волки, а потом еще блуждающие огоньки. Днем, правда, их нет, и волки тоже спят. Потому-то Ха-Ха и настаивал, чтобы мы высадились на острове днем.

— Мы идем быстро, спасибо Ха-Ха, — заметил Саймон.

Лодка и в самом деле скользила по мелодичным волнам с хорошей скоростью. Солнце пригревало, ветерок дул теплый, путешествие было восхитительное. В прозрачной воде дети видели, что происходит на глубине шести метров: шныряли косяки разноцветных рыб; в огромных раковинах блестели жемчужины; гигантские омары и крабы поражали многообразием красок. Маленькие стайки алых и голубых летучих рыб внезапно выпрыгивали из моря прямо перед лодкой и летели над поверхностью, чирикая, точно птички, а потом снова погружались в воду.

— Послушайте, мисс, — шепнул Этельред, — если вам боязно из-за оборотней, то не бойтесь, мисс, я с вами, уж я за вами пригляжу, ей-богу.

— Конечно, мне было бы страшно, — ответила Пенелопа, — но с моим личным защитником я ни капельки не боюсь.

Видно было, что Этельреду ее ответ доставил огромное удовольствие.

Они плыли уже несколько часов подряд, и ласкающий ветерок и солнце утомили их. Попугай, решив соснуть немножко, сунул голову под крыло. Этельред храпел, лежа на спине, цилиндр покоился у него на груди. Пенелопа и мальчики тоже дремали, усыпленные душистым воздухом.

Через некоторое время Пенелопа проснулась и продолжала лежать, раздумывая, не пора ли им перекусить. Глядя вверх в чистое зеленое небо на батальоны проплывающих цветных облаков, она вдруг почувствовала, что что-то не так. И тут же догадалась, в чем дело. Они стояли на месте, не двигаясь. Она села и огляделась: со всех сторон, насколько хватал глаз, они были окружены водорослями. Крупные лиловые и зеленые завитки походили на кружева. Они двигались и разрастались прямо на глазах. Лодка прочно засела на

них, как на мели. Вдруг красивый завиток перебрался через борт в лодку, словно щупальце, и пополз с легким шелестом, разрастаясь во все стороны. Пенелопа поняла, что еще два-три таких побега, и лодка вместе с ними окажется погребена под грудой лиловых и зеленых водорослей.

— Попугай! — закричала она, пытаясь открыть корзину, чтобы достать оттуда нож и обрубить побеги. — Попугай! Мальчики! Скорей проснитесь!

Все проснулись и вмиг догадались, что случилось.

— О, несметные, ни с чем не сообразные растения! Это все дурацкие водоросли! — с раздражением воскликнул Попугай. — Эй, рубите побеги, которые в лодке. Они сразу перестанут расти.

И правда, стоило обрубить несколько завитков, водоросли как будто догадались, что в них не нуждаются, и перестали лезть в лодку. Но она все так же стояла, не двигаясь с места.

— Какая досада, — проговорил Попугай. — Это нас задержит до тех пор, пока я не раздобуду помощь. Пенелопа, будь добра, дай мне подзорную трубу, она около тебя.

Попугай довольно долго и напряженно изучал горизонт и наконец удовлетворенно крякнул.

— Нам повезло. Вон они там работают. Теперь остается привлечь их внимание.

— Кто — они? — спросила Пенелопа.

— Русалки, — ответил Попугай. — Ха-Ха поручил им следить за водорослями. Понимаете, он сделал ошибку в заклинании. Вместо «вечноцветущие», как те цветы, которые вы видели, он произнес «вечнорастущие». А заклинания отменить нельзя, сказано — сделано, раз и навсегда. Вот ему и пришлось поселить здесь русалок, чтобы те сдерживали водоросли. Хлопотливая работа, скажу я вам. Стоит им на минуту зазеваться, и все Поющее море будет забито водорослями. Нам, я думаю, надо подтянуть лодку поближе к ним и покричать.

Они так и поступили. Наклонившись через борт, они захватили побольше водорослей в руки и принялись тянуть. Медленно, сантиметр за сантиметром, они подтягивали лодку поверх водорослей, и наконец, промучавшись, как им показалось, целую вечность, они услышали тихое пение, разносившееся по воде.

— Эй, там! — заорал Попугай. — Эй, там, Дездемона!

Пение прекратилось, наступила тишина.

— Эй, там! — снова заорал Попугай. — Это я, Попугай!

Ответа не последовало, но неожиданно справа от лодки водоросли раздвинулись и показалась огромная, тяжело дышащая русалка. Вид у нее был не совсем такой, какими представляла себе русалок Пенелопа: весила она, должно быть, не меньше ста двадцати килограммов; белокурые волосы в изобилии падали кольцами ей на плечи и грудь; глаза были большие, очень круглые, ярко-голубые, на веках были толстым слоем наложены тени и наклеены черные, густые, как живая изгородь, ресницы. Пухлые руки были тщательно ухожены, ногти покрыты ядовито-розовым лаком; в одной руке она держала золотой серп, в другой — серебряное зеркальце.

— Кажется, мужской голос звал меня на выручку? — спросила

она низким хрипловатым голосом, так быстро хлопая ресницами, что Пенелопа испугалась — не отвалятся ли они. — Мужчина голубой крови и древнего рода взывал о помощи?

— Нет, — сказал Попугай, — это был я. Здравствуй, Деззи.

— Ах, это ты, Попугай, — холодно протянула Дездемона. — Просто потрясно тебя видеть. Промежду прочим, я бы попросила не обращаться ко мне с такой вульгарной грубой кличкой. Мое имя тебе известно, и, сделай одолжение, называй меня только так.

— Слушаюсь! — отозвался Попугай. — Позвольте мне представить вас: Пенелопа, Питер, Саймон — мисс Дездемона Уильямсон Смит-Смит-Браун, старшая русалка.

Русалка оперлась своими полными руками о борт, отчего лодка накренилась угрожающим образом, и любезно пожала руку каждому по очереди.

— Исключительно рада познакомиться. — Дездемона захлопала ресницами. — Мальчики — красавцы, и девочка просто картинка. Хвостов, конечно, нет, но не огорчайтесь, вы тут не виноваты. У вас, наверно, жутко знатная родня, всякие там герцоги, герцогини и лорды? По вас сразу скажешь, что аристократы и только.

— Н-нет, не думаю, — ответила Пенелопа.

— А я вот уверена. Стоит только поискать, и запросто откопаешь какого-нибудь лорда. Возьмите, к примеру, меня — сразу видно, что я из благородной семьи, верно? Просто этим не хочется тыкать всем в нос, а то еще подумают, что задаешься. Главное — уметь себя держать. Люди по аристократическим манерам всегда поймут, что ты... В общем, на голову выше остальных.

— Вот именно. — Пенелопа еле сдержала улыбку.

— У меня вся семья с благородными связями, с обеих сторон. Одной из моих теток, жене моего дяди, помахал рукой — кто бы вы думали? — Христофор Колумб. А одна кузина сестры дяди моего отца, говорят, много лет получала письма от самого лорда Нельсона, да такие, говорят, нежные.

— Послушай, Деззи, — нетерпеливо прервал ее Попугай. — Может быть, оставим твои семейные предания до другого раза?

— Мой милый Попугай, — с достоинством отозвалась Дездемона, — извини, что я тебе докучаю. Мне крайне редко выпадает случай побеседовать с людьми культурными и утонченными. Им, я уверена, интересно послушать, а если и неинтересно, то они так хорошо воспитаны, что виду не покажут. Не то что ты — ведешь себя, как простой мужлан.

— Да нет, я совсем не прочь послушать про твою родню, — весело сказал Попугай. — Но просто сейчас мы страшно спешим, а водоросли нас и так задержали. Что, если бы ты кликнула своих подружек и вы бы прорубили нам дорогу, а заодно и подтолкнули лодку? Дело идет о жизни и смерти, сестренка, а то мы не стали бы тебя беспокоить.

— Хорошо, — согласилась Дездемона, — раз у вас такая крайность, я, конечно, спрошу молодых леди, не поспособствуют ли они вам в вашем бедственном положении. Но все-таки мне было бы приятнее, если бы ты звал меня честь по чести моим настоящим именем,

а не с такой противной фамильярностью. Нам, русалкам, наше доброе имя дорого. А люди могут подумать, будто мы с тобой на более дружеской ноге, чем на самом деле.

— Хорошо, мисс Уильямсон Смит-Смит-Браун, — с заметным раздражением сказал Попугай. — Все, что вам будет угодно, только выручай нас.

— До чего тут некоторые дурно воспитаны, — понизив голос, сказала Дездемона Пенелопе. — Не то что вы да я.

Она одарила Питера и Саймона обольстительной улыбкой, помахала толстой рукой и погрузилась в заросли водорослей без малейшего всплеска.

— Проклятие, как мы задержались! — Попугай нервно выхватил из-под крыла часы и посмотрел на них. — Мы опаздываем на несколько часов. Нам придется здорово поработать веслами, когда мы наконец отсюда выберемся.

Вскоре появилась Дездемона, а с ней восемь русалок приблизительно одного с ней возраста и комплекции. У одних волосы были желтые, как у Дездемоны, у других алые, а у некоторых выкрашены в ярко-синий цвет.

— Молодые леди, — произнесла Дездемона своим низким хриплым голосом, — я знаю, вы согласитесь со мной, что для нас большая честь принимать у себя особ, чье происхождение не уступает нашему. Я уверена, что смело могу от нашего общего имени сказать «добро пожаловать» образованной и благородной леди Пенелопе и ее кузенам — лордам и все такое.

— Эй, — подал вдруг голос Этельред, — а про меня-то когда скажете?

— Про тебя? А что про тебя сказать?

— Я — польский граф, вот кто я такой, — заявил Этельред, — и происхожу из старинной и знатной породы графов, вот как.

— Ты? — удивилась Дездемона. — Что-то ты не слишком похож на графа.

— В том-то и штука, что нет, — сказал Этельред. — Меня подменили в колыбельке, понятно?

— Восхитительно, просто восхитительно, — с сомнением в голосе проговорила Дездемона. — Ты потом должен мне все рассказать по порядку. А сейчас, мои юные барышни, давайте спасать наш благородный груз. Так, все вместе: раз-два, взяли!

Обнаружив большое проворство, какого трудно было ожидать от дам с такими пышными фигурами, русалки принялись серпами расчищать проход среди водорослей. Сама же Дездемона подплыла к корме, уперлась в нее своими могучими руками и, направляя лодку вперед движениями хвоста, приготовилась всласть поболтать.

— Когда я была молоденькой, — сообщила она Пенелопе, — до того, как мы переселились в Мифландию, я, бывало, часами плавала вокруг Брайтона.

— Брайтона? — вставил Питер. — Мы с Саймоном провели там в прошлом году летние каникулы.

— Да что вы говорите? — воскликнула Дездемона. — Местечко — прелесть. И всегда там такая приличная публика, если вы понимаете,

об чем я. Моя тетка по отцу, так она, знаете, рассказывала: купается она один раз, и вдруг... никогда не угадаете, кто выходит из купальной кабины.

— Кто? — не выдержал Саймон.

— Король Георг Четвертый! — ответила Дездемона. — Да, да, его королевское величество собственной персоной. Весь в элегантном полосатом костюме, рассказывала тетка. На королевской голове, благослови ее господь, шляпа, чтобы волос не замочить, а на королевских ногах пляжные туфли, чтобы не поранить ноги о камни. Ну и вот, только успел он, значит, зайти в воду по пояс, как — на тебе! Потерял туфлю. Такой тарарам поднялся, прямо и представить себе не можете. Король Георг кричит, из себя выходит, придворные и конюшие, прямо как были в сухопутных костюмах, стали нырять как сумасшедшие, чтобы, значит, выловить туфлю.

— И что было дальше? — Пенелопа слушала как зачарованная.

— Они ее не нашли. Но когда вся компания уехала, стала искать моя тетка, и уж она ее нашла. Да, и до сих пор хранит ее в стеклянном ящике — ту самую пляжную туфлю, которая свалилась с ноги его величества. Что вы на это скажете?

— Не у всякого тетя — обладательница королевской туфли, — заметила Пенелопа.

— Именно! — торжествующе воскликнула Дездемона. — Вот и я то же говорю моим девочкам. А вы очень часто посещаете садовые приемы в Букингемском дворце, милочка?

— Нет, не очень, — ответила Пенелопа.

— Моя бабушка как-то раз плыла вверх по Темзе, и ее переехала барка. Сперва бабушка очень рассердилась, потому что барка ей подбила глаз, но потом она обнаружила, что это барка королевы Елизаветы. Вы только представьте! Немногие могут похвастаться тем, что им подбила глаз королева, верно?

— Путь впереди свободен! — закричал Попугай. — Приготовиться поднять парус!

— Ну что ж, приятно было поболтать о том о сем, — милостиво произнесла Дездемона. — Ничего нет лучше, чем перекинуться словечком с особой, понимающей толк в аристократии.

— Мне тоже было очень приятно, — отозвалась Пенелопа.

— Надеюсь, мы еще встретимся, — сказал Саймон.

— Я тоже, — добавил Питер.

— Вы все очень любезны. — Дездемона что есть мочи захлопала ресницами.

Потом она созвала своих барышень, и они все закачались на волнах, посылая воздушные поцелуи, и махали вслед, пока лодка набирала скорость и удалялась в открытое море.

— Крайне досадная задержка. — Попугай взглянул на часы. — К р а й н е досадная. И не похоже, чтобы мы могли плыть быстрее. Это означает, что засветло до Оборотневого острова нам не добраться.

— Но Ха-Ха не велел нам высаживаться в темноте, — напомнил Питер.

— Боюсь, что у нас нет выбора, — хмуро возразил Попугай. — Если мы не сойдем на берег и не соберем руту сегодня же ночью, мы пропустим ветер, который нам приготовит Ха-Ха на обратный путь, и тогда нам понадобится несколько дней, чтобы вернуться назад.

— Значит, сбор ложится на Питера, тебя и меня, — решил Саймон. — Пенни останется в лодке, а Этельред останется охранять Пенни.

— Знаете что... — начала Пенелопа.

— Будь любезна, Пенелопа, — прервал ее Попугай. — Саймон абсолютно прав. Днем совсем другое дело, а ночью все гораздо опаснее. Ты должна остаться в лодке, пойми, вы с Этельредом отплывете подальше от берега, если что.

— Ну хорошо, хорошо, — уступила Пенелопа, — но мне это не нравится.

Лодка скользила вперед, а Попугай волновался все больше и каждые пять минут смотрел на часы и обозревал горизонт в подзорную трубу. Он как раз проделывал это в пятидесятый раз, и вдруг произошло нечто непонятное. Прямо перед лодкой море внезапно забурлило и вспенилось, как будто впереди возникла мель или риф. Волны в этом месте заходили ходуном, и дети, не на шутку встревоженные, увидели, как что-то всплывает из глубины. В следующую минуту на поверхности показалась гигантская голова морского змея и быстро поднялась вверх метров на десять на длинной и тонкой шее. Голова была громадная, ноздри, как у гиппопотама, глаза огромные, как блюдца, а обтрепанные уши были так велики, что дети сперва приняли их за крылья. На подбородке и губах росла жесткая бахрома, отчего казалось, будто у чудовища борода и усы. Тело его было покрыто красивейшей синей чешуей, глаза были цвета морской волны, а борода и усы ярко-рыжие. Между ушами торчали два странных черных рога, напоминавших рожки улитки, а за ними, на самой макушке, сидел поварской колпак. Чудище с рассеянной улыбкой стало озираться вокруг, вода стекала с него водопадами.

Попугая нисколько не напугало это явление. Более того: он был положительно в восторге.

— Отлично! — сказал он. — Это Освальд. Какая удача.

— Он мирный? — поинтересовалась Пенелопа.

Из всех животных, встреченных ими в Мифландии, Освальд был, бесспорно, самым большим.

— Освальд? — повторил Попугай. — Освальд? Хо-хо-хо! Самое кроткое создание в стране.

— Просто я спрашиваю оттого, что у него ужасно много зубов, — пояснила Пенелопа.

— Нет, Освальд свой. Ручной, как три овцы, наш Освальд.

— Он согласится нам помочь? — поинтересовался Саймон.

— Вот это я и собираюсь у него узнать. Главное — привлечь его внимание, он немного глуховат.

Попугай перешел на нос лодки, приложил крылья к клюву и закричал:

— Освальд! Это я — Попугай! Я тут, балда, в лодке!

Освальд нерешительно завертел шеей. Внезапно он заметил лодку, и глаза его расширились от удивления. Он взвизгнул от удовольствия и с криком «Сдобная лепешка! Я так давно мечтал о сдобной лепешке» ринулся вперед, нагнул шею и, прежде чем кто-либо успел шевельнуться, сгреб пастью лодку, троих ребят, Попугая, Этельреда, большую корзину с едой, серпы и мешки для руты и лаванды.

«О господи, — мелькнуло у Пенелопы, когда громадные челюсти с белыми зубами сомкнулись вокруг них, — вот теперь уж точно конец нашему приключению».

7

Оборотни и огневки

— У-у-у, дуралей! — завопил Попугай во мраке Освальдовой пасти. — У-у-у, кретин безмозглый! С этими созданиями, того гляди, все перья вылезут.

— Что нам делать? — спросил Питер.

— Делать? — воскликнул Попугай. — Делать? Выбираться отсюда как можно скорее, пока этот болван не проглотил нас. Вы берете серпы, мне даете подзорную трубу, и мы бьем его по зубам.

— Ням-ням, — услышали они. Освальд разговаривал сам с собой, голос его звучал глухо и гулко. — Ням-ням, столько лет мечтать о ней, и вот — какой восхитительный аромат! Какое нежное тесто! Ням-ням, наконец-то настоящая сдобная лепешка.

— Сейчас я покажу этому дурню лепешку, — прохрипел Попугай. — Так, все разом.

И в тот момент, когда Освальд начал произносить «ням-ням» в четвертый раз, ребята, Этельред и Попугай ударили его изо всех сил по зубам. Поэтому у него получилось «ням-ням-уй-ух-ах-х!» и без дальнейших разговоров он выплюнул лодку со всем содержимым. Затем он свесил голову вниз и внимательно присмотрелся.

— Вот так штука, — сказал он изумленно, — оказывается, в лепешке люди! В жизни такого не встречал.

— Это я, Попугай! — завопил Попугай, размахивая подзорной трубой.

— Будь это даже белая лепешка с людьми, и то я назвал бы это небывалым событием, — рассуждал Освальд, загипнотизированный такой загадкой, — но зеленая лепешка с людьми — это нечто феноменальное.

— Я готов задушить это пресмыкающееся, — пробормотал Попугай. Затем заорал: — ОСВАЛЬД! Это я, ПОПУГАЙ!

Освальд еще внимательнее вгляделся в лодку.

— Вот так штука! — сказал он в приятном изумлении. — Никак

это Попугай! Рад видеть тебя. Но отчего ты плаваешь в зеленой сдобной лепешке? Это очень опасно, милый мой. А вдруг тебя кто-нибудь съест? Что ты тогда будешь делать? Если уж тебе непременно надо плавать, плавал бы, как полагается, на шхуне или еще на чем-нибудь в таком роде.

— Это не лепешка, а лодка! — заорал Попугай.

— Селедка? — переспросил Освальд. — Нет, нет, мой дорогой. Мне неприятно спорить с тобой, но я знаю селедок. Селедка выглядит совсем иначе. Кроме того, она плавает под водой, а не поверх воды, и она не зеленая. Нет, нет, поверь мне, это лепешка. Из тех, что пекут в Болгарии, марципановая.

— Я не могу разговаривать с тобой без слуховой трубки! — крикнул Попугай. — Сейчас я потеряю голос.

— Нет, — возразил Освальд, — и не полоз. Конечно, я могу ошибаться. Есть вероятность, что это зеленый пончик, но сомневаюсь, очень сомневаюсь. Едва ли пончик плавал бы так хорошо.

— Ну что толку иметь самые большие уши во всей Мифландии, если ничего не слышишь, — простонал Попугай. Он взлетел и примостился Освальду на ухо. — Где твоя слуховая трубка? — прокричал он.

— Ну, то-то, — довольным тоном произнес Освальд. — Я так и думал. Я рад, что ты согласен со мной, мой дорогой. Селедка совсем другая — с глазами, хвостом, чешуей и вообще не то.

— Где слуховая трубка? — завопил Попугай. — ТРУБКА, ТРУБКА!

— Совершенно незачем так орать и бесноваться, — обиженно заметил Освальд. — Я и без твоих криков и визга отлично слышу.

— Слуховая тру-убка! — закричали ребята хором.

— А-а-а, вы хотите на нее взглянуть? — проговорил Освальд с довольным видом. — Минутку, она у меня тут — последняя новинка. Мне-то она, разумеется, не нужна. Я и так прекрасно слышу, но иметь ее полезно. Знаете, я сделал одно открытие: если через нее проливать сахарный сироп, то на тортах получается прелестнейший рисунок из глазури.

Он пошарил под водой своей чешуйчатой лапой и вытащил янтарный слуховой рожок, отделанный серебром. Приставив рожок к уху, он посмотрел на них с лучезарной улыбкой.

— Ну, каково? — спросил он. — По-моему, шикарно.

— Очень краси-иво! — прокричали ребята.

— А? — переспросил Освальд, перегибаясь вниз и прижимая трубку покрепче к уху.

— Краси-иво!

Освальд распрямился, вынул трубку и заглянул в нее.

— Одну минутку, — сказал он, — технические неполадки.

Он запустил внутрь длинный коготь, покопался там, затем встряхнул трубку, и оттуда высыпалось порядочное количество засохшей глазури.

— Вот так, — с довольным видом сказал он, — иногда засоряется.

Он опять приставил рожок, и Попугай опять взлетел ему на ухо.

— Теперь слышишь? — спросил он.

— Прекрасно слышу, — удивленно отозвался Освальд. — Я и раньше слышал. Всю твою чепуху про селедку.

— Хорошо, слушай внимательно. Нам важно добраться до Оборотнева острова как можно скорее.

— До Оборотнева острова? — повторил Освальд. — За каким чертом? Мерзкое место, мерзкий народ. Я там не так давно загорал, так волки все время швыряли в меня камнями. Гнусные, вульгарные твари.

— Понимаешь, рассказывать, зачем нам туда надо, было бы сейчас слишком долго, мы очень торопимся, — сказал Попугай. — Мы должны туда попасть до восхода луны. Мог бы ты взять нас на буксир?

— Ничего нет проще, — ответил Освальд. — У вас в лепешке, наверное, найдется веревка? Ну, так обвяжите ее вокруг моей шеи — и помчали.

Они накинули фалинь на шею Освальду и тронулись. Сперва Освальд от усердия развил такую прыть, что лодку швыряло из стороны в сторону и их чуть не выбросило. Слуховую трубку он спрятал, так что докричаться до него они не могли, и в конце концов Попугаю пришлось взлететь ему на нос и хорошенько его клюнуть. Тогда только Освальд понял свою ошибку. После чего он взял правильную скорость и они полетели по волнам так, что ветер гудел в ушах.

— Скажи, пожалуйста, — спросил Саймон, — почему Освальд носит поварской колпак?

— Потому что он и есть повар, — отозвался Попугай. — Он обучался в Париже и Китае. Превосходный, кстати, кулинар. Но его отец не разрешил ему заниматься этим всерьез, он считал, что профессия повара не для морского змея. Он заставил беднягу бросить свое любимое занятие и войти в фамильное дело.

— А в чем оно состоит?

— Это фирма, которую основал прапрадедушка Освальда, называется она «С нами не соскучишься». Если какое-нибудь курортное местечко не пользуется популярностью у публики, туда на некоторое время посылается кто-нибудь из семьи. Он показывается, дает себя пару раз сфотографировать и, не успеешь оглянуться, как курорт набит битком желающими увидеть морского змея. Но Освальд очень застенчив, не терпит шумихи, существо он доброжелательное, ему неприятно оставлять следы в чужих двориках или дуть на участников пикника из-за скалы. Нет, ему хотелось одного — открыть ресторанчик. Но отец заявил, что никто еще у них в семье не держал ресторанов, и Освальду пришлось овладеть семейной профессией. И стряпает он теперь только для своего удовольствия.

— Бедный Освальд, — сказала Пенелопа.

— Да, обидно, — проговорил Питер. — Наверное, ужасно выставлять себя напоказ, когда ты застенчив.

— Да, особенно если ты хороший повар, — добавил Саймон.

— Один из лучших, — подтвердил Попугай. — И он никогда не пользуется лунной морковью. Нет, ему подавай свежие ингредиенты. Он очень привередлив в этом отношении, наш Освальд.

Небо уже приобрело темный золотисто-зеленый оттенок, и дети смогли наблюдать начало четырех закатов. На горизонте — сперва

в виде пятнышка, а потом все четче и крупнее — показался Оборотневый остров.

— Вряд ли мы теперь успеем высадиться засветло, — сказал Попугай, взглянув на часы, а потом на садившееся солнце. — Придется сойти на берег в темноте. Но отчалить от острова мы должны до того, как взойдет луна, что бы ни случилось. Глупо, что я не догадался раньше, ведь можно было попросить Ха-Ха продержать солнце на небе двое суток. Вечно соображаешь задним числом.

Чем ближе вырастал остров, тем более неприветливым он выглядел: корявые камни, беспорядочно растущие кусты; пейзаж был зловещий и мрачный, и Пенелопа содрогнулась, вспомнив, кто тут живет.

— Я дал Освальду распоряжение пристать к южной оконечности, — объяснил Попугай, — потому что Мандрагоровый лес находится на северо-востоке, а логовища волков — на северо-западе. Если нам удастся прокрасться через лес, не разбудив мандрагор, и если волки нас не почуют, мы наберем руты и уберемся отсюда в два счета.

— А как насчет блуждающих огоньков?—поинтересовался Питер.

— Ну, они не опасны, просто проказливы, и им нельзя доверять.

Вблизи острова Освальд притормозил и взял курс на небольшую бухточку. Там они вытянули лодку на песок, который состоял из красных и черных песчинок и жутковато посверкивал в закатном свете.

— Пенни, — сказал Попугай, — ты остаешься тут с Этельредом и Освальдом и при первых признаках опасности выходишь в море.

— А как же вы? — запротестовала Пенелопа.

— О нас не заботься, — самоуверенно заявил Попугай, — мы не пропадем.

— До свидания, Пенни, — шепнул Питер. — Помни: чуть что — смывайся.

— Да, — прибавил Саймон, — не рискуй.

— До свидания, — ответила Пенелопа. — Вы тоже будьте осторожны.

Питер и Саймон с мешками и серпами в руках и Попугай крадучись исчезли в кустах.

Пенелопа уселась на берегу, Этельред устроился рядышком, Освальд отдыхал на мелководье.

— Вы, мисс, не волнуйтесь, — успокоил ее Этельред. — Они проскочат сквозь этот самый Мандрагоровый лес и нарежут руты так быстро, что вы глазом моргнуть не успеете.

Освальд прислушивался к разговору очень внимательно, не отнимая трубки от уха.

— Объясните мне, — сказал он наконец. — Зачем им рута?

— Как зачем? Чтобы дать горностаям, — ответил Этельред.

— Дать горностаям? Да, разумеется, как я сам не догадался. А для чего?

— Ух ты, вы ничего не знаете, что ли? — воскликнул Этельред. — Ни про василисков, ни про остальное?

— Нет, к сожалению, — виноватым тоном проговорил Освальд. — Видите ли, я отсутствовал с дипломатическим поручением и совсем недавно вернулся.

И тогда, чтобы скоротать время, Пенелопа и Этельред рассказали ему про василисков и про свои приключения.

— Наглые твари, — проговорил Освальд, когда они кончили. — Так обращаться с Ха-Ха, добрейшим из людей. Ведь это ему я обязан лучшим способом приготовления ватрушки с малиной. Как ему повезло, что у него есть вы.

— Так что понимаете теперь, — заключила Пенелопа, — почему так важна рута: с ней еще можно все поправить.

— Да, понимаю, — согласился Освальд. — Это все равно что последняя перчинка, или щепотка соли, или перышко лука, или крохотный, крохотусенький, такусенький, малюсенький-малюсенький кусочек травки, который решает успех или неуспех какого-нибудь блюда.

— Именно, — подтвердила Пенелопа. — Как вы точно это выразили.

— Ни слова не понял, чего он лопотал, — признался Этельред.

— А не надо ли мне, — проговорил Освальд, — сплавать к северо-восточной оконечности острова, чтобы оказаться, так сказать, под рукой, в случае непредвиденного оборота дел?

— Ой, правда? — обрадовалась Пенелопа. — Мне так будет гораздо спокойнее.

— В таком случае спешу, — проговорил Освальд. Отплыв подальше, он погрузился на глубину и исчез из виду быстро и бесшумно, как какая-нибудь мелкая рыбешка.

Пенелопа с Этельредом молча сидели на песке около лодки, как им казалось, уже несколько часов.

— Жалко, мисс, что мы должны сидеть как мыши, — прошептал наконец Этельред, — а то бы я вам песенку спел. Мы, жабы, славимся своими голосами. Я такие песенки знаю, просто блеск, честное слово.

— Спасибо тебе, — шепнула Пенелопа, — я бы с удовольствием послушала.

— А то, если б я захватил с собой снаряжение для фокусов, я бы вам кое-какие фокусы показал. Я ведь был фокусником, до того как стал шпионом. Могу тритона из цилиндра вынуть, так ловко сделаю, что всякий в затылке зачешет.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — ответила Пенелопа.

Они еще посидели в молчании, Пенелопа перебирала в уме все ужасы, какие могли приключиться с Питером, Саймоном и Попугаем.

— Знаете что, мисс, — наконец не выдержал Этельред. — Видите, там, в конце залива, горка? Забраться бы мне на нее, оттуда дальше видно. Может, я бы увидел, что наши уже возвращаются и руту тащат. Что, если мне взаправду туда доскакать, мисс?

— Ладно, — сказала Пенелопа. — Я думаю, большой беды не будет, если ты туда сходишь. Но мне лучше остаться караулить лодку.

— Что верно, то верно, мисс. Я мигом слетаю. — И Этельред поскакал прочь.

Без Этельреда ей стало вдвое темнее и тоскливее. Только Пенелопа начала раскаиваться, что отпустила его, как два происшествия заставили ее окончательно пожалеть, что Этельред не с ней. Во-первых, над кромкой Поющего моря показалась луна в виде тоненькой серебристой подковки. Она быстро поднималась вверх, и вот уже

она оторвалась от моря и теперь заливала все вокруг серебристым светом. И во-вторых, едва поднялась луна, Пенелопа услыхала долгий, заунывный, леденящий душу вой, который повторялся и отдавался в лесу эхом. Постепенно вой замер, и наступила тишина — тишина, показавшаяся Пенелопе ужасной, так как теперь она знала, что волки проснулись и рыщут по лесу.

Пока она раздумывала, не отправиться ли ей на поиски Этельреда, она вдруг расслышала другой звук, похожий на слабый тихий и далекий вздох. Постепенно он приближался, и Пенелопа разобрала слова.

— Помогите, — произнес тихонько голос, нежный, как пух чертополоха. — Прошу вас, прошу, помогите.

Пенелопа вскочила и быстро перебежала по песку к кустам, откуда, как ей казалось, доносился голос. Сперва она ничего не могла разглядеть в темноте, но потом увидела свет, комок странного, переливающегося всеми цветами радуги света, который то ли перекатывался, то ли переползал между кустами к морю.

— Помогите, прошу вас, помогите, — повторял тоненький жалобный голосок. Пенелопе показалось, что он исходит именно от этого странного комочка света, двигавшегося ей навстречу. Забыв про опасность, Пенелопа бросилась к нему через кусты.

Подбежав ближе, она увидела, что комок был размером с теннисный мяч и словно состоял из многоцветных горящих свечечек. Всмотревшись, она разглядела маленькую круглую пушистую птичку с утиным клювом, которая вместо перышек была покрыта яркими язычками пламени. Пламя все время колебалось, и поэтому трудно было разобрать, как именно выглядит существо, но одно было ясно: оно было нездорово. Пенелопа подбежала к птичке и наклонилась, желая взять ее в руки, но та вдруг перекатилась на спину и оттолкнула ее руки своими хрупкими лапками.

— Не трогай меня, — словно выдохнула она. — Подожди, я сейчас переменюсь.

Пенелопа отдернула руки и смотрела во все глаза. К ее удивлению, непонятное существо из многоцветного сделалось молочно-желтым.

— Теперь я холодная, — сказала птичка слабым голоском, — можешь взять меня в руки.

Пенелопа подняла существо. Оно было легкое как пух и слегка пульсировало в ладони, как настоящая птичка. Пенелопа повернула назад. Дойдя до лодки, она села на песок и положила создание себе на колени. Оно улеглось со вздохом облегчения.

— Ты, наверное, Пенелопа, — сказало существо, — ик.

— Да, — удивилась Пенелопа, — правильно. А ты откуда знаешь? Кто ты?

— Я огневка, — прошелестело маленькое существо. — Вернее... ик... я еще птенец огневки. Я только неделю назад вылупилась... ик. Меня зовут Фенелла.

— Что с тобой случилось? — спросила Пенелопа.

— Я должна рассказать покороче, — выговорила, задыхаясь, Фенелла, — а то времени не остается. Этим вечером я училась летать,

а тут зашло солнце, и я свалилась в куст. Я еще не очень хорошо летаю, и все мои огоньки погасли, так я была оглушена. Когда я пришла в себя... ик... около моего куста собралась кучка блуждающих огоньков... ик. Они сговаривались. Ты не знаешь, какие они заговорщики. На этот раз заговор был действительно коварный. Они говорили, что двое людей и мистер Попугай... ик... пробираются через остров, а жабу и Пенелопу — это, наверное, ты и есть — они оставили караулить лодку. Они говорили, что... ик... раскажут оборотням, где сейчас мистер Попугай и остальные, а как соберутся все вместе, то разбудят мандрагор... ик.

— Ах вот как! — с негодованием выпалила Пенелопа. — Противные вредные заговорщики. А потом что?

— А потом на меня напала икота, — виноватым тоном ответила Фенелла, — и тогда они все накинулись на меня... ик... и стали меня колотить, и я упала и сломала крыло, и тогда они испугались и убежали... ик. А я решила пойти предупредить тебя. Правильно я поступила?

— Абсолютно правильно. — Пенелопа так была возмущена блуждающими огоньками и тем, что они сделали с Фенеллой, что голос у нее дрожал. — А теперь я тебе скажу, как я поступлю. Я устрою тебя удобно в лодке, и ты будешь ждать Этельреда — он и есть жаба. Когда он вернется, ты повторишь ему свою историю и скажешь, что я пошла предупредить мистера Попугая. Запомнишь?

— О да, — подтвердила Фенелла. — У меня очень хорошая... ик... память. Я только летаю плохо.

— А когда я вернусь, я вылечу тебе крыло, — пообещала Пенелопа.

— Будь осторожна, — посоветовала на прощанье Фенелла. — Не доверяй... ик... блуждающим огонькам.

— Буду осторожна, — пообещала Пенелопа, бережно укладывая Фенеллу в лодку. — Так тебе удобно?

— Да, спасибо тебе... ик... большое спасибо.

— Ну вот, лежи тут и жди Этельреда. — Пенелопа взяла фонарик и быстро поднялась от берега к кустам.

Сквозь кустарник вилась неровная тропа, по которой, очевидно, шли и Попугай с мальчиками. Продравшись через кусты, Пенелопа очутилась на лугу, поросшем сухой и довольно жесткой травой. За лугом стоял лес. «Наверное, здесь и спят мандрагоры», — подумала Пенелопа и постаралась ступать почти бесшумно, чтобы не разбудить их.

Дойдя на цыпочках до опушки, она остановилась и на минутку включила фонарик, — уж очень ей хотелось посмотреть, на что похожи мандрагоры. Увидев их, она чуть не прыснула со смеху. Они выглядели как огромные зеленые пасхальные яйца с большими, но сейчас плотно закрытыми глазами, большими ушами, курносыми носами и капризными ртами. Яйца сидели на пеньках, по бокам каждого пенька топорщились две короткие, как обрубыши, ветки, кончавшиеся пучками веточек с листьями, — видимо, они заменяли мандрагорам руки и пальцы. На голове у них, точно косматые парики, торчали ко-

ротенькие веточки с массой листьев. Все мандрагоры спали и так храпели, что в лесу стоял гул.

Пенелопа потушила фонарик и, пройдя на цыпочках мимо первых мандрагор, углубилась в лес. В тусклом свете луны она ступала с большой осторожностью, боясь нечаянно наступить на мандрагору или на сучок. Шаг за шагом она медленно продвигалась вперед среди храпящих мандрагор.

Вскоре она вышла на лесную поляну, освещенную луной, от которой в разных направлениях расходились шесть тропок. И тут в темноте она заметила вокруг поляны несколько зеленовато-синих огоньков, мерцающих, но неподвижных, — они будто наблюдали за ней. То были блуждающие огоньки — она тут же расслышала, как они переговариваются тихими хихикающими голосами.

— Это она, она, — хихикнул один.

— Да, да, да, да, — хором подхватили остальные.

— Она заблудилась, — со смешком шепнул первый.

— Заблудилась, заблудилась, потерялась, потерялась, — подхватил хор.

— Ее скоро съедят.

— Да, да, да, да.

— Съедят, съедят, съедят.

— Да, да, да, да.

Тут они скользнули прочь между деревьями и пропали так же внезапно, как появились. Пенелопа осталась стоять посредине поляны и раздумывать, какую тропинку выбрать. Девочка жалела, что не захватила компаса. Она закрыла глаза и попыталась мысленно вообразить карту острова и вспомнить, где находится поле руты. Когда она открыла глаза, в начале каждой тропинки стояло по волку.

Оборотни напоминали больших лохматых овчарок, но ходили на задних лапах, а передними пользовались с ловкостью обезьян. Глаза их сверкали зеленым светом, они тяжело дышали, свесив красные языки, в пасти блестели белые зубы. Пенелопа не успела шевельнуться, как волки быстро и молча сомкнулись вокруг нее, на голову ей набросили мешок, схватили твердыми мохнатыми лапами и потащили. Она слышала их хриплое дыхание, пока ее, потряхивая, несли по тропинке.

Через короткое время Пенелопу поставили на ноги, привязали к чему-то, — очевидно, к дереву, — и тогда только сняли мешок с головы. Она увидела, что стоит в просторной мрачной пещере, освещенной большим костром. Она была привязана к стволу, вбитому в земляной пол, и по обе стороны от нее тоже к двум стволам были привязаны Питер и Саймон.

— Пенелопа! — воскликнул Питер. — Что ты тут делаешь?

— Почему ты не с Освальдом? — закричал Саймон.

Торопливо, пользуясь тем, что оборотней в пещере нет, Пенелопа рассказала про огневку и про то, как попала в плен.

— Ну а мы, — сказал Питер, — мы благополучно прошли через Мандрагоровый лес и разыскали руту — она растет на берегу моря недалеко отсюда.

8 Джеральд Даррелл
Библиотечная книга

— Набили ее в мешки, — продолжал Саймон, — и тут вдруг появляется Освальд и говорит, что ты послала его к нам. Тогда мы попросили его вернуться назад и привезти в лодке тебя и Этельреда...

— Попугай отправился к вам, — подхватил Питер, — и мы ждали вас всех, и тут вдруг появился рой этих противных огоньков с криками «Тут они, тут они!» и на нас кинулись волки, мы и сообразить ничего не успели. Это произошло с полчаса назад.

— Что они собираются с нами делать? — спросила Пенелопа.

— Превратить в оборотней, — мрачно ответил Питер, — чтобы увеличить свои ряды.

— Что за глупости, каким образом? — в ужасе воскликнула Пенелопа.

— Укусят нас — и мы превратимся в оборотней, — объяснил Саймон. — Нам караульный рассказал. Когда луна зайдет, они устроят специальный обряд, во время которого нас укусят, — и дело сделано.

Пенелопа замолчала, раздумывая об уготованной им участи.

— Освободиться нам не удастся, мы уже пробовали, — добавил Питер. — Ничего не скажешь, связывать они мастера.

— У меня в кармане нож, но мне не достать, — сказал Саймон.

В эту минуту в пещеру вошел волк. При свете костра вид у волков был еще страшнее и отвратительнее, чем при лунном освещении.

— Не разговаривать! — рявкнул он грубым лающим голосом. — Сказано уже!

— Иди ты в болото, — огрызнулся Питер.

— Мы имеем полное право разговаривать, — поддержал его Саймон. — Почему вдруг нельзя?

— Таков закон. — Волк улегся у костра.

— Откуда он взялся? Вы в первый раз поймали пленников, и уже закон, — негодующе заявила Пенелопа. — Тупицы вы.

Волк прижал назад уши и зарычал.

— Мы не тупицы! Мы сумели вас всех сцапать? Сумели. Ну и сидите тихо.

Настала тишина, лишь потрескивал костер. Внезапно волк, дремавший положив голову на лапы, навострил уши, потом сел и уставился на вход в пещеру. Дети увидели, как нечто диковинное вползло внутрь. Оно походило на длинную большую белую гусеницу и неуклонно подползало все ближе к костру. Волк опустился на все четыре лапы, шерсть на спине у него встала дыбом, и он зарычал на странное существо.

— Стой, кто идет? — гаркнул он.

— Я это, я, — ответила гусеница, — свой.

— Кто — свой? — обеспокоенным тоном спросил волк.

— Жабоборотень, — ответил знакомый ребятам голос. — Я прислан сюда с очень важным подарком для вашего вожака.

Странное существо теперь уже подобралось к самому костру, и дети с восторгом увидели, что это и впрямь Этельред с большим пучком ваты вдоль спины.

— Что за штука такая — жабоборотень? — осведомился озадаченный волк.

— Ты что, никогда про жабоборотней не слыхал? — презрительно произнес Этельред. — Видно, неважное тебе дали воспитание.

— Мне очень хорошее дали воспитание, — возмутился волк.

— Хоро-ошее? Да ты даже про жабоборотней не слыхал. Ей-богу, на твоем месте я бы постыдился признаваться в таком невежестве.

— Ну так что это за штука? — рассвирепел волк.

— Да вроде волка-оборотня, но совсем не то, — ответил Этельред. — Опаснее, злее и хитрее, вот как.

— Не может такого быть, — запротестовал волк, — опаснее, злее и хитрее нас никого нет. Я тебе не верю.

— Ты что, обвиняешь меня во вранье? — осведомился Этельред. — Не советую я тебе злить жабоборотней, мы умеем быть такими коварными, что разозлишь меня — не обрадуешься.

— Я не говорю, что ты врешь, — поспешил заверить его волк. — Я говорю, что не верю тебе.

— А-а, это уже лучше. Ну, так где ваш вожак? Подарок-то надо передать.

— Что за подарок? — подозрительно спросил волк.

— Э-э, нет, подарок ему, а не тебе. Это особое волшебное зелье, чтобы, значит, всякого сорта оборотни от него делались... э-э-э... н-ну, вдвое, в общем, оборотнее, понял?

— Вдвое оборотнее? — переспросил волк. — Это что значит? Вдвое, что ли, хитрее, вдвое опаснее и вдвое злее?

— Вот-вот. — Этельред достал из-под своего ватного наряда маленький пузырек. — Натираешь себе зельем хвост — и не успеешь зубами щелкнуть, как делаешься одним из самых оборотневых оборотней.

— Значит, если я... это я просто рассуждаю... предположим, если бы я натер этим хвост себе, я мог бы получить повышение? Ну там, из часового стать вожаком, а? — Волк облизнулся.

— Само собой, — ответил Этельред. — Никаких сомнений. Нисколечко не удивлюсь, если ваш вожак, натерев себе хвост зельем, объявит себя королем.

— Тут в пузырьке вроде не так мало, — задумчиво проговорил волк.

— Да я бы сказал, что много.

— А что, если бы ты дал мне капнуть на хвост? — попросил волк. — Только одну капельку, и все. Вожак и не заметит.

— Ну, не знаю, — с сомнением проговорил Этельред. — Вообще-то, я не имею права, все-таки это **е м у** подарок.

— Будь другом, — продолжал уговаривать волк, — только одну каплю, он и не узнает, а уж я буду так тебе благодарен.

— Ну разве одну... — неохотно уступил Этельред. — Ладно, так и быть, только помни: ты обещал.

— Ясное дело, обещал, — обрадовался волк. — Одну только каплю.

Этельред протянул ему пузырек, волк вырвал его у Этельреда, вытащил пробку и в один миг вылил весь пузырек себе на хвост. В пещере распространился сильный острый запах чистого спирта,

взятого, как догадались дети, из их аптечки, где он хранился для промывания порезов и для примочек от ушибов.

— Ага! — торжествующе заухмылялся волк. — Я тебя одурачил, я вылил в с е. Теперь я буду королем оборотней. Я буду злее, опаснее и страшнее всех на свете. А для начала я съем тебя, жалкий жабоборотень, тебя!

— А это мы еще посмотрим! — И Этельред выхватил горящую ветку из костра и ткнул волку в хвост. Спирт вспыхнул, хвост охватило пламенем.

— Ой-ой-ой! — завизжал волк. — Хвост мой, хвост!

— Это называется «испытание огнем», — заметил Этельред.

— У-у-у! — завыл волк, кружа вокруг костра. — Хвост мой, хвост!

— На твоем месте я бы обмакнул его в море, — посоветовал Этельред. — Охладил бы, так сказать.

Визжа от боли, волк выскочил из пещеры и бросился в сторону моря. Хвост его пылал, как факел.

— Пусть себе покувыркается! — торжествующе воскликнул Этельред, срывая с себя маскарадную вату. — А ну, скорее за работу.

— Этельред, ты вел себя изумительно! — сказала Пенелопа.

— Потрясающе! — подтвердил Питер.

— Великолепно! — добавил Саймон.

— Да что там, — Этельред залился румянцем, — пустое, ей-богу. Зря, что ли, нас, мастеров шпионажа, учат. Слушайте, мне эти узлы нипочем не развязать.

— У меня в кармане перочинный нож, — сказал Саймон.

— Как ты ухитрился нас найти? — спросила Пенелопа.

— Да как... — Этельред раскрыл нож и теперь перерезáл веревки. — Вот так: возвращаюсь я на пляж, а вас нет. Меня чуть карачун не хватил. А когда та глупая птица проикала мне про то, что она вам рассказала и что вы задумали, так меня чуть два карачуна не хватили, честное слово.

Он перерезал веревки, опутывавшие Пенелопу, и она стала растирать затекшие запястья. Затем он перешел к Питеру.

— Ну вот, мисс, — продолжал он, — поскакал я за вами что есть духу, но вы ходок, надо сказать, отменный. Короче, я вас нагнал в Мандрагоровом лесу, где тропки расходятся. И только я хотел вас окликнуть, как вдруг, мать честная, эти чудища на вас как накинутся...

Он освободил Питера и повернулся к Саймону.

— Ну уж тут, скажу вам прямо, мне с ними было бы не совладать. То есть, может, поодиночке я бы еще попробовал, но эти звери поодиночке не дерутся. Поэтому я поплелся за ними сюда, улучил минуту, когда они отправились устраивать свое «великое кусание», как они это величают, и этого дурака оставили тут одного. Я и сказал себе: «Этельред, дружище, вот когда пригодится твое искусство маскировки». Но тут я вспомнил, что переодеться-то мне не во что. В аптечке всего и осталось что вата да пахучая жидкость, так что пришлось мне обходиться, как умею.

— Ты замечательно храбрый, — сказала Пенелопа.

— Потрясающе умный, — одобрил Питер.

— Невероятно находчивый, — добавил Саймон.

— Эй, полегче, — прервал их Этельред, — а то опять меня в краску вгоните.

— Никто в мире не справился бы лучше тебя, — убежденно проговорила Пенелопа.

— А сейчас пошли, — поторопил Питер. — Надо убраться отсюда, пока проклятые звери не вернулись.

Они с большой осторожностью выбрались из пещеры, прокрались через Мандрагоровый лес, потом снова прошли полем руты. Вдалеке послышался волчий вой, и Пенелопу охватила дрожь. Выйдя на берег, они пошли вдоль моря, отыскивая веху, возле которой у них была назначена встреча с Попугаем. Вдруг Пенелопа, взглянув назад, с ужасом вскрикнула:

— Глядите! Волки!

На дальнем конце берега показалась стая волков, они бежали на всех четырех лапах, глаза их мерцали, языки хлопали, как флаги, зубы белели, как поганки при лунном свете. Они бежали, опустив морды книзу, принюхиваясь к следам ребят.

— Скорей за мыс, в следующую бухту! — приказал Питер. — Мы с Саймоном постараемся задержать их, будем отгонять камнями, а вы с Этельредом ищите лодку.

Добежав до выступа, они начали карабкаться по камням вверх. И вдруг Питер, который лез первым, застыл на месте.

— Ш-ш-ш, — прошипел он, — с той стороны кто-то есть. Может быть, волки решили нас отрезать и послали туда другую стаю?

У детей заколотились сердца. Они остановились и прислушались. С минуту стояла тишина, потом послышался голос:

— Я всегда кладу щепотку розмарина и тимьяна, а также луку и буквально капельку лучшей мадеры. Тогда пирог получается восхи-тительный.

— Ик... правда? — раздался другой голос.

— Это Освальд! — закричала Пенелопа. — Освальд и Фенелла!

Они быстро перебрались через камни. Внизу, по ту сторону скалы они увидели лодку с Попугаем и Фенеллой и Освальда, лежащего в прибрежной воде. Позади себя они слышали сопение и рычание волков, лезущих за ними вверх, и грохот камней, сыпавшихся из-под волчьих ног.

Ребята и Этельред быстренько спрыгнули на песок и помчались к лодке.

— Попугай! Попугай! На помощь! — позвала Пенелопа. — За нами гонятся оборотни!

— Ах, оборотни! — повторил Освальд. — Сейчас мы им покажем.

Освальд одним махом подплыл к берегу, выскользнул на песок и поместил свое огромное синее тело между детьми и волками. Потом он набрал полную пасть морской воды и пустил ее в стаю волков, точно из пожарного шланга. Тугая струя воды ударила в передних волков и сшибла их с ног, опрокинула, и с рычанием и воем они забарахтались на песке.

— Гнусные невоспитанные твари, другой раз не будут швыряться камнями, — проговорил Освальд.

Он еще раз набрал в рот воды и выпустил еще одну струю. Волки бросились наутек.

Попугай взлетел Пенелопе на плечо.

— Миленькая, миленькая Пенелопа, — сказал он, — как я рад видеть тебя невредимой. Быстрее в лодку, все, все.

Они влезли в лодку и оттолкнулись от берега. Отплыв на безопасное расстояние, они окликнули Освальда, который от души забавлялся, гоняя волков по всему берегу и поливая их водой. Наконец, бросив промокших, избитых, обозленных волков, он поплыл за лодкой.

— Будут знать, как швырять камнями, — удовлетворенно сказал он.

— Итак, — весело сказал Попугай, когда мальчики накинули веревку на шею Освальду, — дело сделано, клянусь Юпитером! Все целы, и четыре мешка руты с нами. Ну не молодцы ли мы?

— Теперь мы еще заедем за лавандой, — напомнил Питер. — И тогда — берегитесь, василиски.

— Да, — подхватил Саймон, — мы им зададим.

— Освальд будет тащить нас всю дорогу? — спросила Пенелопа.

— Да, — ответил Освальд. — Вам повезло, что у меня как раз ничего не стоит в печке. А день туда, день сюда для меня не играет роли.

— Итак, в путь! — скомандовал Попугай.

И Освальд устремился вперед, навстречу восходящему солнцу и последнему этапу их необыкновенного приключения.

8

Битва с василисками

Сразу же после возвращения отряда с драгоценной лавандой и рутой в Кристальных пещерах закипела бурная деятельность. Начать с того, что у Этельреда и Саймона возникли блестящие идеи.

Идея Этельреда состояла в том, чтобы с помощью Освальда и русалок вытащить гигантскую пробку из дна рва, опоясывавшего замок василисков. Все опасались, что разъяренные василиски возьмут и со злости сожгут Великие Книги, а без них Ха-Ха был бессилен. Но если, как рассчитывал Этельред, вода во рву упадет и обнажатся большие сточные трубы, ведущие в тот участок подземелья, где расположена темница с книгами, то отряд лазутчиков сможет пробраться по трубам, одолеть часовых и охранять книги до тех пор, пока замок не будет взят. Все согласились, что план хорош, и Освальда отправили к мисс Уильямсон Смит-Смит-Браун с поручением объяснить ей все и попросить помощи.

Идея Саймона родилась, когда он наблюдал за Фенеллой. С помощью сургуча, бечевки и свечного пламени ребятам удалось подлечить ей крыло, и оно зажило в поразительно короткий срок. Мальчики как раз обсуждали наилучший вариант осады замка василисков, а Фенелла тем временем тренировалась, прыгая со спинки стула и летая по комнате.

— Вообще-то, лучше всего было бы иметь самолет и высадить десант прямо во дворе замка, — сказал Питер.

— А если с воздушных шаров? — предложил Саймон.

— Воздушных шаров? — спросил Питер. — Где их взять?

— Сделать из лунного желе.

— Но каким образом они будут летать? — засомневался Питер.

— Ты же знаешь, что горячий воздух поднимается кверху. Почему бы нам не наполнить шары горячим воздухом?

— Да где мы его возьмем?

— А огневки на что? Знаешь сам, какая Фенелла горячая. Так вот, если бы поместить, скажем, двадцать огневок в шар, он бы поднялся вверх, и я даже думаю, что они смогли бы управлять им, если бы они хлопали крыльями и летели все вместе в одну сторону.

Мальчики сделали экспериментальный воздушный шарик, и Фенелла, мечтавшая помочь, влезла внутрь. К восторгу Саймона, идея сработала отлично, и Фенелла заставляла шар летать по комнате, куда хотела. Она так разволновалась от своих успехов, что опять заикала.

— У меня... ик... получается, правда, Саймон... ик? — в упоении повторяла она. — Питер, ты видел... ик... как я сделала... ик... поворот?

— Ты молодчина, — похвалил ее Питер.

— Теперь все дело в том, сколько у вас огневок, — сказал Саймон.

— О, сотни... ик, — отозвалась Фенелла. — По крайней мере двести есть... ик... если не больше.

— А ты смогла бы уговорить их присоединиться к нам?

— Уверена, что... ик... смогу. Расскажу им, как вы... ик... были ко мне добры и как все это... ик... важно...

— А можешь ты попросить их явиться сюда, в Кристальные пещеры? — спросил Саймон. — Скажи, что тут находится штаб и отсюда мы начнем атаку.

Фенелла, вне себя от радости, что получила задание столь огромной важности, полетела, икая, вербовать огневок. А Попугай с детьми снова отправились с визитом к горностаям.

Рокфор принял их с большой сердечностью. Они с Уинифред как раз пили чай на крокетной лужайке.

— Так вы достали ее, достали? — закричал он визгливым голосом, подпрыгивая от нетерпения.— Боже, как я взволнован. Какая жалость, что радикулит помешал мне отправиться с вами.

— Руты у нас теперь достаточно, — сказал Попугай, — но Ха-Ха держит ее под замком. Мы не хотим, чтобы вы, горностаи, тоже отбились от рук, как василиски. Так что Ха-Ха приготовил только одну большую бутылку.

— Какие пустяки, — отозвался Рокфор, — как будто мы способны отбиться от рук. Мы, такие тихие, такие мирные создания.

— Ну нет, сейчас мы не можем рисковать, — возразил Попугай. — Вот некоторое количество рутового сока. Кто будет пробовать? Ты?

— При обычных обстоятельствах я бы с наслаждением, но сейчас... ох, ой-ой-ой, у меня никак не проходит радикулит. Пожалуй, это было бы неразумно. Нет, я думаю, лучше испытать сок на младшем садовнике. Он парень симпатичный, но садовник очень плохой, так что, если питье вдруг... э-э-э... окажется небезопасным, потеря будет невелика.

— Оно вполне безопасное, трусишка ты этакий, — успокоил его Попугай. — Неужели ты думаешь, Ха-Ха сам сперва не попробовал?

— Все равно, — нервно сказал Рокфор, — пусть лучше младший садовник. Он так этого ждет. Жестоко было бы его разочаровывать.

Послали за младшим садовником, которого звали Уилберфорс, и поставили его посредине лужайки.

— Так, Уилберфорс, — начал Попугай, — сам понимаешь, жидкость совершенно безвредна, но, когда ты ее выпьешь, ты мне должен сказать, не чувствуешь ли ты себя как-то по другому, понял?

— Так точно, сэр, — ответил Уилберфорс. На голове у него красовался котелок, на носу — большие очки в роговой оправе, зубы у него сильно выдавались вперед, под носом висела капля. — Вы, сэр, выпьете снадобье, а я вам скажу, лучше мне стало или нет. Благодарствую, сэр.

— Теперь ты понимаешь меня, — в отчаянии простонал Рокфор. — На днях он вырыл все луковицы нарциссов и снес их на кухню. Он, видите ли, думал, что это картофель.

— Нет, ты не так понял, — не отступал Попугай, — ты, Уилберфорс, выпьешь сок, и ты же скажешь мне, что ты чувствуешь. Понял?

— О да, сэр, — ответил Уилберфорс и, взяв бутылку, сделал большой глоток.

— Какое у него странное имя, — тихонько сказал Питер Саймону. Они, затаив дыхание, ждали, что последует.

— Очень странное, — согласился Саймон.

Уилберфорс стоял неподвижно, моргая за стеклами очков, а все наблюдали за ним. Прошло уже пять минут, а они не заметили в нем никаких перемен. Они упали духом, — неужели они подвергали себя стольким волнениям и опасностям зря?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Попугай.

Уилберфорс повернул к нему голову и заморгал.

— Я спрашиваю: как ты себя чувствуешь? — повысил голос Попугай.

— Я тебя с первого раза слышал, нечего кричать, — отозвался Уилберфорс, — тебе-то какая забота, а? Ишь, какая назойливая птица. Не суй нос не в свое дело, не то я обломаю тебе клюв.

— Вот это да, — прошептал Питер в изумлении.

— А вы двое... — Уилберфорс решительным шагом пересек лужайку и остановился перед мальчиками. — Какое вы право имеете смеяться над моим именем? А ну-ка, нагнитесь пониже, я расшибу ваши физиономии в лепешку.

— Боже милосердный, просто чудеса, — проговорил Рокфор, — никогда ничего подобного не видел.

Уилберфорс круто повернулся, и никто опомниться не успел, как он схватил Рокфора за шелковый галстук и затряс его.

— А от тебя, привереда такая, меня уже тошнит, вот что. Долго ты еще будешь придираться ко мне? Давно пора тебя проучить как следует.

С этими словами Уилберфорс двинул Рокфора, правителя герцогства Горностайского, что есть силы в глаз, так что герцог отлетел назад и перевернул чайный столик. Дети, пораженные, взирали на Рокфора, лежащего среди гренков и меренг, меж тем как Уилберфорс прыгал вокруг.

— Вставай и давай драться, трус! — вопил он. — Ах ты, трусливая душонка, вставай, я изрублю тебя на куски. Так и знай, уши тебе отрежу, зубы вышибу!

Пришлось вызвать шестерых садовников, и те с трудом с ним справились и заперли в сарай с садовыми инструментами.

— Я бы сказал, — произнес Попугай, глядя, как стонущего Рокфора уносят в дом, — что эксперимент удался безусловно, безоговорочно и беспрецедентно, как вы считаете?

Дети от всего сердца с ним согласились.

Когда Рокфор немного оправился (правда, глаз у него весь заплыл), он дал клятвенное обещание, что все герцогство Горностайское примет участие в сражении с василисками. Дети и Попугай ликующие возвратились в Кристальные пещеры.

В пещерах теперь стояла суматоха, гомон, работа кипела. Грифоны согнали в один из боковых туннелей стадо лунных тельцов, и те производили лист за листом лунное желе, которое Пенелопа, Дульчибелла и волшебник выдумывали в воздушные шары и прочие нужные предметы. А на уединенном лугу, засеянном лунной морковью, Питер, очутившийся наконец в своей стихии, обучал кавалерийский эскадрон единорогов. Он заставлял их идти рысью, легким галопом и делать повороты разом, как одно целое. Единороги оказались очень понятливыми, и в скором времени Питер уже гордился их четким выполнением команд и военной выправкой.

В течение нескольких дней Этельред подолгу пропадал, и, хотя это не осталось незамеченным, никто об этом не задумывался, так как всем было некогда. Но однажды он появился в тот момент, когда Пенелопа только что кончила выдумывать горы лунного желе в семьсот семьдесят семь огнеупорных костюмов для горностаев и очень уморилась. К ее удивлению, на Этельреде была треуголка с золотыми галунами и весьма нарядный мундир бутылочного цвета с золотыми эполетами и кучей золотого шитья на рукавах. Брюки были белые, на боку висел большой палаш с серебряным эфесом.

— Ой, Этельред, ты великолепен! — восхитилась Пенелопа.

— Я так и думал, что вам понравится, — ответил Этельред. — Это мой мундир главнокомандующего.

— Правда? А кем же ты командуешь? — спросила Пенелопа.

— Пойдемте, я вам покажу. — И Этельред повел ее в боковой туннель.

Там, к удивлению и удовольствию Пенелопы, находилось около пятидесяти жаб в красивых алых мундирах с медными пуговицами и в плоских шапочках без полей, украшенных большими черными перьями. Жабы были вооружены длинными заостренными пиками и луками со стрелами.

— Откуда они взялись? — пораженная, спросила Пенелопа.

— Из замка василисков. «Неужели, — думаю, — я один из всех жаб буду вам помогать?» Вот я и проскользнул туда под видом греческого судовладельца, которому будто бы надо нанять матросов на сорок две шхуны, и завербовал всех моих родственников.

— Просто замечательно, — горячо одобрила Пенелопа. — Я знаю, что Ха-Ха будет в восторге.

Этельред снял треуголку и откашлялся.

— С вашего позволения, мисс, нельзя ли назвать эту братию, то есть полк, скажем, так: Ужасанаводящий жабий полк имени мисс Пенелопы?

— Конечно, можно, мне очень даже лестно, — сказала Пенелопа.

— Спасибо, мисс, — сказал обрадованно Этельред. — Я их веду поупражняться в стрельбе из лука, так, может, сделаете одолжение — примете, так сказать, парад?

— С удовольствием, — отозвалась Пенелопа.

— Полк, смир-рно! — скомандовал Этельред. Все жабы вытянулись в своих красных мундирчиках по стойке «смирно». — Напра-аво! Шагом арш!

Полк повиновался. Когда они поравнялись с Пенелопой, Этельред выкрикнул: «Равнение напра-во!» — и Пенелопа лихо стала по стойке «смирно», держа руку у виска.

— Спасибо, мисс, — поблагодарил Этельред, когда полк промаршировал мимо. — Сейчас они у меня займутся учебной стрельбой. Они уже неплохо стреляют. Вчера один чуть-чуть не всадил мне стрелу прямо в треуголку.

Питер и Саймон провели немало времени в обширной библиотеке волшебника, изучая способы нападения на замки. В одной книге им попалось изображение машины, которая показалась им вполне подходящей. Эта была катапульта с длинной ручкой, напоминающая гигантскую поварешку. Ручку оттягивали назад, закладывали в углубление ложки снаряд и отпускали ручку. Мальчики взяли немного лунного желе и выдумали одну такую катапульту для пробы. Действовала она недурно. Встал вопрос: чем стрелять? Вопрос этот разрешили грифоны. Они вызвались отлить золотые ядра. Ядра получились на славу, а грифоны оказались очень меткими артиллеристами.

Тем временем с Оборотнева острова прилетела Фенелла, а с ней все ее друзья и родные. Пенелопа и мальчики наблюдали их прилет вечером, когда стемнело, и признали, что зрелище было из красивейших, виденных ими в Мифландии: огневки летели над залитым луной морем длинной колеблющейся многоцветной лентой, похожей на ожившую радугу.

Как только они водворились в Кристальных пещерах, Саймон начал производить испытания воздушных шаров. По его вычислениям, для того чтобы шар поднял корзину с тридцатью вооруженными гор-

ностаями, требовалась мощность в сорок огневок. Тогда в его распоряжении оказался бы флот из пятнадцати воздушных шаров. Шары летали и маневрировали отлично, и огневки ужасно гордились тем, как ловко они управляются с шарами.

Словом, приготовления шли полным ходом. В коридорах муштровали жаб и горностаев; грифоны и Табита в поте лица отливали горы золотых ядер, а Пенелопа часами прикрепляла корзины к шарам особо толстым шелковым тросом, специально для этого случая спряденным Дульчибеллой.

Саймон захотел наглядно показать с помощью большой модели замка, что предстоит делать каждому. Он не знал только, где собрать так много народу.

— Ну, это легко, — сказал волшебник, когда Саймон изложил ему свою проблему. — Собери в банкетном зале.

— Я и не знал, что тут такой есть.

— О, да, пойдем, я тебе покажу.

И волшебник, проведя Саймона по нескольким коридорам, распахнул громадные двустворчатые двери. За ними оказался просторный зал с полированным хрустальным полом, освещенный сотнями чудесных грибных люстр.

— Идеальное место! — с восторгом воскликнул Саймон. — Тут даже Освальд поместится.

— Мне будет приятно, что кто-то им воспользуется, — сказал волшебник. — Я построил его для балов и банкетов на случай дождя и совсем забыл, что я сам заведую здесь погодой и, если не захочу, дождь не пойдет. Вот так он и стоит зря, что очень жаль.

— Теперь мы его используем в полной мере, — утешил его Саймон.

Накануне генерального сражения все собрались в большом банкетном зале: колонны возбужденных горностаев и жаб; эскадрон грохочущих копытами единорогов; внушительный клин грифонов в кожаных передниках с брызгами и пятнами расплавленного золота; большая шевелящаяся пискучая масса огневок, похожая на громадную живую клумбу. Были тут и мисс Уильямсон Смит-Смит-Браун со своими барышнями, прибывшие на спине у Освальда. Они пришли в восторг от знакомства с королем единорогов и герцогом Рокфором. Присутствовал сам Освальд, синий, как павлинье перо, со слуховой трубкой наготове. И Табита была тут же, еще больше порозовевшая от волнения. В конце громадного банкетного стола сидело, по выражению Саймона, высшее командование: волшебник, Попугай с Дульчибеллой, Этельред, Пенелопа и мальчики. На столе перед ними стояла модель замка василисков.

Когда все наконец собрались, Саймон, избранный оратором, встал и постучал по столу длинной палкой, требуя тишины. Постепенно писк, шепот и шорох прекратились, и воцарилось молчание.

— Леди и джентльмены, — начал Саймон, — Ха-Ха попросил меня выступить перед вами. Вы все знаете, зачем мы собрались в пещерах. Наша цель — захватить замок василисков, проучить их самих и, главное, спасти Великие Управляющие Книги.

Раздались одобрительные возгласы, топотание и хлопанье лап, копыт и крыльев.

— Смысл собрания заключается в следующем. Мы можем позволить себе только одну попытку, так что ошибиться нельзя. Сейчас каждый узнает, что он будет делать. Прежде всего, мы любой ценой должны помешать василискам уничтожить Великие Книги, василиски на это способны, вы знаете их злобность. Поэтому мы решили доставить противнику столько хлопот, чтобы ему некогда было и думать об уничтожении книг. А потом будет уже поздно. У нас имеются кое-какие сведения о том, что замышляют василиски. Сведения эти получены благодаря храбрости двух членов нашего содружества. Один из них, присутствующий здесь мистер Жаб по имени Этельред, проявил чудеса отваги и сообразительности. Он переоделся индусским заклинателем змей и таким образом проник в замок.

Последовало всеобщее восторженное «о-о-о!» и взрыв аплодисментов. Этельред покраснел.

— С помощью своего приятеля, ужа, он развлекал василисков всякими фокусами, изображая заклинателя змей, а тем временем выяснил, что василиски догадываются о том, что мы что-то затеваем, хоть и не знают что, и жутко нервничают. Этельред запустил фейерверк, и они, говорит, так и забегали, прямо с ног друг друга посшибали.

Раздался взрыв хохота и аплодисменты.

— Сегодня на рассвете, — продолжал Саймон, не в силах удержать улыбку, — наш незаменимый и неповторимый, неукротимый и неустрашимый мистер Попугай произвел дерзкую воздушную разведку над замком.

Послышались крики «браво!» и «да здравствует Попугай!». Попугай поклонился налево и направо.

— В бреющем полете он пролетел низко над стеной и успел разглядеть, что василиски установили несколько пушек и котлов с кипящим маслом. Судя по всему, это их главные средства обороны. В остальном они полагаются на ров и ворота. Могу добавить, что мистер Попугай, пролетая над головами часовых, крикнул им: «Берегитесь, конец близок». И должен с удовольствием сообщить, что двое василисков до того перепугались, что плюхнулись в ров.

Последовало ликование и смех.

— Однако, — продолжал Саймон, — смех смехом, а недооценивать наших противников мы не должны. Они коварны, жестоки и опасны. И в доказательство Питер сейчас прочтет вам ряд новых постановлений, которые василиски намереваются ввести в действие, когда будут управлять страной.

Саймон сел, а Питер встал, развернул свиток пергамента и начал читать:

— «Пункт первый. Из Мифландии изгоняются все фениксы, а также каждая морская змея, превышающая в длину два метра».

— Чертовская наглость! — проревел Освальд.

— «Пункт второй. Все драконы будут использоваться для перевозки тележек с тяжестями, строительными материалами и так далее для нужд василисков».

— Нахалы! — Табита побагровела от ярости.

— «Пункт третий. Всем единорогам обрубить рог и впрячь в повозки василисков».

Последовало гневное ржание и грохот рогов и копыт.

— «Пункт четвертый. Всех жаб использовать для высиживания яиц василисков, мытья полов в замке и обслуживания василисков за столом».

Глаза у жаб выпучились от ужаса.

— «Пункт пятый. Все русалки будут использоваться как тягловая сила для перевозки судов и плотов, а также будут прочищать ров вокруг замка три раза в неделю».

— Какая дерзость! Чтобы я прочищала рвы! Я, с моими благородными связями?! — Дездемона задохнулась от бешенства.

— «Пункт шестой. Всех горностаев использовать как нянек, поваров, лакеев, садовников и прочее в замке василисков».

— Это я, герцог Горностайский, буду нянькой у василисков?! — с отвращением возопил Рокфор. — Я — лакей у василисков?!

— «Пункт седьмой. Заставить Ха-Ха работать на василисков и помогать им заклинаниями».

— Ни за что! Ни за что! Никогда! — выкрикнул волшебник.

Все захлопали и закричали «ура».

— «Пункт восьмой. Следует поощрять: безмерное увеличение числа василисков для полного господства в стране; неуклонное увеличение числа мандрагор, оборотней и других здравомыслящих, высокоразвитых и вызывающих симпатию членов общества».

Тут поднялся такой оглушительный рев гнева и ярости, такой шум и гам, что и вообразить невозможно. Рокфор впал в такое буйство, что нечаянно своей тростью с золотым набалдашником ударил Уинифред по голове. Жабы размахивали пиками с таким пылом, что несколько горностаев заработали синяки, а четыре наиболее слабонервные огневки упали в обморок. Прошло не менее пяти минут, прежде чем удалось восстановить порядок и Саймон смог продолжать.

— Теперь вы понимаете, — сказал он, — почему нам важно победить?

— Да! Да! — закричали все.

— Отлично. А сейчас слушайте внимательно, я расскажу, как будет проходить взятие замка и что будет делать каждый.

Все устремили любопытные взгляды на модель, стоявшую на видном месте посредине стола.

— Это модель замка. — Саймон показал указкой. — Как вы замечаете, он имеет форму свадебного пирога, полого в середке и с четырьмя башнями. Дыра посредине — это большой внутренний двор. Замок окружен рвом, тут подъемный мост и ворота. Всем ясно?

— Да, да! — хором отозвались все.

— Атаковать мы будем следующим образом. Слева и справа от замка будут стоять два взвода грифонов, и при каждом батарея из пяти катапульт. Золотые ядра перед выстрелом будет раскалять Табита для того, чтобы они поджигали все, на что ни упадут, и производили побольше беспорядка. Как только грифоны дадут первый залп,

получивший первоклассную подготовку кузен Этельреда по имени Эгберт, уже находящийся в замке, перережет канаты, удерживающие подъемный мост. К несчастью, он не в состоянии самостоятельно открыть ворота, но едва мост опустится, как ворота будут разнесены в щепки натиском копыт и рогов славной кавалерии единорогов, возглавляемой моим братом Питером. Сразу же, как только эти действия будут осуществлены, произойдут два события. Первое: мисс Уильямсон Смит-Смит-Браун и ее молодые леди в сопровождении нашего доброго друга Освальда войдут в ров и вытащат из него затычку. Уровень воды тут же начнет понижаться. Второе: одновременно моя флотилия воздушных шаров, управляемых огневками и снабженных корзинами, полными горностаев, поднимется в воздух, пролетит над замком и приземлится во дворе и на крепостной стене. Каждый горностай будет снабжен огнеупорным костюмом и пистолетом, заряженным лавандовой водой. Их задача — отвлекать на себя василисков, сражаясь с ними сколько хватит сил. Едва вода во рву спадет и обнажатся трубы, Эгберт пометит два-три отверстия красными флажками. Эти трубы ведут прямо в темницы, где хранятся Великие Книги. Сейчас же большой отряд горностаев вместе с Ужаснаводящими жабами Пенелопы проберутся по трубам, обезвредят часовых и возьмут на себя охрану книг до того момента, когда замок будет взят. Как, все ясно?

Все было ясно как божий день.

— Отлично, — заключил Саймон. — Всем быть на местах завтра ровно в шесть утра, а ровно в половине седьмого грифоны дадут первый залп. Всё, желаю удачи.

Выходя из банкетного зала, Пенелопа подошла к Этельреду.

— По-моему, ты совершил невероятно мужественный поступок. Проникнуть таким способом в замок и так замечательно все организовать мог только ты.

— Пустое, мисс, — ответил Этельред. — Я же говорил: чем-чем, а искусством маскировки я, как-никак, владею.

— Все равно ты умница. И у меня есть к тебе личная просьба.

— Все что угодно, мисс, — с жаром произнес Этельред. — Вы только намекните, и все будет сделано.

— Значит, обещаешь?

— А как же, мисс.

— Хорошо, — продолжала Пенелопа, — ты идешь в замок со своим полком по водостоку, так?

— Да, мисс, я, так сказать, веду их.

— Я хочу идти с вами.

— Что?!! Нет, постойте, мисс, — заволновался Этельред. — Это нечестно. Не могу я вас взять с собой, ей-богу. Случись с вами что, я сам себе не прощу и никто мне не простит.

— Ты обещал? Обещал! Я не собираюсь тут сидеть сложа руки, пока все будут действовать. Ну пожалуйста, Этельред, мне просто обязательно надо пойти с тобой. Я надену вашу хорошенькую красную форму, волосы спрячу под шапочку. Я обещаю делать все, что ты прикажешь, а ты меня будешь защищать.

— Ей-богу, мисс, — с несчастным видом пробормотал Этельред. — Если кто об этом прослышит, с меня шкуру снимут, честное слово.

— Значит, договорились?

— Ну, раз обещал, что теперь поделаешь, — проговорил Этельред. — Только уж вы, мисс, поосторожней, ладно? Дело будет жаркое.

— Буду осторожна, — пообещала Пенелопа.

Попугай взял на себя должность генерала-наблюдателя. Он должен был кружить над замком, наблюдать сверху военные действия и доставлять донесения волшебнику, чей персональный воздушный шар должны были привязать в выгодном пункте, откуда он мог видеть происходящее.

На следующее утро без десяти шесть воздушный шар медленно поднялся в воздух на конце шелкового троса. В нем находился волшебник, на всякий случай вооруженный лавандовым пистолетом, большим пакетом с бутербродами, бутылкой лунноморковного имбирного пива и подзорной трубой Попугая. Сам Попугай примостился на краю корзины, готовый взлететь в любую минуту.

Ровно в шесть грифоны установили свои катапульты, и батальон горностаев положил аккуратными кучками ядра около каждой катапульты. Табита перебегала от одной кучки к другой и разогревала ядра своим дыханием, пока они не накалялись докрасна.

Тем временем горностаи, жабы, русалки и Освальд спрятались в пробочном лесу поблизости от рва. Позади небольшой гряды холмов, как раз напротив подъемного моста, Питер выстроил свою кавалерию, а Саймон привязал воздушные шары. Все было приведено в боевую готовность, и участники терпеливо и мужественно (хотя и трусили немножко) ждали, когда Ха-Ха подаст сигнал.

Точно в половине седьмого волшебник высунулся из корзины и замахал большим зеленым платком с золотыми полосами — флагом Мифландии. Бой за замок василисков начался.

Восемь грифонов заложили золотые ядра в катапульты-поварешки. Восемь других грифонов по сигналу вожака нажали на рычаги, катапульты выстрелили, и золотые ядра, сверкая и визжа, прочертили небо и ударились в зубцы крепостной стены. Они остались лежать там и дымиться, а василиски забегали с ведрами воды, пытаясь их потушить. После трех залпов верхушки стен почти разрушились, замок кое-где пылал, и василиски пришли в такое смятение, что стало ясно: их застали врасплох. Им все-таки удалось перетащить несколько пушек на новые места и сделать пять выстрелов по грифонам, но стрелки они в отличие от грифонов были скверные.

В это время с оглушительным грохотом опустился подъемный мост — это Эгберт перерезал канаты. Немедленно Питер в красивом голубом с золотом мундире, который специально для него сделала Пенелопа, затрубил атаку. Сто пятьдесят белых и голубых единорогов

показались плечом к плечу из-за гребня холма. Сперва они бежали рысью. Приближаясь к мосту, они по команде Питера построились в колонну по четыре. Еще команда — и они перешли на галоп. Ноздри их раздувались, рога сверкали в свете восходящего солнца. Первая волна единорогов влетела на мост, копыта загремели по деревянному настилу, и тут же раздался треск ломающегося дерева — это рога с размаху вонзились в ворота.

Волна за волной ряды единорогов грохотали по мосту и втыкались рогами в ворота, и вот ворота медленно, понемногу начали расщепляться. Василиски в панике подтащили самые большие котлы с кипящим маслом к краю стен над воротами и опрокинули их вниз. Но Попугай, круживший над мостом, успел крикнуть, и единороги вовремя отскочили назад. Затем группа горностаев с ведрами промчалась по мосту и посыпала разлившееся масло песком и гравием, чтобы единороги не поскользнулись.

В тот момент, когда первая волна единорогов скакала по мосту, Освальд с Дездемоной и ее русалками, сидящими у него на спине, свесив хвосты на одну сторону, как амазонки, выполз из пробочного леса и направился ко рву. Василиски нацелили на него свои пушки и выстрелили несколько раз. Ядра ударялись в землю вокруг Освальда, свистели, взрывали лиловый дерн, но ни одно ядро не попало в эту гигантскую мишень. Освальд с русалками благополучно достигли рва и скрылись под водой.

В тот же миг начал воздушную атаку Саймон. Прозрачные шары с сидевшими в них огневками, отсвечивая всеми цветами радуги, поднялись в небо. Под ними в корзинах болтались разъяренные горностаи. Они выпили столько руты, что, если бы не Саймон, они бы передрались между собой в ожидании сигнала. Когда шары очутились над замком, василиски в ярости пытались доплюнуть до них пламенем, но не достали. Горностаи отвечали выстрелами из лавандовых пистолетов, и вскоре василиски на крепостной стене начали задыхаться, кашлять, из глаз у них заструились слезы. Один из василисков так неудержимо чихал, что свалился в котел с кипящим маслом. Наконец воздушные шары с ликующими горностаями перевалили через стену и начали опускаться во двор замка.

Тем временем Дездемона и ее молодые леди отыскали на дне рва пробку. Найти ее было нелегко, так как, где она, они знали только приблизительно, к тому же она заросла илом и слизью. Отыскав ее, они прикрепили к вделанному в нее кольцу веревку и привязали другой конец веревки к Освальду. Эта операция далась им нелегко. Сперва они пытались обвязать веревку вокруг его живота, но Освальд, как выяснилось, страшно боялся щекотки и так хихикал, что ему пришлось подняться на поверхность и глотнуть воздуха. В конце концов веревку обвязали вокруг его шеи. Потом они все разом потянули — и выдернули пробку. Ха-Ха, наблюдавший за ними в подзорную трубу, увидел водоворот грязной воды, образовавшийся над дыркой. Послышалось громкое клокотание и хлюпанье, как будто опустошалась гигантская ванна, и вода стала быстро опускаться.

Василиски, основательно одуревшие от такого количества одно-

временных атак, продолжали тем не менее свирепо сражаться. Ядра грифонов по-прежнему сыпались на крепостные стены. Ворота в замок были уже почти раздроблены. Воздушные шары опустились на двор, и василиски оказались лицом к лицу с жаждущими крови горностаями, вооруженными лавандовыми пистолетами.

Последние остатки воды с хлюпаньем ушли в дыру, ров был пуст и грязен. А в стенах и в самом деле открылись многочисленные водостоки, такие же, как тот, по которому ребята проникли в замок в прошлый раз. Около двух отверстий торчали красные флажки. Этой минуты и ждал главнокомандующий Этельред. Он вывел пятьдесят негодующих и полных энтузиазма жаб и разъяренных горностаев из леса и повел их ко рву. Все они были вооружены огнеупорными щитами и лавандовыми пистолетами. Пенелопа бежала рядом с Этельредом. Вид у нее в красном мундире и в шапочке с пером был очень бравый.

— Пожалуйста, мисс, — с мольбой проговорил запыхавшийся Этельред, когда они спрыгнули в грязный ров и зашлепали по дну. — Пожалуйста, мисс, держитесь рядом и не выкидывайте никаких штук.

— Ладно. — Лицо у Пенелопы разгорелось от возбуждения. — Какое увлекательное приключение, верно?

— Ух ты! — Ядро шмякнулось в ил совсем рядом с Этельредом. — Нет, мисс, для увлекательного оно слишком опасное.

Они достигли помеченных флажками водостоков, и Этельред разделил здесь свой отряд надвое. Внушив горностаям необходимость полной тишины, он послал их по одной трубе, а по другой пошел с Пенелопой и Ужаснаводящими жабами. Пенелопе, следовавшей в полной темноте за Этельредом, казалось, что труба никогда не кончится. Внезапно они наткнулись на железную решетку, за которой был виден коридор, ведущий к темнице с книгами. Они бесшумно сняли решетку и на цыпочках вышли в коридор. Немного поодаль в коридор высыпались из другой дыры горностаи. Снова объединившись, отряд стал тихо красться дальше.

Дойдя до поворота, Пенелопа и Этельред выглянули из-за угла и увидели десяток василисков, очевидно карауливших книги. Они столпились у подножия лестницы и спорили между собой. Было ясно, что они не ожидали нападения с тыла, — спор шел о том, следует им или нет подняться наверх во двор и вступить в драку. Наконец главный среди них решил, что один караульный останется здесь и, если понадобится, подожжет книги, а остальные пойдут во двор на подмогу сражающимся. После чего оставшийся василиск открыл дверь в темницу и стал возле книг, а другие потопали наверх.

— Что будем делать? — шепнула Пенелопа. — Если мы покажемся все сразу, он подожжет книги.

— Да, — шепнул в ответ Этельред. — Пособите-ка мне снять мундир, мисс, живо.

Пенелопа помогла ему, и в ту же минуту он обогнул угол и запрыгал к темнице с лавандовым пистолетом в лапе.

— Эй! — окликнул он часового. — Эй, часовой, а остальные куда подевались?

— Не подходи! — рявкнул василиск. — А то как дыхну на тебя.

— Чего это с тобой? — спросил Этельред. — Я просто пришел показать тебе и вашему главному, какую занятную штуку я подобрал. Погляди-ка.

И Этельред показал василиску издалека пистолет.

— Что это? — подозрительно спросил часовой.

— Да мне сейчас в трубе один горностай попался, ну я и дал ему камнем по башке. Так вот, у него была такая штука. Горностаи из них там наверху ваших косят. Раз — и готово. Только вот не знаю, как с ней обращаться.

Стоя у входа в темницу, Этельред вертел в руках пистолет.

— Давай сюда, я сержанту покажу, — сказал василиск и сделал шаг в коридор. В ту же минуту Этельред пустил струю лаванды прямо ему в клюв. Василиск мгновенно зашатался, закашлял и зачихал. «Сейчас или никогда», — подумала Пенелопа. Она обернулась к шеренгам жаб и горностаев и, крикнув: «В атаку!», бросилась по коридору вперед, животные хлынули за ней.

Василиск, увидев, что на него мчится полчище врагов, хотел бежать в другую сторону, но тут пятьдесят жаб и пятьдесят горностаев ударили в него лавандовыми струями из своих пистолетов. Василиск как-то забулькал, закрутился на одном месте и упал плашмя без сознания.

— Быстро, — скомандовал Этельред, — десять горностаев и десять жаб в темницу стеречь книги.

Он запер темницу и отдал ключ Пенелопе.

— Значит, так, мисс, — сказал он, — вы стоите здесь, а я побегу с остальными наверх.

Поднявшись по лестнице во двор, он увидел, что сражение, собственно, уже почти закончилось. Чихающих, задыхающихся василисков горностаи согнали в одну кучу и связывали по нескольку штук. Видя, что ему тут делать больше нечего, Этельред послал своих горностаев на подмогу товарищам вязать василисков, а сам опять спустился в подземелье. И на последней ступеньке в ужасе застыл.

Пенелопа, стоявшая на часах у двери, не замечала, что поверженный василиск уже пришел в себя и подкрадывается к ней с горящими от ярости глазами. Безоружный Этельред в отчаянии огляделся. К счастью, на полу валялась пика, оброненная кем-то из жаб. Схватив ее, он хорошенько прицелился и метнул ее в василиска как раз в тот момент, когда тот приготовился дунуть на Пенелопу огнем. Пика попала ему прямо между глаз, и василиск повалился навзничь.

— Ох, Этельред, ты спас мне жизнь. — Пенелопа с содроганием посмотрела на лежавшего василиска, из ноздрей у которого валил дым и огонь.

— Пустое, мисс, — скромно отозвался Этельред. — Как-никак, вы мне тоже жизнь спасли, мисс.

Во дворе раздалось громкое «ура», и на мост въехал верхом на

короле единорогов волшебник. Он медленно проехал под стенами, пострадавшими от ядер грифонов, через остатки расщепленных ворот — во двор, где горностаи стерегли жалкие кучки связанных василисков. Посредине двора он остановился, и из подземелья показалась процессия жаб: они несли вместе с золотыми подставками три Великие Управляющие Книги. При виде Книг, целых и невредимых, раздалось такое «ура», что его было слышно по всей Мифландии.

Затем волшебник, все так же на короле единорогов, тронулся к Кристальным пещерам. Попугай сидел у волшебника на плече. Пенелопа с полком жаб, несущих Великие Книги, следовала за ними. Дальше шествовали единороги, грифоны, Освальд с русалками, Табита, с гордостью шагавшая со своей корзиной яиц, горностаи, а над процессией летели воздушные шары с огневками.

Таким-то образом триумфальное шествие достигло Кристальных пещер, и Книги были водворены на место, под крылышко Хенгиста Хайрама Джанкетбери.

Рассказывать по существу почти уже ничего не осталось. Волшебник отправил василисков на отдаленный остров в Поющем море, чтобы они там посидели и подумали, как стать порядочными существами. Замок василисков начали ремонтировать, с тем чтобы Освальд открыл там ресторан. Освальд был безмерно счастлив. Из всех яиц Табиты в свое время благополучно вылупились дракончики, а это означало, что драконы в Мифландии никогда не переведутся.

В день отъезда детей Ха-Ха устроил в их честь прощальный и благодарственный обед. Происходило это на берегу Поющего моря. Поперек пляжа поставили огромный, составленный из нескольких столов банкетный стол. Одним концом он уходил в море наподобие пирса, чтобы водяные животные могли сидеть на морском конце стола, а наземные — на сухопутном. Пир получился на славу, все яства были приготовлены самим Освальдом, говорились речи, произносились тосты, а под конец встал волшебник.

— Дорогие Пенелопа, Питер и Саймон, — сказал он, — только благодаря вам, вашей доброте, уму, храбрости, спасена Мифландия. Нам жаль, что вы покидаете нас, но знайте: когда бы вы ни приехали, здесь всегда будут вам очень рады.

Все одобрительно зашумели, послышались крики «Правильно!», «Само собой разумеется».

— А сейчас, — заключил волшебник, — я хочу сделать вам от всех нас подарок.

Он протянул Пенелопе красивую резную шкатулку, и, открыв ее, девочка застыла в изумлении. В шкатулке лежало три ожерелья для нее — жемчужное, рубиновое и бриллиантовое. Такие же запонки и булавки для галстуков — для Питера и Саймона. И наконец, там лежали три ордена победы над василисками. На них были изображены поверженный василиск и стоящие вокруг ликующие жители Мифландии. Ордена были усажены мельчайшими драгоценными камнями

и жемчужинками и отделаны золотой и серебряной филигранью. Дети были потрясены. Окружающие при виде их восторга затянули: «Они хорошие ребята», — и у Пенелопы навернулись на глаза слезы. Дети обняли по очереди всех своих друзей и последним — волшебника.

— Приезжайте поскорее, — сказал он, — мы будем ждать вас с нетерпением.

— Непременно приедем, — пообещали ребята, — непременно.

Потом они сели на трех своих единорогов, а на четвертого взобрались Попугай с Этельредом, хотевшие их проводить, и они двинулись в обратный путь, оставив своих друзей весело пировать на берегу Поющего моря.

Через час они прискакали ко входу в Мифландию, через который когда-то вошли.

— Послушайте, мисс, — шепнул Этельред, когда все спешились, — нельзя ли сказать вам словечко наедине?

— Конечно. — Пенелопа отошла с ним в сторонку за скалу.

— Знаете, мисс, не согласитесь ли вы кое-что для меня, так сказать, сделать? — спросил он, покраснев до ушей.

— Все что угодно, Этельред, ты же знаешь.

— Значит, такое дело, мисс... — Этельред краснел все гуще. — Я тут читал как-то... ну, знаете, одну историю про жабу. Там еще была одна... значит, принцесса. Так она, знаете... ну, в общем, она поцеловала жабу, а та, не поверите, превратилась в красивого принца.

— Так ты хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

— Уж если вы не принцесса, мисс, так я не знаю, кто еще! — проговорил убежденно Этельред. — Так что не откажитесь, мисс, разок, как бы для пробы.

— С удовольствием, — сказал Пенелопа.

И вот Этельред зажмурил глаза, а Пенелопа нагнулась и поцеловала его.

— Ух ты, — произнес Этельред, не открывая глаз. — Есть какая разница, мисс?

— Боюсь, что нет, — ответила Пенелопа.

Две большие слезы выкатились у Этельреда из-под закрытых век и медленно скатились по щекам.

— И я очень рада, — решительно добавила Пенелопа.

— Рады, мисс? Как так? — Этельред от удивления открыл глаза.

— Кому нужен какой-то противный красавец принц вместо тебя? Ты мне нравишься таким, как ты есть — красивой, храброй, доброй жабой Этельредом.

— Правда, мисс, честное слово? — Этельред просиял. — Можете перекреститься, поплевать на руку, сказать «Умру, если совру»?

— Честное слово, — сказала Пенелопа и в подтверждение своих слов еще раз поцеловала его.

— Пенни, пошли! — окликнул ее Питер. — А то мы так никогда не уйдем.

Они приблизились ко входу в туннель. Тут мальчики пожали Попугаю лапу, а Пенелопа расцеловала его в обе щеки.

— До свидания, мои добрые, храбрые, дорогие друзья, — проговорил Попугай. — Пожалуйста, приезжайте скорее.

— Да уж, пожалуйста, — добавил Этельред.

— Мы постараемся приехать на следующий год, — сказала Пенелопа. — Обещаем. Мы дадим знать через мадам Гортензию.

Дети в последний раз обвели взором Мифландию, прекрасные синие пробочные леса, лиловую траву, искрящееся золотом Поющее море, нефритово-зеленое небо и караваны разноцветных облаков. Они взглянули еще раз на своих друзей, Этельреда и Попугая, бросили взгляд на кивающих им головами белых и голубых единорогов. Затем, в последний раз помахав им на прощание, Пенелопа, Питер и Саймон шагнули в туннель, который должен был привести их обратно в их собственный повседневный мир.

Оглавление

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Для среднего возраста

Джеральд Даррелл

ГОВОРЯЩИЙ СВЕРТОК

Ответственный редактор
С. М. ТУРКОВА

Художественный редактор
Г. П. ФИЛЬЧАКОВ

Технический редактор
З. П. КОРЕНЮК

Корректоры
Л. А. БОЧКАРЁВА и
Н. Н. ЖУКОВА

ИБ 3914

Сдано в набор 18.03.81. Подписано к печати 01.09.81. Формат 70×100[1]/[16]. Бумага офсетная № 1. Шрифт балтика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,7. Усл. кр.-отт. 25,36. Уч.-изд. л. 12,01. Тираж 100 000 экз. Заказ № 188. Цена 80 коп.

Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

*Присылайте нам ваши отзывы
о прочитанных книгах
и пожелания об их содержании
и оформлении.
Напишите свой точный адрес
и возраст.
Пишите по адресу:
Ленинград, 191187,
наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги издательства
«Детская литература».*

Даррелл Дж.

Д 20 Говорящий сверток: Сказочная повесть/Пер. с англ. Н. Рахмановой; Рис. М. Беломлинского. — Л.: Дет. лит., 1981. — 140 с., ил. (Библиотечная серия.)

В пер.: 80 к.

Сказочная повесть известного английского ученого-зоолога. В острой приключенческой форме рассказывается о сказочной стране Мифландии, которую герои сообща освобождают от злых деспотов василисков.

И(англ.)

70803—171
Д————————392—81
М101(03)—81

ЧИТАЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОФМАН Э. Т. А.

ЗОЛОТОЙ ГОРШОК И ДРУГИЕ ИСТОРИИ.

Перев. с немецкого.
Рис. Н. Гольц.
М., 1981, 366 с.

ЗАЛЬТЕН Ф.

БЕМБИ.

Лесная сказка.

Переск. с немецкого Ю. Нагибина.
Рис. Г. Никольского.
М., 1972, 158 с.

КЕРН Л. Е.

ФЕРДИНАНД ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ.

Повесть-сказка.

Перев. с польского С. Свяцкого.
Рис. М. Скобелева.
М., 1974, 224 с.

КИПЛИНГ Р.

МАУГЛИ.

Повесть-сказка.

Перев. с английского Н. Дарузес.
Рис. В. Шубова.
М., 1979, 193 с.

КОРЧАК Я.

КОРОЛЬ МАТИУШ ПЕРВЫЙ. — КОРОЛЬ МАТИУШ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ.

Повести-сказки.

Сокр. перев. с польского Н. Подольской.
Рис. Е. Сроковского.
М., 1978, 415 с.

КЭРРОЛЛ Л.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС.

Сказка.

Переск. с английского Б. Заходера.
Рис. Г. Калиновского.
М., 1979, 159 с.

ЛАДА Й.

ОЗОРНЫЕ СКАЗКИ.

Написал и нарисовал Йозеф Лада.

Перев. с чешского Г. Шубина.
Л., 1961, 128 с.

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ А.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ.

Сказка.

Перев. с французского Н. Галь.
Рис. автора.
М., 1978, 94 с.

ТОЛКИН Д. Р. Р.

ХОББИТ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО.

Сказочная повесть.

Перев. с английского Н. Рахмановой.
Рис. М. Беломлинского.
Л., 1976, 254 с.

УАЙЛЬД О.

МАЛЬЧИК-ЗВЕЗДА.

Сказки.

Перев. с английского.
Рис. Н. Гольц.
М., 1972, 112 с.

МИФЛАНДИЯ

ДОЛИНА ФЕНИКСОВ

РУДНИКИ ГРИФОНОВ

ЛУГА ЕДИНОРОГОВ

КРИСТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ

ХОЛМЫ
ЛУННЫХ
ТЕЛЬЦОВ

ОБОРОТНЕВЫЙ ОСТРОВ

ОСТРОВ ЗОЛОТОГО ГУСЯ

ПОЮЩЕЕ МОРЕ

ЗАМОК ВАСИЛИСКОВ

ГЕРЦОГСТВО ГОРНОСТАЙСКОЕ

80 коп.

МИФЛАНДИЯ

